

Вьяса

*Лоциш одного
лоцмана*

Посвящается тем, кто доберётся до самого конца

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже более двадцати лет (мне сейчас немногим за сорок) я "варюсь" в мире духовности. Это не ограничивается одним только чтением книг или, скажем, просмотром лекций — имел и имеет место быть и личный, невычитанный опыт.

Последние лет десять я, в той или иной манере, "документирую" свои около-духовные мысли. Вначале меня подстёгивало острое ощущение срочности. Сейчас, несколько остепенившийся, я никуда не спешу. Наверное, мой взгляд стал более трезвым — и на себя, и на мир. Хотя озабоченности мои никуда не исчезли, чему доказательство — эти самые строки.

Чтобы читатели лучше себе представляли круг моих духовно-литературных интересов: это и лекции Шри Матаджи

Нирмалы Деви, и *Роза Мира* Даниила Андреева, и *Почему мы не можем быть хорошими?* Джейкоба Нидлмана, и труды Карла Юнга, а также всё почерпнутое (с неизменной благодарностью) у Клайва Льюиса, Антуана де Сент-Экзюпери, Григория Померанца, Виктора Франкла, Раманы Махарши и многих других. Моё знакомство с основными священными текстами как бы идёт по умолчанию.

Вначале подспудный, а после осознанный, на протяжении многих лет мною двигал поиск "общего знаменателя" между разными, нередко конфликтующими друг с другом духовными, философскими и психологическими учениями — причём поиск чего-то здорового и, что не менее важно, практичного. Плоды этого поиска, в конечном итоге, воплотились в *Лоциях одного лоцмана*, где лоции — это искомые общие моменты, вычлененные из хаоса частных, а лоцман — ну да, я.

По структуре этот труд — калейдоскоп конспектов, эссе, стихов, фрагментов книг,

цитат и иллюстраций, объединённых общей повествовательной нитью. Несмотря на свою нелинейность и некоторую размашистость, получившийся в итоге текст поделился на "Основы", "Космологию", "Религиоведение", "Гносеологию", "Методологию" и "Мою гносеологию". Будет место и для послесловия.

Касательно фрагментов книг. К примеру, из *Почему мы не можем быть хорошими?* Нидлмана заимствовано в общей сложности около трёх глав (в моём переводе на русский). Некоторые в этом усмотрят нарушение авторского права и будут правы. Но это сделано в просветительских целях — в этом моя правота.

Надеюсь, это предисловие вызвало у читателей достаточный интерес, чтобы перейти на следующую страницу и так дальше. К ним же — к вам — предъявляется одно только требование — вдумчивость.

ОСНОВЫ

Этот раздел практически полностью состоит из фрагментов *Книги-беспокойства*, моей первой попытки дать систематизированный взгляд на структуру и динамику *самости* — психологической целостности личности — от животных низов до самого Божественного верха:

В одной из школ суфизма, "глубоководного" течения ислама, самый страшный грех — быть оскорблённым. Возможно, это вызовет недоумение у тех, кому более привычно "Не убей", "Не прелюбодействуй" и т. д. Суфийская заповедь "Не оскорбляйся" заходит издалека.

Говорят, Бог есть истина. А ещё что Бог — непоругаем. Следуя этой логике, истина —

непоругаема. Продолжая в том же ключе, тот, кто стоит на истине, также становится непоругаем, и, в этом смысле, оскорбление есть ничто иное, как проверка его духовных основ. Непоругаемость, помимо прочего, означает сохранение покоя. После всех этих выкладок можно сказать, что покой есть признак истинности или истины в некоем абсолютном значении. Если более "светским" языком: собака лает — караван (или слон) идёт.

Однако, покой не исключает какой-то событийности или "колебательных движений". Скажем, волнение на море несколько не противоречит безмятежности его глубин. Точно так же табу на богохульство легко может соседствовать с непоругаемостью Бога. Даже если хула действительно способна вызвать Его гнев, читай, шторм, то это, в первую очередь, чревато для хулителя существенной "встряской". Ничто не прилипнет к Богу, т. е. не повлияет на Его самосознание — в этом

проявится Его покой.

Возвращаясь на человеческий план и уже говоря о покое и колебаниях в самом широком смысле, любая потребность, желание, влечение — можно назвать это совокупно "жаждой" — будет нарушать условное равновесие или устоявшийся порядок вещей. Утоление жажды будет возвращать утраченный мир и, возможно, становиться ступенькой для более глубокого умиротворения с присущими ему более утончёнными и возвышенными жаждями. И так далее. Утрата покоя и возвращение к нему, обогащённым или опустошённым, создаёт если не рисунок, то чертёж человеческой жизни.

Если абсолютный покой, истина и Бог суть одно, наиболее возвышенной можно назвать ту жажду, что утоляется познанием истины, приобщением к извечному покою Бога. Особенность этого покоя, помимо его незыблемости, в том, что он неотделим от радости. К примеру, в философии веданты

формула "сат-чит-ананда" — бытие-внимание-радость — описывает природу Бога. Ощущение радости или утоление жажды на более низких ступенях происходит благодаря контрастности переживаний, игре противоположностей, по сути, мужского и женского начал.

Движение от неких имитаций покоя к покою истинному есть "срединный путь", он же "прямой путь", или просто *Путь*. На этом *Пути* означенные начала превращаются в спутников и, в конечном итоге, должны слиться в некое неразрывное целое. В различных духовных традициях им соответствуют *янь* и *инь*, *раджас* и *тамас*, *солнце* и *луна*, *явь* и *навь* и т. д.

Тожественным *Пути* будет *Тай-цзы*, *саттва*, *правь*, *Великое делание*. Выбрав из всего этого многообразия *солнце* и *луну*, а также *Путь*, пожалуй, двинусь с ними дальше.

Для удобства можно представить ось, читай *Путь*, вдоль которой обвиваются две

спирали — *солнце* и *луна* — берущие начало у её основания и постепенно истончающиеся по направлению к вершине. Несколько более объёмно это будет выглядеть как ступенчатая, конусообразная конструкция, что-то наподобие буддистской ступы. Так или иначе, при отклонении любой из спиралей всё это, скорее, будет напоминать маятник — на смену союзничеству приходят токсичные отношения либо грубые, читай низменные гармонии. Но об этом несколько позже.

Об онтологических качествах *солнца* и *луны*. Теплота, свет, порядок, жёсткость и лёгкость, присущие *солнцу*, контрастируют с холодом, темнотой, хаотичностью, мягкостью и тяжеловесностью *луны*.

Применительно к человеческой самости, *солнце* будет выражаться как динамизм, самоутверждение, сознательность, трансцендентность. *Луна* же будет вносить свою лепту в виде восприимчивости, чувственности, инертности,

эмоциональности, интуитивности.

Можно сказать, что из различных *солнечных* "отсветов" складывается ощущение "я", а *луна* его сопрягает с некоей вещественностью, чувственностью, принадлежностью общему целому ("не-я"). Вместе они, как было сказано, образуют самость как с текущими, сиюминутными её состояниями, так и восхождением либо нисхождением её по оси *Пути* в некой долгосрочной перспективе.

Кажется, некоторые индивиды оказываются влекомы восходящим потоком, вплоть до Всевышнего или истины, или незыблемого покоя. Среди прочего, это делает их менее чувствительными к каким-то словесным выпадам в их адрес.

Вот почему для некоторых последователей суфийской традиции самый страшный грех — это быть оскорблённым.....

.....Коль скоро общая динамика *самости* более или менее прояснена, её составные части стоит рассмотреть более пристально.

За исходную точку во всей этой "конструкции" можно взять инстинкт самосохранения. Ощущение уязвимости и страх, исходящие от *луны*, сопряжено здесь с *солнечной* реакцией борьбы или бегства. *Животное "я"*.

Следом идёт инстинкт размножения. Мужская или женская, иными словами, активная *солнечная* или более пассивная *лунная* сексуальность обуславливает *гендерное "я"*. Здесь *лунная* чувственность также спаяна с *солнечным* смыслом продолжения рода.

Покорность будет ещё одним качеством *луны*, которая тяготеет к внешнему, *солнечному* источнику силы, авторитета, знания. Его как бы зеркальный *солнечный* аспект, направленный вовнутрь — стремление к самоутверждению и независимости. *"Я" слуги/хозяина* либо, под

несколько иным углом — *ученика/учителя*).

Чувство эстетики и творческое наитие становятся новыми дарами *луны*. *Солнце* их будет "высветлять" в какие-то конкретные, законченные формы и смыслы. "*Я*" *творца*.

Следующим *лунным* ликом будет стремление к накопительству и обладанию, а *солнце* будет его переводить на язык символов — имущество, деньги, статус, традиция и т. д. — и претворять в жизнь. "*Я*" *обладателя*.

Любовь, более тонкий *лунный* свет, сияет несколько выше. В первую очередь, он направляется на ближайший круг, т. е. родителей, братьев и сестёр, далее — на супруга и детей. Благодаря *солнцу* происходит осознание своей роли и обязанностей по отношению к любимым. Иными словами, на этом уровне зарождается любовь и ответственность. *Семейное "я"*.

В *социальном "я"*, чувство материнства и

отцовства, братские и сыновние чувства, равно как сестринские и дочерние — суть *лунное* сияние — направляются на людей, не связанных с "я" непосредственными родственными узами. Это происходит благодаря тому, что *солнечные* лучи освещают новые "просторы", что, в свою очередь, позволяют проявиться более утончённой *лунной* любви, сопричастности, сорадованию и состраданию. Тончайшей формой *социального "я"* будет *общечеловеческое*.

Все вышеупомянутые "я" в *самости* показаны не столько в порядке их возникновения и развития, сколько по мере утончения *солнечного* и *лунного* света. За их отслеживание и, по необходимости, корректировку будет отвечать *созерцательное "я"*, охватывающее их и, одновременно, как бы несколько парящее над ними. Память, чувственный опыт и эмоциональность со стороны *луны* вкупе со всеми *солнечными* идеями, формами и

принципами будут его столпами.

До сих пор во всех этих "я" не значился *Путь*, который (в идеале) как бы незримой нитью проходит через все смычки *солнца* и *луны*, предотвращая их искажения и перекосы в ту или иную сторону. По сути, это означает *гармонию между внутренним и внешним*. В этой гармонии, к примеру, *животное "я"* не будет нагнетать страх или принимать излишние меры для своей защиты без реальной, соразмерной опасности. Или, скажем, *гендерное "я"* будет ограничено узами супружества, понимаемого как союз мужчины и женщины, а также *благоприятными* формами сексуальности, в отношении которых основные мировые религии более или менее сходятся в своих оценках. Т. е. гармония в границах *Пути* неразрывно связана с понятием "благоприятности", т. е. сплавом функциональности, этики и эстетики.

Если все "я", от низших до более высоких,

пребывают в гармонии, это создает наилучшие предпосылки для проявления *Божественного "я"*. Если мне позволено судить об этом уровне, здесь достигается максимально тонкое и целостное восприятие, а сообразные ему действия совершаются в состоянии глубокого покоя. Библейский образ льва и агнца, мирно возлежащих вместе в раю, вполне может символизировать высочайшую гармонию *солнечного* и *лунного* светил. Коран несколько иначе живописует райский сад, однако главная фраза его обитателей — "мир", суть покой. Бхагават Гита говорит о состоянии йоги, союза с Божественностью, как о "действии в бездействии". Если под бездействием понимать совершенный покой, а не, скажем, ничегонеделание, то вырисовывается та же самая картина. Помимо всего прочего, всё это прекрасно согласуется с суфийской заповедью "Не оскорбляйся" .....

.....Как уже говорилось, *солнцу* присуща трансцендентность, т. е. стремление выйти за некие рамки. *Луна* же склонна замыкаться на себе. В этом смысле, *Путь* становится чувством меры для обоих этих начал, даёт каждому из них представление о другом спутнике, ограничивая их естественные эгоистические (*солнце*) и эгоцентричные (*луна*) наклонности и тем самым увлекая их за собой.

В отношении *животного* и *гендерного "я"* примеры уже приводились.

Двигаясь дальше по нарастающей, в *"я"* *слуги/хозяина (ученика/учителя)* для *луны* должен действовать ограничитель "Не создай себе кумира". *Солнце*, со своей стороны, должно признавать необходимость высшего авторитета, т. е. иметь понятие о послушании. Слово Экзюпери:

*Я понял: твёрдость и послушание —
две стороны одной медали. "Твёрдый*

орешек" — говорим мы с одобрением об одном, "сама себе хозяйка" — о другой, — я обнял её, но она была далека от меня, словно яхта на морском горизонте, — их я и называю людьми: они не торгуются, не вступают в сделки, не подлаживаются, не идут на компромиссы, не предают себя из корысти, сладострастия, усталости, сердце их твёрже оливковой косточки. Я могу стереть их в порошок, но не выдавлю масла тайны, и я не позволю тирану или толпе властвовать над их алмазными сердцами, потому что именно такие люди и бывают по-настоящему послушны. Именно они бывают кроткими, дисциплинированными, почтительными, они способны на веру и на жертву, став покорными сыновьями глубинной мудрости, став хранителями добродетели...

В "я" творца *Путь* будет проявляться примерно следующим образом. Ориентиром для творческого вдохновения или наития — даров *луны* — будет уже означенная благоприятность. Кроме того, вдохновение должно быть выражено, а не томиться в плену воображения, поэтому *Путь* его будет как бы "выталкивать" к *солнечному* свету. С другой стороны, *солнце* должно выражать то, что имеет под собой какую-то реальную основу, а не "пускаться во все тяжкие", т. е. измышлять свои собственные смыслы. Мерой для *солнца* как на этом уровне, так и на всех последующих, будет ощущение реальности.

Стремление к накопительству в "я" *обладателя* будет умеряться способностью довольствоваться меньшим или малым. Такая *луна* будет более склонна отдавать, т. е. проявлять щедрость. Её *солнечным* эквивалентом будет чувство достоинства, основанного на умеренности и каких-то более высоких истинах. Выход за эти рамки

будет означать излишнее тяготение в сторону статуса и чувства собственности по отношению к вещам, людям, стране или даже Богу.

В *семейном "я"* Путь будет очищать *лунное* сияние, читай любовь, дабы оно не замыкалось на одном только кровном родстве. *Солнце*, со своей стороны, получает понятие о взаимности. В противном случае, оно склонно эгоистично эксплуатировать других. Примерно тот же принцип работает в *социальном "я"*, только в более широком контексте.

Что касается *созерцательного "я"*, здесь *луна* тяготеет к весомости и незыблемости знания, а *солнце* будет занимать более критическую, оценочную позицию. Путь здесь становится чем-то вроде третейского судьи. С одной стороны, "непогрешимость" *луны* будет испытываться новым, *солнечным* знанием; с другой, в качестве "предохранителя" *солнцу* будет предлагаться нечто испытанное и

сбереженное *луной*. Гармоничный союз *солнца* и *луны* на этом уровне достигается приверженностью обоим истине или некоему высшему порядку, во многом благодаря способности отпускать ненужный или потерявший актуальность "груз", иными словами — прощать.

В свете всего этого, в *Божественном "я"* объединение *солнца* и *луны* будет означать наиболее деликатное, тонкое и интимное слияние сознательности и чувственности. Глубокое и ясное сознание, суть *солнечный свет*, будет здесь сопряжено с тончайшей любовью — сиянием *луны*. К примеру, в буддизме подобное состояние именуется "бодхи", на языке йоги — "мокша".

Если подытожить основные качества *Пути*, освящающие гармонии *луны* и *солнца*: благоприятность (сплав этики, эстетики и функциональности), чувство меры и смирение перед истиной.

Как уже было сказано, логика восхождения такова, что покой и радость становятся

устойчивее с каждой более высокой гармонией, а то, что ниже, как бы отходит на задний план. К примеру, сексуальное влечение умеряется чувством материального достатка и семейного благополучия. Эти радости, в свою очередь, также утрачивают вес, когда более высокие "я" (*социальное "я"*) диктуют свои истины. Скажем, для защиты своих близких и родины добровольцы уходят на фронт. *Социальное "я"* способно расшириться до *всечеловеческого* — над-полового, над-расового, над-кланового, над-этнического, над-конфессионального, когда во главу угла ставится истина и ради неё жертвуется всё остальное. Во многом это происходит благодаря *созерцательному "я"*. Сократу приписывают фразу: "Платон мне друг, но истина дороже". Есть более жёсткое евангельское высказывание:

*Кто любит отца или мать более,
нежели Меня, не достоин Меня; и кто*

*любит сына или дочь более, нежели
Меня, не достоин Меня.*

Вероятно, эта истина должна смягчиться тем, что взамен всему, приносимому ей в жертву, даётся нечто настолько всеобъемлющее и прекрасное, что какое-либо ощущение утраты сводится на нет. В том случае, конечно, если берётся последняя высота.....

.....Следование *Пути* вплоть до достижения каких-то сияющих высот — это идеальный сценарий. Однако, как это нередко бывает с идеалами, происходит это крайне редко. Что бы ни говорили последователи суфийской и прочих почтенных традиций, это всё перечёркивает фраза: "Человеку свойственно ошибаться", читай — отклоняться.

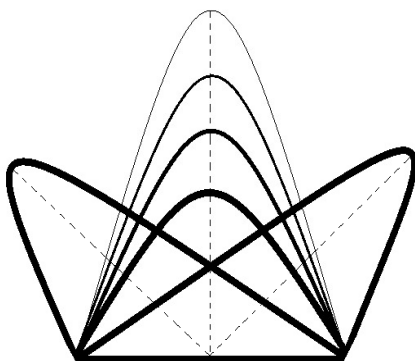
Верным признаком отклонения будет несостыковка *солнца* и *луны* на какой-то высоте и, как следствие, излишнее тяготение

каждого из них к более грубому аспекту своего компаньона, а также склонность скатываться к своей собственной "грубости". Ранее я сравнил это отклонение с качанием маятника, но необходимо сюда добавить ещё несколько штрихов.

Читателям предлагается немного пустить в ход воображение, представив пружину в форме дуги, прикреплённую обоими концами к горизонтальной плоскости. В её верхней точке будет перемычка, разделяющей её на две равные боковины. Через центр дуги будет проходить вертикальное силовое поле, постепенно и равномерно поднимая всю пружину, сближая её боковины и тем самым предохраняя их от чрезмерных колебаний.

При настойчивых попытках одной из боковин "перетянуть одеяло" на себя и уклониться от силовых линий поля — подобное своенравие также необходимо учесть в воображаемой картине — она будет в той или иной мере лишаться его

поддержки. Кроме того, ограничителем и противовесом отклонившейся боковине становится одновременно другая сторона и её собственное основание. Если курс движения не выравнится в сторону центра, то происходит неизбежное схлопывание пружины в противоположную сторону — наискось вниз. Вероятно, нетрудно догадаться, что пружина символизирует взаимосвязь *солнца* и *луны*, двух боковин, в силовом поле Пути. Ниже очень схематично показана эта "эквилибристика":

Если ещё слегка пофантазировать, *солнечная* сторона будет иметь довольно мало изгибов, и, в основном, это касается только её *нити* или верхней части. У самого же основания она подобна прямому, толстому *жгуту*. *Лунная* боковина целиком спиралевидна, начиная от больших, тяжеловесных *колец* вплоть до более лёгких и маленьких *витков* в верхней её оконечности. По большому счёту, к восхождению стремится или склонна лишь верхняя часть пружины благодаря *отпечаткам*: некоторая витиеватость *нити* свидетельствует о наличии в ней частичек *луны*, а более лёгкие и подвижные *витки* — о *солнечных* вкраплениях. Именно это делает возможным более глубокое взаимопроникновение и сопряжение этих светил. Даосский символ "инь-янь", где каждое из начал содержит в себе частицу своей противоположности, в общем, отражает этот принцип:

Что касается нижних частей — *жгута* и *колец* — они слишком поляризованы, чтобы нести в себе *отпечатки* друг друга. В этой связи, поиск своей противоположности или дополнения на этом уровне направлен практически полностью вовне.

Переводя всё это на нормальный, человеческий язык, уровень *жгута* и *колец* означает удовлетворение базовых потребностей в безопасности и материальном достатке, довольно приземлённые радости, стремление к статусу, а также относительно грубые эмоциональные привязанности и наития.

Витки и нить сообщают жизни более высокий смысл, будь-то создание произведений искусства, стремление к более справедливому мироустройству, поиск научной истины или истины в некоем абсолютном значении, подкреплённый более тонким чувством вдохновения, любви и сопричастности. Иными словами, они становятся источником идеализма посреди тривиального, низменного, будничного.....

.....Хотелось бы дать более чёткое определение "отклонению". Как уже говорилось, отклонение происходит из-за несостыковки *солнца* и *луны* на некоей высоте, т. е. между *нитью* и *витками*. Однако, возможна и более бесхитростная картина — преобладание *жгута* и *колец*. Возможно, это прозвучит довольно резко, но, по сути, это означает животную или полуживотную жизнь — памятуя о гармонии между внутренним и внешним, человеку подобное существование не к лицу. Поэтому

более уместным здесь будет говорить не столько об отклонении, сколько *перевороте*, т. е. приоритете грубого над тонким. Если отклонение приводит к дисгармонии, то *переворот*, в каком-то смысле, есть гармония, но довольно хрупкая и низменная.....

.....Перекидывая мостик между иерархией "я" и новым "пружинным" жаргоном, *жгуту* и *кольцам* будет соответствовать *животное* и *гендерное "я"*, а также *"я" слуги/хозяина* (*учителя/ученика*), *"я" творца* и *"я" обладателя*.

Условный водораздел между низом и верхом проходит через *семейное "я"*. Иными словами, для обретения человеческого подобия нужна, как минимум, любовь и ответственность по отношению к другим существам.

Верх — *нить* и *витки* — охватывает собой *социальное* и *созерцательное "я"*, в некоторых случаях дотягиваясь до

Божественной высоты.....

~ ~ ~

Надеюсь, читатели не слишком перегружены всеми этими техническими подробностями. Чтобы во всём этом разобраться, лично мне понадобилось немало лет, и если кому-то что-то не "заходит" с первого или даже десятого раза — в этом нет никакой беды. Будет ещё множество метафор, формулировок, иллюстраций, начиная буквально со следующего раздела, и, возможно, некоторые из них кому-то окажутся больше по́ сердцу (и по уму). Нужно ещё сказать, что за всем этим "молекулярным" расщеплением самости кроется веская причина, которую читатели смогут по достоинству оценить ближе к завершению этого труда.

КОСМОЛОГИЯ

Теперь, когда заложено основание, остаётся водрузить на него здание космологии. В получившемся "космосе" будет вращаться несколько "галактик", каждая со своими телами — небесными и inferнальными — и индивидуальной траекторией. При всём при этом они будут двигаться в ритмичном согласии и тесном взаимном переплетении.

Одна "галактика" представит собой юнгианскую систему, во многом мною переработанную; другая — конспект прозрений Даниила Андреева и развёрнутую цитату из его *Розы Мира*; третью заполнят мои размышления о Принципе Сына или *Логосе* вслед Андрееву; в четвёртой порассуждаю о карме и реинкарнации; и, наконец, в пятой рассыплю свидетельств, которые частично

или косвенно подтвердят многое из
вышеизложенного.

~ ~ ~

По Карлу Юнгу — и здесь, и далее по тексту
будет скорее вольная трактовка его идей —
человеческая самость не просто "подвешена
в воздухе", а несёт в себе высшее
предназначение, зов архетипа "Я" (далее
просто "Я"). Это "Я" представляет собой
наибольшую полноту осуществления данной
конкретной личности и тесно перекликается
с христианским образом Бога (а *образ* Бога
не мыслится без, собственно, самого Бога).
Юнг называл движение к наибольшей
полноте, или глубине, "индивидуацией". По
сути, это гармонизация и облагораживание
мышления, эмоций, интуиции и телесности.
Люди вольны отвергнуть глубинный зов,
довольствуясь "мелкой рыбёшкой" на
поверхности существования. Это можно
назвать обычной, нормальной жизнью.

Им — вернее, *нам* — дана ещё одна свобода: развернуться в диаметрально противоположном направлении и, в конечном итоге, оказаться во власти дьявола или демонизма, если мысль о персонифицированном, сознательном зле у кого-то вызывает дискомфорт. В каком-то смысле, это тоже глубина — глубина низости, а не высоты.

Итак, перед каждым из нас как перед сказочным персонажем разбегаются — или выбор в какой-то момент уже был сделан — три дорожки. Лишь одна из них ведёт к подлинному осуществлению самости и, что не менее важно, обещает наиболее благодатное (или наименее мучительное) посмертие...

...Если избран путь к высоте-глубине, то всё выглядит достаточно просто (и одновременно сложно): проживание как можно большего количества жизненных ролей, в частности, ребёнка, ученика,

супруга, родителя, профессионала, художника (в самом широком смысле), гражданина, правителя (в первую очередь, власть над самим собой), воина (борьба с собой либо внешними обстоятельствами), мудреца — со всеми сопряжёнными радостями и тяготами и, что не менее важно, определённым складом ума, которому свойственна честность, внимательность, смиренность перед Высшим началом и мужество (даже для женщин). Честность и мужество в т. ч. понадобятся для встречи со своей "тенью", но об этом позже. Всё это открывает самость к коллективному бессознательному — Божественным его слоям — что будут преобразовать её по образу и подобию Бога.

Наряду с зовом той или иной "бездны" (или шёпотом "мелководья"), в самости наличествуют два онтологических начала: стремление к автономии ("бытие", мужской принцип, янь, раджас) и стремление к принадлежности ("не-бытие", женский

принцип, инь, тамас). В идеале, их закручивает в танце центростремительность "Я". Если этого не происходит, "Я" так или иначе (не мытьём, так катанием) пытается привлечь их к себе. Если эти попытки оказываются тщетны, "Я" оставляет их на произвол судьбы (если выбор был сделан в пользу "мелководья") либо более энергично отшвыривает их своей центробежной силой (сознательно избравших зло). Под судьбой же Юнг понимал всю совокупность внутренне непроработанных ситуаций, проявляющихся как внешние события. Об этом позже.

"Я" или внутренний образ Бога, как уже было сказано, невозможен без Бога вообще. Среди прочего, Он выражается как пульс времени, "здесь и сейчас" истории — вне зависимости от того, кто и как её индивидуально проживает. Его можно представить как невозмутимого, величественного слона, идущего размеренной поступью и доводящего до

некоего окончательного логического (телеологического) завершения всё начатое (посеянное). Можно оказаться на слоне, а можно — под его ногами.

Для краткости, зов или центробежную тягу "Я" назову "Путём". Увлекаемые, корректируемые или отбрасываемые им начала обозначу как "бытие" и "небытие", хотя читатели вольны использовать другие их имена по своему вкусу (к примеру, мужской и женский принципы)...

..."Бытие" и "небытие" требуют более пристального к себе внимания. Каждое из этих начал подразделяется на более грубое и тонкое, причём, в идеале, тонкое властвует над грубым. В частности, высокое мышление (утончённое "бытие") обуздывает слепое, агрессивное, "огненное" стремление к самоутверждению (грубое "бытие"), а возвышенная эмоциональность (утончённое "небытие") — сентиментальность и физическую чувственность (грубое

"небытие"). Стоит также различать более активное самоутверждение, т. е. проактивность "бытия", от инертной реактивности "небытия".

Когда тонкие аспекты "бытия" и "небытия" гармонично соединяются в самости, они наделяют друг друга властью над своими более грубыми компонентами. Иначе говоря, высокое мышление, сочетавшееся с возвышенной эмоциональностью (там ещё интуитивность, креативность и т. д.), становится менее падким на сантименты и зов плоти; возвышенная эмоциональность — менее реактивной либо подверженной внешнему доминированию. При такой конфигурации — назовём её "Принц и Принцесса" — индивидуация, читай облагораживание, происходит наиболее плавно.

Куда, в идеале, всё это может привести? В зависимости от традиции, это будет "просветлением" или "освобождением", или "воскресением", или "святостью", или

"философским камнем" — царство "Короля и Королевы", зрелых "Принца и Принцессы", то есть наивысших, тончайших форм "бытия" и "небытия"...

...Если "Принц и Принцесса" — это некая многообещающая конфигурация, берём её за точку отсчёта при рассмотрении других, более проблематичных.

Высокое мышление, несколько отчуждённое от возвышенной эмоциональности, можно назвать идеалистическим индивидуализмом. На языке мифологии его можно сравнить с полётом Икара. Очевидно, "Икар" может залететь слишком далеко, и здесь ультралиберализм становится некоей последней точкой перед неминуемым и, зачастую, болезненным возвратом к тому, от чего он изначально пытался освободиться, т. е. "небытия", поворачивающего к нему своей грубой стороной. Мифологический Икар падает в воду — универсальный символ женского начала — и разбивается

на смерть. В психологическом плане это означает попадание под власть грубых эмоций, телесности и/или психотических состояний. Ницше, к примеру, поглотила бездна довольно бесцеремонно, лишив его рассудка. И, конечно же, это верный знак отклонения от Пути.

Другая опасность падения "Икара", читай взбалмошного "Принца", со стороны самого "бытия" — высвобождение агрессии, до этого находившейся под его присмотром. То есть падение что с одной, что с другой тонкой стороны всегда вызывает встряску обеих грубых — вопрос лишь в акцентировке и связанной с ней большей или меньшей энергичностью.

Возвышенная эмоциональность, "покинутая" высоким мышлением, лично у меня вызывает довольно архетипический образ принцессы в темнице. Это будет, означать, к примеру, ложно истолкованное и неправильно канализированное (прости Господи) либо подавленное религиозное

чувство или восхищение, или эмпатия, или смиренность. Без своего "Принца", "Принцесса" склонна замыкаться на себе либо много легче поддаётся внешнему влиянию и доминированию (в сказках, внешнее грубое доминирование олицетворяется, к примеру, Кощеем). С другой стороны, сентиментальность и чрезмерная чувственность/приземлённость неизменно дают о себе знать. "Принцесса в темнице" ярко проявится, скажем, в религиозном фундаментализме или идеологиях вроде атеистического коммунизма.

Обращаясь в этот раз к миру Толкиена: для ограниченности, самодовольства и сентиментальности, лишённых высшего благородства как, впрочем, и особой порочности, вполне подходит "Банго и Белладонна". В отличие от своего авантюристически настроенного сына Бильбо, они, как и положено хоббитам, вели "двумерную" жизнь. Конфигурация "Банго и

Белладонна", однако, может облагородиться (как это случилось с Бильбо) либо выродиться в нечто низкое и тёмное (Голлум тому подтверждение). В реальном мире, это проявится как различные формы шовинизма — от закоренелого национализма до фашизма, когда зло принимается не столько сознательно, сколько через "тень" (об этом позже). Примечательно, что и "Икар", и "Принцесса в темнице" также рискуют скатиться по наклонной до самых низов.

Самая низшая конфигурация — диаметрально противоположность "Принца и Принцессы" — "Клайд и Бонни" или, в более классической очерёдности — "Бонни и Клайд". Это сознательное принятие и упоение злом, что, по сути, и есть демонизм: безжалостность, холодный интеллектуализм, садизм, глумливость, пошлость и грубость, коварство, гипертрофированная сексуальность и сексуальные извращения в том или ином сочетании. Извергнутым центробежной

силой Пути "Бонни и Клайду" довольно сложно либо практически невозможно снова оказаться в его поле. К слову, это будет источником их низкой, метафизической обиды к Пути и зависти к тем, кто оказался Им принят...

...Всё, что остаётся непрожитым на пути к "Я" и не допускается в сознание для должной проработки, вытесняется в личное бессознательное и образует так называемую "тень". Помимо того, что самость не исполняет своё высшее предназначение, что обесмысливает само её существование (с точки зрения "Я"), "тень" становится источником неприятностей и рисков — физических, психологических или духовных — той разновидностью судьбы, что принято называть роком: от болезней, несчастных случаев, каких-то повторяющихся проблемных ситуаций или паттернов (к примеру, неуважение со стороны товарищей или коллег) до одержимости дьяволом.

Неинтегрированные элементы "Я", кроме того, будут находить себе в мире лазейки (ты их за дверь, а они — в окно), но уже в более грубой форме. Скажем, возникновение феминистического движения можно рассматривать как прямое следствие коллективной "Принцессы в темнице", т. е. подавления тонкого женского начала, нашедшего для себя, вероятно, не вполне удачный, но выход.

Продемонстрирую содержимое и динамику "тени" на примере зависти, хотя гордыня, обида, вина, жадность, сентиментальность и легкомыслие в том или ином их сочетании, дали бы намного более объёмную картину.

Скажем, человек не способен самоутвердиться через развитие тех или иных компетенций или каких-то человеческих качеств. Столкнувшись с кем-то более в этом отношении "осуществлённым", он чувствует приступ зависти и просто подавляет или вытесняет из своего сознания эту реакцию. Так

возникает "тень". Будучи непроработанной, со временем она только сгустится.

Вне зависимости от источника или источников "тени", её всегда будет подпитывать абразивная (от англ. abrasion — истирание, износ) реакция "бытия" и "небытия" (любую чрезмерную и укоренившуюся негативную реакцию буду далее называть "абразией"). В завистливой самости чувство неполноценности и раздражение будет исходить от "бытия", а ему сопутствовать печально-подавленное "небытие".

Так или иначе, верный признак наличия "тени" — неизменное раздражение, в частности, при столкновении с объектом зависти. Особенно раздражать будут примерно те же исходные данные, т. е. более-менее одинаковый социально-экономического статус и/либо врождённые способности. Иными словами, подобное осуществление вполне достижимо или могло быть достигнуто завистником при

совершении им известных усилиях и/или более благоприятных обстоятельствах. С некоторой натяжкой это можно назвать "справедливой завистью" в отличие от той, что возникает при несопоставимости масштабов и дарований.

Проработка "тени". Первый шаг для рассеивания любой тени — устремление смелого и честного на неё взгляда. В данном случае, достаточно просто признать: *"Я завидую"*. После этого возможны три конструктивных решения: вдохновиться чужим примером и теми или иными путями устремиться к аналогичным достижениям и благам (это может дойти вплоть до революции); научиться чистому, беззлобному восхищению, признав свою неспособность достичь тех же самых высот; либо вовсе отказаться от тех или иных амбиций, найдя их... недостойными.

Да, Путь не считает все человеческие устремления равноценными. Чем упорнее мы сопротивляемся своему высокому

предназначению ("Принцу и Принцессе" и всему, что выше), подменяя его какими-то суррогатами; чем больше наша эмпатия или, скажем, восхищение — суть психическая энергия — направляются и поглощаются ложными целями, тем дальше мы уклоняемся от Пути и тем больше испытываем абразию...

...Разделение "тени" на негативную и позитивную, а также индивидуальную и коллективную добавит ещё больше нюансов в и без того уже сложную картину и одновременно — многое в ней прояснит.

"Полёт Икара" и "Принцесса в темнице" представляют собой по большей части неудачные, однако *предпринятые* попытки достичь благородства. Они будут отбрасывать тени как бы вниз, т. е. на "Банго и Белладонну" и "Бонни и Клайда". У тех же, в свою очередь, положительные "тени", т. е. непрожитое благородство, направляются "вверх". Негативная и положительная тени

притягиваются друг к другу по принципу разноимённых зарядов, что обеспечивает особо крепкую сцепку между этими конфигурациями со всей последующей из неё событийностью. В мире политики, скажем, союз ультралибералов и ультраправых на поверку не так уж парадоксален — он объясняется, в первую очередь, переплетением негативной и позитивной "теней". "Принц и Принцесса" стоят здесь особняком, поскольку у них практически полностью отсутствует тень либо в процессе рассеивания. В этой связи, по крайней мере, на психическом и метафизическом уровнях "Принц и Принцесса" находятся в наибольшей безопасности. Не всегда это, впрочем, означает благополучие в пространстве и времени...

Коллективная тень. Сопряжённая с коллективным бессознательным — той его областью, что к Богу отношения не имеет — она представляет собой своего рода

духовную сточную яму, куда стекаются уже упомянутая демоническая обида и зависть, помимо прочих низкопробных энергий.

Повторюсь, главная опасность непроработанной индивидуальной "тени" состоит именно в том, что она прокладывает дорожку в коллективную...

...Как бы читатели ни относились ко всему вышеизложенному, проработка "тени" по изживанию зависти обладает, наверное, самой большой здесь практической ценностью. Поэтому в заключении мне бы хотелось сосредоточиться на проработке гордыни, обиды и вины — других главных членов "теневого правительства". Стоит, однако, помнить, что без помощи центробежности "Я" эти методы в лучшем случае лишь немного затормозят набухание "тени".

Как уже говорилось, первый шаг в проработке любой "тени" — это её признание. Казалось бы, всего-то делов.

Гордыня. Её можно рассматривать как своего рода духовное воровство, т. е. присвоение себе заслуг за нечто, произошедшее без личного участия или заслуг гордеца, будь то его врождённые способности или какие-то благоприятные жизненные обстоятельства. Если честно признать себя "вором", нарушившим по сути заповедь "Не укради", то, по крайней мере, часть гордыни и сопряжённая с ней область "тени" могут навсегда отпасть.

Обида. Как и с завистью, с обидой также представляются три конструктивных проработки: простить обиду, что восстановит, полностью или отчасти, прерванные тёплые отношения с обидчиком; отпустить обиду холодно, т. е. отстранённо, если тёплые отношения между сторонами невозможны и, вероятно, по веским причинам; наконец, отомстить в пределах справедливости (здесь очень важно иметь живое, контекстуальное ощущение справедливости, даруемое

Путём), а затем всё отпустить — с теплотой или холодом.

Последняя в списке — вина. В каком-то смысле, это самое трудно прорабатываемое чувство. Причин тому несколько: вина активнее всего вытесняется из сознания; её можно испытывать как перед другими, так и перед собой (скажем, перед лучшей версией самого себя); как правило, непросто определить всю степень своей виновности, а значит и позволить себе расслабиться как физически, так и метафизически, особенно, если вина поощряется религиозными или другими значимыми институциями; в проработке вины, признание Пути и установление с ним отношений играет, пожалуй, самую большую роль: ощущение искреннего раскаяния можно считать чем-то вроде приглашения от Пути если не сбросить с себя груз провинности (особенно тяжёлой), то, по крайней мере, встать на путь искупления. В идеале, вина со временем растворяется Путём — именно это

будет самым верным свидетельством его прощения. Но это лишний раз подтверждает, в насколько близких нужно находиться с Ним отношениях и какой внутренней чуткостью обладать, чтоб улавливать Его волю и милость...

...Надеюсь, Юнг — где бы он сейчас ни был — не в обиде на моё юнгианство. Пойти что ли немного облагородиться...

~ ~ ~

Сейчас я приглашаю читателей в "галактику" Даниила Андреева — духовного провидца, жившего около семидесяти лет назад и оставившего после себя удивительную *Розу Мира*. Пока побуду вашим проводником по этому духовному трактату, отмечая идеи, с моей точки зрения наиболее достойные внимания:

Согласно Даниилу Андрееву, наш мир — многослоен, и если воспринимаемую пятью чувствами физическую реальность или "Энроф" взять за точку отсчёта, то восходящим каскадом от него будут идти миры просветления, вплоть до тончайших палат Всевышнего. Им, с исподней стороны Энрофа, противовесят грубоматериальные, низкочастотные, "инфрафизические", в самых своих низах — тёмные демонические миры. Как и почему произошло это разделение, Андреев описывает в своём главном труде *Роза мира*. Достаточным здесь будет сказать, что в незапамятные времена высшими Божественными иерархиями было принято решение *эволюционно* просветлять искажённый и осквернённый демоническими влияниями материальный мир (отношение "хищник-жертва" является одним из наиболее ярких тому примеров) вместо того, чтобы, образно выражаясь, всё скóмкать и сотворить что-то новое с чистого листа.

В этой эволюции, человеку, как существу, прошедшему путь от амёбы до его нынешнего состояния, отведена ключевая роль — именно через его посредство должна просветиться грубая материальность, а тем тёмным слоям, тому áду, что просветлению не подлежит, уготован окончательный "развод" с раем — уничтожение либо полная закупорка с последующим варением, что называется, в собственном соку. Этот развод, к примеру, соотносится со Страшным Судом в христианстве или Днём Воскресения — в исламе. Т.е. мир Андреева — дуалистичен в том смысле, что дьявол в нём не является "левой рукой" Бога ("Бог есть свет, и в Нём нет никакой тьмы"). Здесь его взгляды, к слову говоря, сильно расходятся с Юнгом.

В то же время Андреев говорит о том, что "сыны Бога", т. е. демиурги, участвовавшие в создании материального мира и руководящие судьбами вверенных им на Земле народов, вынуждены были породить

так называемых "уицрабóров" — демонов государственности, для защиты этих народов от внешних угроз, в т. ч. инспирированных с ещё более inferнальных планов (о них чуть позже). К несчастью для людей, психологический портрет этих демонических или полудемонических существ таков, что они склонны выходить за рамки своего "ареала", им присуща тираническая тенденция и о нравственности они имеют самое смутное понятие (по крайней мере, на момент написания *Розы мира*).

В заложниках уицраоров, таким образом, оказываются сокровенные "души" народов — спутницы или супруги демиургов, призванные облагораживать, читай просветлять человечество через красоту и любовь. В этом свете, Елена Прекрасная, томящаяся в темнице Кощея, или Сита, "гостящая" примерно в таких же условиях в замке демона Раваны, могут являть собой не просто сказочных или мифических

персонажей, а вполне себе метафизическую реальность.

На "поверхности", т. е. в мире физическом, Энрофе, чрезмерная, несанкционированная активность уицраоров-кощеев будет выражаться как жёсткая система подавления личности внутри соответствующего государства и/или *несправедливая* агрессия вовне, шовинизм всех мастей, сакрализация власти вне зависимости от её действий, общая грубость нравов и эстетическая притуплённость. По крайней мере, *существование* этих вещей, каковы бы ни были их психологические или метафизические предпосылки, ни у кого сомнений вызывать не должно.

Согласно Андрееву, в исподнем мире помимо уицраоров наличествуют и более "прожжённые" существа, в частности, главный антагонист Бога — дьявол, он же Люцифер, Гагтунгр или Великий Мучитель, собственно, и заваривший кашу с искажением материального мира эоны тому

назад. Поскольку дьявол не бездействует, просветление человеческого сознания и вместе с ним материи особенно усложняется, когда человек не вполне различает пути Света и пути тьмы.

Стоит особо заостриться на разделении Андреевым религиозных учений на религии правой и левой руки. Если вкратце, религии правой руки, к коим относятся основные мировые религии, ведут своих приверженцев по мирам восхождения или, по крайней мере, открывают им туда двери. Религии же левой руки заводят в миры тёмные, демонические. Ради справедливости нужно сказать, что это разделение не является каким-то "ноу-хау" Андреева. Например, в Коране говорится о владыках правой стороны, т. е. тех, кто в День воскресения окажется в раю, и владыках левой стороны "в самуме и кипятке, и тени чёрного дыма, ни прохладной, ни благой", проще говоря — обитателях ада. Индуистская тантра

подразделяется, опять-таки, на правую и левую руку: судя по их методам и плодам, с некоторой натяжкой к ним также можно применить означенный принцип. К слову, сам Андреев популярно не объясняет, какие тонкие, глубинные процессы кроются за этой несколько причудливой развилкой между "пойдёшь направо" и "пойдёшь налево".

Остальное — в *Розе мира*.

~ ~ ~

Я ещё вернусь к "сортировке" духовных традиций направо и налево. А сейчас предоставляю слово самому Даниилу Андрееву, без своего посредничества, для чего выбрал один из самых дорогих мне фрагментов из *Розы мира*:

....Я подхожу к решающему тезису. И всё же, сколь бы ни был он важен, я едва смею сказать о нём несколько слов.

Почти 2000 лет существует догмат христианского учения, которого сейчас придётся коснуться. Подвергались сомнению самые различные догматы Символа веры, из различных их пониманий возникали расколы, секты, ереси; даже ничтожнейшие обрядовые различия перерастали порой в настоящую пропасть, отделявшую схизматиков от господствующей церкви. Но за все девятнадцать веков никогда, кажется, не появлялось разногласий о том, что считалось основой основ: о трёх ипостасях Пресвятой Троицы — Боге-Отце, Боге-Сыне, Боге-Святом Духе.

Подвергать историческому или психологическому разбору факт возникновения в христианской церкви именно такого понимания Троичности мне не хотелось бы. Ни необходимых материалов, ни нужной для этого эрудиции у меня нет. И даже если бы я обладал тем и другим, мне страшно было бы коснуться

ланцетом рассудочного анализа таинственнейших духовных глубин, где возникала и определялась в первые века после Христа эта идея.

Позволю себе только напомнить одну страницу евангельской истории, которая указывает, как мне кажется, не в сторону такого понимания тайны Троичности, а в иную. Каноническими евангелиями (от Матфея и от Луки) утверждается ясно и отчётливо зачатие Младенца Иисуса Девой Марией от Святого Духа. Таким образом, можно заключить, что не Бог-Отец был Отцом Христа как человека, но Святой Дух. Однако как же это? Предвечное рождение Бога-Сына от Бога-Отца могло ли иначе выразиться мистериально в историческом, человеческом мире, как только рождением человека Иисуса от сил Той же ипостаси? — Но нет, евангельский рассказ совершенно отчётлив. Неотчётливо другое: понимание третьей ипостаси церковью христианской. За всю историю церкви догмат о третьей

ипостаси так и не был разработан. Даже поражает контраст между подробнейшей — может быть, даже слишком подробной — разработкой учения о Боге-Сыне — и почти пустым местом, каким являются догматические формулы о Святом Духе. Но ничего странного, в сущности, тут нет. Не случайно христианская религия сама именовала себя именно христианской: кроме указания на её происхождение от Христа, в этом наименовании заключено было отражение того факта, что эта религия есть откровение Бога-Сына по преимуществу, то есть не столько религия Троицы, сколько именно Сына. Отсюда и эта чрезмерно туманная обобщённость, неясность, отсутствие полноты, а иногда и противоречивость в догматах, касающихся других ипостасей.

Ведь кем может быть Сам Бог-Отец, как не Духом? Только Духом. И притом именно Святым, в отличие от всех других духов, им сотворённых, ибо каждая из

богосотворённых и даже богорождённых монад может совершить — и многие совершили — отрицательный выбор, богоотступничество; Отец же — совершенно очевидно — не может отпасть от Самого Себя. Он первичен, неизменяем, незамутним и неомрачим, и именуется Святым именно в этом смысле. Какое же положительное содержание можно вложить в отвлечение от Бога-Отца двух Ему изначально присущих свойств — Его духовности и Его святости? Где основания для того, чтобы этому отвлечению придавать совершенно автономное значение в качестве третьего лица Троицы? Вообще, почему, на каких словах Христа, на каком свидетельстве четырёх евангелий можно основать учение о том, что Бог-Отец есть одна ипостась Троицы, а Святой Дух — другая? В евангелиях на это указаний нет. Слова Иисуса, приводимые в качестве обоснования, это Его известное пророчество: "Пошлю вам духа утешителя, он же наставит вас на всякую истину". Из

различного толкования именно этих слов возник даже великий раскол, что рассёк единое тело христианской церкви на восточную и западную половины; но при этом оба толкования исходили из общего постулата: из неоспоренного почему-то никем положения, будто здесь Иисус подразумевает под духом-утешителем именно Третью ипостась. Но ведь в этих словах нет и тени указания на то, что утешитель, которого пошлёт Воскресший Спаситель, есть Третья ипостась и вообще ипостась. Нет здесь указания и на то, что под выражениями "Дух утешитель" и "Бог Святой Дух" следует понимать одно и то же. Разве не естественнее и не последовательнее, не понятнее со всех точек зрения совсем другое решение: именно, решение в том смысле, что Бог Святой Дух именно и есть Бог-Отец, ибо Бог-Отец не может быть кем-либо иным, как Святым и Духом.

Опять-таки, я касаюсь здесь таких корней великого учения, противопоставляю

одиноким голос такому могучему, необозримому хору, звучащему столько веков, что не может быть сомнения в характере отзывов на него, даже если он будет кем-либо услышан. Я даже понимаю, что в глазах некоторых окажусь повинен в великом духовном преступлении и мне будет приписан единственный непрощаемый (по Евангелию) грех: хула на Святого Духа. Заявляю торжественно: поклоняюсь Святому Духу, чту Его и молюсь Ему с таким же благоговением, как другие христиане; и не могу видеть не только хулы на Него, но ни малейшего принижения Его образа в той идее, что Он есть Бог-Отец и что Бог-Отец есть Бог Святой Дух, что это — два именованя одного и того же — Первого — Лица Пресвятой Троицы.

И подчеркиваю, что высказываю здесь своё личное мнение, ни на что не претендующее. Правда, мнение это представляется мне выводом, к которому со временем должны будут прийти многие и многие.

Подтверждено оно было и той высшей инстанцией, которая остаётся для меня единственным решающим авторитетом. Но я считаю, что никто не уполномочен настаивать на единственной и абсолютной правильности этой идеи, на её догматической обязательности. Законной, общепонятной инстанцией, полномочной разрешить такой вопрос, мог бы быть Восьмой Вселенский собор, где представители всех ныне существующих христианских вероисповеданий и Роза Мира подвергли бы обсуждению этот тезис, равно как и тезис об абсолютной истинности и неотменимости постановлений вселенских соборов вообще, и, быть может, пересмотрели бы некоторые пункты ортодоксальной догматики. Пока же этого не свершилось, никто в Розе Мира не может утверждать полную ошибочность старого догмата: можно только верить так, как подсказывает совесть и собственный духовный опыт, и работать для воссоединения церквей, для разрешения

всех недоумений.

Однако высказанная здесь идея открывает путь к решению другой, не менее кардинальной проблемы.

Известно, что от гностиков до христианских мыслителей начала XX века в христианстве жило смутное, но горячее, настойчивое чувство Мирового Женственного Начала — чувство, что Начало это есть не иллюзия, не перенесение человеческих категорий на план космический, но высшая духовная реальность. Церковь намеревалась, очевидно, дать выход этому чувству, освятив своим авторитетом культ Богоматери на Востоке, культ Мадонны — на Западе. Действительно, перед благоговейным почитанием Материнского Начала — почитанием, иррационально врождённым народной массе, — возник конкретный образ, к которому оно и устремилось. Но то мистическое чувство, о котором я говорю, — чувство Вечной Женственности как начала космического, божественного, — осталось

неудовлетворённым. Ранняя и непрерываемая догматизация учения об ипостасях поставила носителей этого чувства в своеобразное положение: дабы не отпасть в ересь, они принуждены были обходить коренной вопрос, не договаривать до конца, иногда отождествлять Мировую Женственность со Вселенской Церковью или же, наконец, совершать отвлечение одного из атрибутов Божества — Его Премудрости — и персонифицировать это отвлечение, наименовав его Святой Софией. Высшие церковные инстанции избегали высказываться по этому вопросу сколько-нибудь определённо, и это не может быть поставлено им в вину, ибо идея Мировой Женственности не может не перерасти в идею Женственного аспекта Божества, а это, естественно, грозит ломкой догматизированных представлений о лицах Пресвятой Троицы...

...Я встречал немало людей, в культурном и умственном отношении весьма утончённых

и обладающих несомненным духовным опытом и, однако же, удивлявшихся и даже оскорблявшихся самым принципом: переносом, как им казалось, различий пола и вообще человеческих категорий на миры высочайшей реальности и даже в тайну Самого Божества. Им это представлялось следствием древней склонности к антропоморфизации духовных сфер нашим ограниченным человеческим сознанием. Из весьма схожих (психологически) источников вытекает, между прочим, протест строгого магометанского монотеизма против идеи Троичности и против культа Богоматери. И потому же с такой нетерпимостью отталкиваются деизм и современный абстрактный космополитический монизм от представлений о Троице, от веры в иерархии и, конечно, от идеи Вечной Женственности. Повторяется, как это ни смешно, даже обвинение в многобожии, брошенное христианству Мухаммедом 1300 лет назад.

В основе подобных обвинений лежит либо слишком упрощённое понимание христианских идей, либо нежелание вникнуть в глубину вопроса. Ни в историческом христианстве, ни тем менее в данной концепции, никакого переноса человеческих категорий на Божество нет, а есть нечто принципиально обратное. Единство Божие не подвергается, разумеется, ничьему сомнению: наивно было бы искать здесь возвращения ко временам Карфагена, Ура или Гелиополиса. Ипостаси — это различные выявления Единой Сущности вовне; это — то, как открывается Она миру, а не какую пребывает в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе; поэтому ипостаси не могут быть приняты ни в коем случае за иллюзии или за aberrации нашего сознания.

Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества

для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами, как полярность двух друг к другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творческой любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность вселенной. На различных ступенях бытия она выражается различно. В слое неорганической материи, который доступен всеобщему человеческому восприятию, её можно усмотреть, вероятно, в основе того, что мы именуем всеобщим законом тяготения, в полярности электричества и во многом другом. В органической же материи нашего слоя, здесь, эта полярность Божественного проявляется в противозначности мужского и женского начал. Повторяю и подчеркиваю: здесь, ибо лежащая в основе этой противозначности полярность Божества,

сама в себе, в своей сути, не может быть понятна.

Вот почему Божественную Женственность мы именуем Матерью Логоса и через Него всей вселенной. Но извечный союз между Отцом и Матерью не изменяет Её предвечной сущности; именно поэтому мы именуем Матерь миров Приснодевою.

Таким образом, в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение "слишком человеческого" на сферы горние, а, напротив, понимание объективной полярности наших слоёв — мужского и женского начал — как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога. "Бог есть любовь", — сказал Иоанн. Будут сменяться века, потом зоны, наконец, брамфатуры и галактики; каждый из нас, рано или поздно, достигнет Плеромы — божественной Полноты и вступит в родимое Лоно уже не только как дитя, но и как брат Божий; наши нынешние

представления о Божестве исчезнут из памяти, как бледные, отцветшие, ненужные больше тени; но и тогда истина о том, что Бог есть любовь, не утратит своей истинности. Бог любит не Себя (такое предположение было бы кощунственно), но Каждая из таящихся в Нём Непостижимостей обращена любовью на другую, и в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной. Отец — Приснодева-Матерь — Сын.

Высочайшая из тайн, внутренняя тайна Божества, тайна любви Отца и Матери, отнюдь не "отражается" в человеческой любви, какой бы то ни было: ничто в мире конечном не может быть соизмеримо или подобно сущности этой тайны. Но и ничто в мире, за исключением того, что исходит от начал богоотступнических, не может быть сторонним по отношению к этой тайне. В человеческой любви вообще, то есть в любви ко всему живому, выражается (а не отражается) существо Троица — существо, которое есть любовь. В любви же

мужчины и женщины выражается (а не отражается) внутренняя тайна союза Отца и Матери в той мере, в какой она нас достигает, будучи преломлённой множеством слоёв космического ряда. В этом и заключается коренное, онтологическое различие двух областей нашей духовной жизни, не имеющих между собой почти ничего общего, но на нашем нищем языке выражаемых одним и тем же словом...

~ ~ ~

Как бы принимая здесь "эстафету" у Даниила Андреева, поделюсь небольшой фрагментом одного своего эссе и полным текстом другого:

...Кто-то сказал, что мир — это символ. Если "солнце" отражает Отца, т. е. изначальный мужской принцип, а "луна" — Божественную женственность или Великую Мать, Путь есмь

Сын. Согласно Шри Матаджи, лишь пребывающие в святом поле Сына, лишь пронизанные Его сущностью могут воистину познать родительскую милость Бога, как отцовскую, так и материнскую. В индуистской традиции Сыну соответствует Ганеша, в христианстве — Христос. Когда Христос говорит, что никто не приходит к Отцу иначе, кроме как через Сына, в этих словах нет никакого преувеличения. Необходимо лишь... расширить своё представление о Христе от исторического Иисуса из Назарета до Пути, который гармонизирует и облагораживает "солнце" и "луну"; до Духа, который дышит, где хочет, а не ограничивается одним только хлебом и вином:

*Мне говорят, я – безнадёжный случай,
Пропал, погиб. Но брезжится картина:
Две тыщи лет назад распят безвинно
Спаситель мира на голгофской круче,*

Чтобы воскреснуть {в нас}. И нет

прохода
Иного к Богу, кроме как сквозь двери,
Что открываются лишь калёкою с
Вечери,
И что ни сок, ни индуистский мóдак,

Ни мусульманский финик, никакая фи́га
Не вознесётся фимиамом к Небу:
Так пристрастился, видимо, к вину и
хлебу
Создатель мира, что сошёлся на них
клином.

И я представил, спекши слабый разум:
Существовала минус бесконечность
Бога,
Но, зная, добравшись до церковного
порога,
Она споткнулась об него и
спрессовалась

В деноминацию. Во мне от этой мысли
Всё содрогну́лось, всё сжалось келейно,

*Я захотел укрыть Христа за пазухой
своей, но
Он посмеялся в моих атомах, в своей
Выси.*

~ ~ ~

Одно дитя интересовалось, чем, собственно, занимался Христос как Сын Божий задолго до всех евангельских дел. С тем же самым успехом этот вопрос можно повернуть и ко всем *последующим* событиям двухтысячелетней с хвостиком христианской эры, вплоть до нашего с вами настоящего, ну и дальше до плюс бесконечности. Иначе говоря, каковы проявления Слова, Альфы и Омеги, в мироздании помимо, скажем, духовной благодати и суда?

Как бы дико это не прозвучало для христианского уха, ясность здесь во многом помогут внести наши индийские друзья и партнёры по БРИКС. Поистине ценным даром индийцев, а точнее, индусов в этом

смысле будет *Ганéша атхáрва шíрша* – гимн Ганеше, слоновоголовому Сыну предвечных Шíвы и Пáрвати, читай Абсолютного Интеллекта и Животворящей Любви. Выберу оттуда самые заслуживающие внимания фрагменты и, по мере необходимости, снабжу их своими комментариями. Впрочем, одним только гимном не ограничусь.

Начинается *Ганеша атхарва ширша* так: "Ом, поклон Тебе, Ганапáти".

Имя "Ганапати" раскладывается на "ган" и "пати" – последнее означает "отец". "Ганеша", в общем, имеет тот же смысл: вторая часть "еша" – производное от "йшвары", повелителя. Итак, поклон Отцу ганов или, если угодно, Повелителю ганов. Ганы же – это что-то вроде ангелов, выполняющих защитные ну или, скажем, карательные функции. К слову, практически идентичным христианским аналогом Ганеши будет "Господь сил" или

"Господь воинства небесного".

Далее по тексту:

*Воистину, Ты – проявленный
Изначальный Принцип {Альфа}.
Поистине, только Ты создаешь.
Поистине, только Ты
поддерживаешь творение.
Поистине, только ты являешься
всеразрушителем {Омега}.
Поистине, Ты и всеобъемлющий
Брахман {Парвати} – одно.
Несомненно, Ты – проявление
вечного Атмана {Шивы}*

Чтобы Богу проявиться "вовне" из своего предвечного Единства или, на индуистский манер, состояния Парабрахмы, необходим Сын, который становится как бы матрицей для всей вселенной со всеми её метафизическими и физическими законами и "транзакциями".

Рассыплю ещё цитат:

*Ты преисполнен речью и
вниманием*

Лично у меня напрашивается аналогия с евангельским Словом, коль скоро Слово – это Речь.

*Ты преисполнен знанием [Бога] и
мудростью*

Ты всегда пребываешь в Муладхаре

Муладхара – это краеугольный камень вселенной, та самая упомянутая матрица в основе мироздания, в т. ч. локально выражающаяся как первый центр или чакра в "энергетическом теле".

*Ты – Брахма, ты – Вишну, ты –
Рудра, ты – Индра, ты – Агни, ты –*

Вайю, ты – Сурья, ты – Чандра

Ганеша, в конечном итоге, есть душа всех божеств, понимаемых как различные аспекты Единого.

Ты – земля, вода, огонь, воздух и эфир

На более материальном плане, Он суть законы взаимодействия четырёх основных элементов плюс объединяющего их пространства-времени.

У Тебя один бивень

Согласно индийскому эпосу, другой бивень был использован Им для убийства демона. Т. е. делается акцент на Его воинственности и самопожертвовании в борьбе со злом.

О четырёхрукий, в своих руках Ты

*держишь петлю, багор и бивень,
четвёртой же благословляешь*

Явно, что с "кнутом" у Ганеши всё в порядке, даже, можно сказать, некоторый перебор – лишь одна рука из четырёх выдаёт "пряник". На этом ещё заострюсь отдельно.

У Его четырёхрукости имеется, однако, и намного более широкая подоплёка. Скажем, она выразится в четырёхвалентности углерода в органических соединениях, придающая им особую устойчивость (по крайней мере, пока я всё это писал, мои пальцы не распались на молекулы). Лично мне также приходят на ум и четыре основных агрегатных состояния вещества, и четыре фундаментальных физических взаимодействия. Интуитивное деление света на четыре стороны будет несколько притянутым за уши, но пусть (маленькой

дочери приятеля Юнга, скажем, снился Бог, идущий именно с четырёх, а не с пяти или девяти сторон). Четыре всадника апокалипсиса? Пожалуйста.

Схематично, Ганеша – это "квадрат" в "круге" Бога, точнее, вращающийся перекрест диагоналей квадрата с загнутыми концами-"руками", образующими свастику: вращение по часовой стрелке будет сообщать чему бы то ни было устойчивость, против часовой – распад, разрушение, отторжение от Бога.

*Ты держишь знамя с изображением
мышь*

"Транспортным средством" Ганеши является мышь. Эта метафора имеет два значения: скромность, а также способность "прошмыгнуть" везде, то бишь вездесущность.

Ты – одетый в красные одеяния

*толстобрюхий бог, с ушами,
подобными опахалам,
сострадательный к своим
приверженцам*

Красные одеяния Ганеши, наряду с Его слоновьей головой, символизируют автоматичность или, можно сказать, невинность Его проявлений в "красном", читай низкочастотном материальном мире, в отличие, собственно, от Его более высокой или глубокой сознательной сущности. К примеру, по словам Шри Матаджи, удовольствие от сексуального акта имеет место благодаря тому, что Ганеша невинно, т. е. автоматически поставляет частичку соответствующего электричества в соответствующие центры.

Возвращаясь к Его сознательной сущности, лично мне сложно сказать, сколько проходит "времени" между событиями в "одеждах" Ганеши и доведением их нравственной

составляющей до Его сознания.
Несомненно то, что Он не всему, в конечном итоге, даёт своё благословение. Обращённая к Нему {искренняя} молитва, вероятно, процесс этого осознания ускоряет.

Что касается толстого брюха Ганеши, оно перекликается с Его уже упомянутой исполненностью, читай насыщенностью знанием Бога. Иначе говоря, Кундалини (ещё один термин от братьев-индусов) или целомудренная невеста Шивы, т. е. сила, посредством которой происходит соединение с Творцом, у Ганеши находится в "животе", и её у Него – много. Кстати, если кто-то усмотрит параллели между невестой Шивы и библейской невестой, разубеждать их не стану.

Наконец, подобные опахалам уши – это указание на вибрационную или волновую природу Ганеши и, как следствие, дальше "по эстафете" – всех волновых процессов в мироздании.

В общем и целом, моя экзегеза *Ганеша атхарва ширши* подошла к концу. Читатель может легко ознакомиться с полным текстом гимна, а не только приведёнными здесь отрывками, в интернете. Так или иначе, мне думается, что после всех этих выкладок роль Сына в общей схеме вещей обросла довольно важными нюансами. Осталась, правда, ещё пара-тройка штрихов об уникальной роли именно исторического Ганеши-Иисуса, Его жертве.

Здесь уже упоминался Юнг, точнее, сон его приятельской дочери. Некоторым довеском, т. е. символическим подтверждением всего вышесказанного, а также мостиком к Иисусу из Назарета, точнее, Иисусу на Голгофе, послужит другой сон, изложенный в книге Марии-Луизы фон Франц "К.Г. Юнг. Его миф в наше время". Привожу здесь полностью его текст:

...Мотив Бога, сокрытого землёй, можно

проиллюстрировать сновидением одной современной студентки. Она отошла от своей христианской веры и склонилась к материалистической картине мира, предлагаемой естествознанием. Однако, этот плоский, рационалистический образ никак не мог её удовлетворить. В канун Рождества, как раз перед её девятнадцатилетием, ей снится следующий сон:

"Перед университетом я зажигаю что-то вроде рождественского огня. Я прыгаю через него и, внезапно, оказываюсь у самого моря. Из воды высовывается рыба и пытается меня проглотить. Мне удаётся увернуться от неё, после чего я направляюсь вглубь берега. По пути я встречаю художника, стоящего в задумчивости перед своим мольбертом. Он говорит, что больше не может рисовать и не знает почему. Пообещав ему выяснить причину, я забираюсь в нарисованный им пейзаж, который

внезапно оживает.

Вначале, я захожу в полуосвещённый подземный тоннель, куда ещё проникает немного света через арку. Там я вижу огромный круглый каменный стол, на котором, прикованный цепями, лежит четырёхметровый мальчик в красной одежде. Я возмущенно спрашиваю у стоящей рядом женщины, почему он прикован. Она отвечает: "Тсс. Это опасно. Это рождающийся бог".

Затем я оказываюсь ещё глубже под землёй. Я блуждаю там в полной темноте и отовсюду слышу проклятия и стоны заключённых в темницах. Каким-то образом мне известно, что я должна свернуть налево, а затем двигаться дальше к центру, чтобы не сбиться с пути. Я захожу в тускло освещённое помещение, где на земле устроилась "первобытная семья", одетая в шкуры пара вместе с ребёнком. Но мне нужно спуститься ещё глубже. Я начинаю

испытывать невыразимый страх, поскольку меня ожидает нечто ужасное в огромном зале в центре Земли. Я снова откуда-то знаю, что на другом конце зала стоит колонна, и людей, которые заходят в зал и видят "это", охватывает такой панический страх, что они бегут сломя голову и разбиваются об эту колонну. Я повторяю себе снова и снова: "Сделать четыре шага – взглянуть – уклониться". Наконец, я внутри этого зала. Я оказываюсь пред Лицом Бога, на котором застыла такая невыразимая печаль, что никто просто не в состоянии это выдержать. В ужасе я убегаю, но вспоминаю уклониться, и вот, я уцелела. Затем я попадаю в комнатку, где на стене висит картина, нарисованная встреченным мною художником. Под ней следующая надпись: "Анафема и смерть артисту П., поскольку он не оказал должного почтения огненному ребёнку, рождающемуся из воды, и посему он

должен разбить свою палитру".

Я получила искомый ответ и пытаюсь теперь как-то выбраться снова на поверхность. По пути я захожу в огромный зал, обитель мёртвых воинов и моряков всех возрастов. Они весело пируют за длинными столами. Я знаю, что мне ни под каким предлогом нельзя с ними общаться, иначе я навеки останусь в Земле мёртвых. Я тихонько пробираюсь вдоль стены. Но когда я почти уже дошла до выхода, один воин поднимает чашу вина и обращается ко мне: "А, вот та девушка, которая не вернётся к живым, пока не отыщет сотворённую из Девы воду".

Ещё один шаг, и вот, я выбралась наружу, но уже на другой стороне земного шара. Я чувствую себя смертельно уставшей и постаревшей. Я буквально потрясена. Я вижу что-то вроде аптеки и захожу в неё. Однако, я настолько обессилена, что падаю без чувств. Когда я прихожу в сознание, то на полке вижу маленькую

флягу с чистой водой. Я говорю себе: "Вот вода, которую я искала!" Я хватаю её и отдаю аптекарю все свои деньги. Он же презрительно бросает, что это всего лишь вода, и уходит.

Сцена резко меняется: солнце в зените, меня пронизает ослепительный свет, а рядом со мной стоит мужчина. Я знаю, что всегда была его женой. Мы подходим рука об руку к морю и вглядываемся в воду. Из глубин возникает пара чёрных коней, запряжённых в колесницу, а в ней – нечто неопишное, божественное, покрытое морской пеной. Когда я просыпаюсь, то понимаю: "Это рождение Афродиты..."

Этот сон настолько изобилует символами, что для обстоятельной их расшифровки понадобится чуть ли не целый трактат. Но ограничусь лишь парой фрагментов. Один из них:

...Вначале, я захожу в полуосвещённый

*подземный тоннель, куда ещё
проникает немного света через арку.
Там я вижу огромный круглый
каменный стол, на котором,
прикованный цепями, лежит
четырёхметровый мальчик в красной
одежде. Я возмущенно спрашиваю у
стоящей рядом женщины, почему он
прикован. Она отвечает: "Тсс. Это
опасно. Это рождающийся бог..."*

Итак, имеется божественный ребёнок, мальчик, у него красные одежды, в его описании фигурирует число "четыре", и он прикован к кругу. Лично у меня напрашиваются прямые параллели с Ганешей. А у Вас?

И второй фрагмент:

*...Наконец, я внутри этого зала. Я
оказываюсь пред Ликом Бога, на
котором застыла такая невыразимая*

печаль, что никто просто не в состоянии это выдержать...

Осторожно выскажу свои соображения, чем эта печаль может быть вызвана. Как бы Ганеша ни был невинен или бессознателен в отношении своей "одежды" или земли, т. е. накладывающейся на Него материальности со всей её событийностью, опосредованно Он всё одно становится вовлечённым в неё, в т. ч. в беззакония. Образно говоря, это как выплачивать кому-то зарплату (потому что того требует закон, неразрывно вплетающийся в общую ткань мироздания), которая затем пропьётся или используется ещё в каком-нибудь непотребстве. Та же сексуальность, к примеру, может быть обращена в прелюбодеяние, извращение, насилие.

Учитывая, что рано или поздно всё доходит до *сознательного* Ганеши – это помимо жалоб на творящиеся беззакония – может возникнуть вопрос: "Легко ли быть Богом?",

особенно, если Его природа – это сама праведность и сострадательность к живым существам. Здесь стоит учесть, что преступления против нравственности – это норма человеческой жизни, т. е. они идут через Его сознание сплошным канализационным потоком.

Далее. Если читатель помнит, в трёх руках Ганеши – различные виды оружия, и только одна Его ладонь открывается благословляющим жестом. т. е. Ганеша, в первую очередь – про справедливость, про закон воздаяния или, если угодно, карму. В физическом мире тот же самый принцип выразится как Третий закон Ньютона – каждое действие рождает противодействие, что, в свою очередь, обеспечивает порядок и стабильность в сложной системе.

Однако, принимая во внимание конечный смысл человеческой жизни, а именно обоживание, а также довольно низкое качество "человекоматериала", с которым Богу приходится иметь дело, с одной только

справедливостью шансов, по правде говоря, мало у кого остаётся. Поэтому Ганеша должен был прийти как Христос и пожертвовать своей, скажем так, естественной склонностью к справедливости во имя прощения и снисхождения, чтобы затем утвердиться в этом качестве как космические врата в Царствие Божие.

Локально же, в человеческих существах, Ганеша как Христос или Махаганеша (более великий, чем Ганеша) будет "восседать" в Агия чакре, т. е. на уровне пересечения зрительных нервов. Снова – крест, и без братьев-индусов с их чакрами – снова никак.

Вместе с тем, Ганеша никуда не исчезнет из своей Муладхары как справедливость, т. е. воздаяние по делам, каковы бы они ни были. Христос-Махаганеша, грубо говоря, имеет свой лимит...

Христос воскрес, православные!

~ ~ ~

В предыдущем тексте мимоходом упоминается карма. Лично мне это полностью развязывает руки в том, чтобы поделиться двумя своими размышлениями об этом предмете:

Понятие реинкарнации и тесно связанной с ней кармы — лес довольно тёмный с точки зрения реинкарнируемого. Или -щегося. Да, некая совокупность душевных наклонностей и качеств, интеллектуальных задатков, а также предрасположенности к тем или иным телесным характеристикам и иным жизненным обстоятельствам кочует из воплощения в воплощение, опять-таки, меняясь, трансформируясь по ходу дела, кармические узлы завязываются, кармические узлы развязываются. Ваша станция Площадь революции. А ваша — Лубянка, с вещами на выход. Но все эти процессы зачастую настолько неочевидны

сознанию, что извлечение сознательных, мало того, правильных уроков (польза бессознательных, а тем паче неправильных представляется слишком эфемерной) есть во многом результат счастливого стечения обстоятельств, а не какой-то выверенной учебно-методологической схемы. Это больше похоже на то, как слепого щенка бросают в море и ожидают, что он превратится в дельфина. На худой конец, в водолаза.

Если говорить, к примеру, о кармическом наказании, то всё, что имеет какую-никакую нервную систему, от примитивной до самой развитой, страдает просто по факту жизни: от холода или жары, голода или превращения в чей-то обед, болезней, увечий и ранений от несчастных случаев и стихийных бедствий, родов (пока относится только к женщинам), смерти, своей или близких. Те, кто обладает каким-никаким сочувствием, с большей или меньшей интенсивностью страдают страданиями

других, которые им *кармически* как бы не предназначены. Как отделить все эти страдания, достающиеся большинству живых существ "по умолчанию", от кармических? И каким внутренним стержнем всё это претерпеть?

Более того, наказание не всегда означает страдание как таковое. Говорят, что человек за свои проступки, читай смертные грехи, в прошлой жизни, в следующей может родиться слабоумным. Или какой-нибудь собакой динго (Атавизм. Ааа). Выходит, вроде как наказание. Но что именно в этом старом-новом существе ощутит униженность этого положения и/или повернёт его слабо мерцающий ум в нужное русло, особенно если этот ум — собачий? Не случайно здесь подчёркиваю сознательность, поскольку кармические последствия, по идее, есть результат сознательного свободного выбора. В противном случае, получается полная бессмыслица, вернее, Божественный произвол.

Далее. Допустим, с кем-то происходит нечто вопиющее, т. е. страдание сверх обычной меры. Не буду приводить конкретные примеры — в нашем мире в них нет недостатка. Будет ли это непременно означать, что страдалец что-то подобное причинил кому-то когда-то в одном из своих предыдущих воплощений? Следуя этой логике, его жертва, в свою очередь, тоже стала жертвой неспроста и т. д. Так мы доходим до перволюдей, т. е. людей, воплощённых на земле впервые, и всё равно получается, что кто-то когда с кем-то совершил нечто ужасное в первый раз, т. е. пострадала невинность. Если пострадала невинность когда-то давным-давно, почему бы ей не пострадать и недавно? Или прямо сейчас? Когда Серафима Саровского избивали разбойники — какую он "отработал" карму? В конце концов, Христа-то точно распяли не из-за каких-то кармических узлов.

Короче говоря, отделение кармы от не-

кармы, по крайней мере, для обычного человеческого сознания, задача практически непосильная. И потом, даже если кто-то жестоко страдает из-за кармической предопределённости, т. е. как бы заслуженно, разве это повод лишить страдальца своего сочувствия, особенно, если первопричины страдания неочевидны? То, что в круговерти жизни может страдать невинность и особенно не бедствовать виноватость, я, смею полагать, проиллюстрировал.

Понять реинкарнацию, насколько это вообще возможно, никак нельзя без учёта ещё одного "маленького" обстоятельства — Бога. Если Он созерцает слабоумие тех, кто в прошлой жизни надругался над своей и, возможно, чужой божественностью, Ему этого может быть более, чем достаточно. В Коране говорится, что Бог лишает грешников разума — если угодно, это Его способ выразить им своё презрение. Иного рационального объяснения, почему в

наказание могут рождаться слабоумными или деградировать до животных, у меня лично нет. Как кто-то сказал, только Бог имеет удовольствие видеть справедливость в этом мире. Пожалуй, этот кто-то был прав. Почему Бог позволяет невинности страдать не смотря на своё всемогущество? Если кардинально сменить ракурс (как это делает Виктор Франкль в своей "Сказать жизни "Да") и посмотреть на всё это глазами не-я, эти, страдания, в первую очередь, происходят в "теле" Бога как своего рода нервные импульсы, особенно, если попирается невинность. Иными словами, Он воспринимает это страдание, в первую очередь, на *свой* собственный счёт, как тот, у кого болит палец или, скажем, сердце. Клеточкам в Его теле, принимающим на себя основной удар, от этого, конечно, не легче, хотя... и не бесконечно тяжело, если они пребывают в поле Его любви. Отринутые от Его Лица, а значит и лишённые Его любящего внимания, в каком-то смысле выкидываются

и из Его "нервной системы". При этом, одни отринутые могут находиться в относительной безопасности (до поры до времени), а другие — обдуряться всеми сквозняками. Т. е. карму можно ещё рассматривать как следствие "равнодушия" Бога, что добавляет к и так непростой картине дополнительное измерение.

При всех вопросах к довольно асимметричной карме и причудливой реинкарнации, если всё же предположить, что люди рождаются единожды и каждый человек с его жизненной траекторией вылепливается непосредственно Богом, то к Нему возникает ещё больше претензий о несправедливости устройства жизни.

Почему, к примеру, одни рождаются слабоумными и тем самым ограждаются если не от жизненных трудностей, то от искушений, и как бы "автоматом" наследуют Царство небесное, а кто-то вынужден проходить через горнило страстей и испытаний и далеко не всегда выходит

победителем на другом его конце? Почему одних судьба "обносит", а других — нет? Можно, конечно, всё списать на резиновый "Промысел Божий", отогнать от себя неудобные мысли. Но уважает ли Бог тех, кто вытесняет из своего сознания подобные и иные мысли лишь из страха Ему не угодить и не попасть в рай? Друзей Йова, к примеру, Бог что-то не особенно погладил по голове, а Иова утешил. Блаженны плачущие.

Напоследок, о кармических уроках. По крайней мере, можно быть уверенными в том, что Бог не ожидает от человека — не от каждого точно — умения исчислять интегралы или разбираться в тонкостях чайной церемонии. Или знать пять иностранных языков. Богатство, накопленный в сотах души мёд (по Экзюпери) выражается в ином — в смиренномудрии, искренности, открытости ума, усердии, мастеровитости, щедрости, сочувствии, сорадовании, деликатности (иногда яростности и жёсткости). Именно

такой душе Бог может сказать: "Ты больше не раба". Такую душу Бог коронует. А голые или полуголые короли вынуждены вращаться в колесе перерождений. Или вертеться. До каких пор? Ну да, до Апокалипсиса и его обратной стороны — Сатья-юги, Века Истины. Христианство и индуизм нежно поцеловались.

И самый-самый постскриптум:

*Пока в самолёте стюард,
Разложивши товар на тележке,
Монотонно, монотонно его хвалит,*

*Бог христиан
Каждую душу дует,
Каждый парусник правит
Так, что кто-то стонет потом под
тонной
Жести, а в ком-то сваи, ставни
Противятся вётрам свирепым,
А дети, блаженные, все, кто без
шлака,*

*Входят не с улицы в рай — со двора,
Мимо упёртого рогом Петра,
Козерога по знаку зодиака.*

*Пока пассажиры (я, лично —
Нет) внимают стюарда речи,
Прищуриваясь, принюхиваясь,*

*Бог, как Он есть,
Людей скармливает карме,
Хотя тоже, блин, асимметричной.*

~ ~ ~

У Иосифа Бродского есть страшное
стихотворение "Портрет трагедии".
Начинается оно так:

*Заглянем в лицо трагедии. Увидим её
морщины,
Её горбоносый профиль, подбородок
мужчины.
Услышим её контральто с нотками*

чертовщины:

Хриплая ария следствия громче, чем писк причины.

"Хриплая ария следствия громче, чем писк причины". Причина есть, но она где-то далеко, слишком невнятная и размытая, чтобы ощутить торжественность момента. Какие-то скрытые от глаз гирьки, какие-то колёсики, какие-то паутиночки, какие-то рюшечки зашевелились, завибрировали во вселенском механизме, может, месяц, может, столетие тому назад, и вот, кушать подано, я – карма, причинно-следственная цепь, ничего личного. Причин не знаете или не помните? Незнание не освободит вас от ответственности – этот принцип составители уголовного кодекса позаимствовали не откуда-нибудь, а из самого миропорядка, из Книги жизни. Дословно не приведу этот аят из Корана, но смысл там такой, что грешники согрешили, а потом об этом забыли. А потом внезапно на их шеях затянулась "цепь". Или, более кораническим языком, их схватил

Аллах за их лживые, грешные хохлы.
Впрочем, в том же Коране есть и про
страдание невинных.

Те, кто не верит в скрытые закономерности,
в неотвратимость воздаяния, каким бы...
причудливым и запоздалым оно ни было –
имеют право. Но даже они согласятся, что
определённые причинно-следственные
связи вполне можно проследить безо всякой
метафизики. Скажем, одного заключённого
решили опустить, и он, опущенный,
доскрябал, доскрежетал до своего
освобождения несколько лет спустя. Выйдя
на свободу, он принялся делать то, что
делали с ним, с молодыми женщинами,
правда, он их ещё убивал. "Заглянем в лицо
трагедии" ...

Если всё же допустить некий глубинный
метафизический пласт, какие причинно-
следственные верёвки приволокли ему
именно этих женщин, а не других, какова
была их доля космической... виновности?
Может, беспечность, выразившаяся в том,

что у них при себе не оказалось ножа или хотя бы острой шпильки? Может, смутный должок из прошлых воплощений? Может, страдание невинности в чистом виде? И те, кто опускал этого человека, ставшего впоследствии насильником и убийцей (личная ответственность с него, конечно, не снимается) – как на их жизни отразились убийства женщин, к которым они косвенно оказались причастны? Селезёнка прихватила? Упали с нар и что-нибудь себе сломали? Какое-то особое невезение в жизни? Какая-то особая безрадостность в душе? Или только в посмертных мытарствах, в послесуществовании им был предъявлен счёт?

Однажды переходя зебру на красный свет, когда поблизости не было машин, я поймал себя на мысли, что, возможно, на меня смотрят дети, и, возможно, кто-то захочет скопировать именно акт перехода без учёта обстоятельств, т. е. отсутствия явной угрозы быть сбитым. И вот, допустим, такой

ребёнок, доверчиво ухватившись за мой пример, захочет перейти на красный свет без озираний по сторонам, и его съѐдет машина. Если абстрагироваться от ребёнка, как именно бы врезала мне метафизика? Напавшей бешеной собакой? Аккуратным раком горла? Непонятными приступами депрессии? Или Бог бы милостиво стёр это пальчиком из моей книги жизни?

Есть ли метафизика или нет, во всяком случае, трагедии есть точно. Когда звучит "контральто с признаками чертовщины" — уже поздно думать и гадать о причинно-следственности. Хотя беспечность и не входит в список семи смертных грехов, на её счету, по-видимому, немало смертей и чего похуже (да, есть вещи хуже, чем смерть). Один симпатичный мне человек сказал: "Бог не любит безмозглых". Смягчим, заменим "безмозглых" на "беспечных".

Всем счастья, здоровья. Впрочем, не всем и не всегда.

~ ~ ~

Для "полного счастья" не хватает только моего скетча *О Метафизике*:

Для начала, несколько воспоминаний людей, которым не было особого смысла врать или заведомо приукрашивать какие-то события:

Оливер Сакс, *Человек, который принял жену за шляпу*:

Мне вспоминается сейчас один эпизод — настолько поразительный, что он так же отчётливо стоит у меня перед глазами, как если бы это случилось вчера. Идя по улице, я вдруг заметил седую женщину лет шестидесяти, ставшую, судя по всему, центром какого-то странного происшествия, какого-то беспорядка — но что именно происходит, было неясно. "Не припадок

ли это? — подумал я. — Что вызывает эти судороги?". Распространяясь подобно эпидемии, конвульсии охватывали всех, кто приближался к больной [синдромом Туррета], содрогавшейся в бесчисленных неистовых тиках. Подойдя поближе, я понял, в чём было дело. Женщина подражала прохожим — хотя слово "подражание" слишком убого, чтобы описать происходившее. Она, скорее, мгновенно превращалась в живые карикатуры на всех оказывавшихся рядом с ней людей. В какую-то долю секунды ей удавалось ухватить и скопировать всех и каждого. Я видел множество пародистов и мимов, мне попадались клоуны и комики всех мастей, но никто и ничто не может сравниться с той зловещей магией, свидетелем которой я оказался — с мгновенным, автоматическим, судорожным копированием каждого лица и фигуры. Причём это была не

просто имитация, удивительная сама по себе. Перенимая и вбирая в себя лица и жесты окружающих её людей, старуха срывала с них личины. Каждое её подражание было в то же время пародией, издевательством, гротеском характерных жестов и выражений, причём гротеск этот, при яростном ускорении и искажении всех движений, был столь же осмысленным, сколь и произвольным. Так, чья-то спокойная улыбка отражалась на её лице мгновенной неистовой гримасой; ускоренный до предела неторопливый жест превращался в конвульсивное движение. При этом некоторые из гримас были имитацией второго и третьего порядка. Оскорблённые, сбитые с толку люди не могли сдержать естественных реакций, которые в свою очередь тоже передразнивались и в искажённом виде возвращались к ним же, ещё больше разжигая гнев и негодование. Этот произвольный

гротескный резонанс, втягивавший окружающих в воронку абсурдной связи, и был причиной переполоха. Пройдя всего один короткий квартал, испуганная старуха, словно в безумном калейдоскопе, породила карикатуры сорока или пятидесяти прохожих, каждая продолжительностью в секунду или две, а то и меньше, так что всё это вместе заняло не более двух минут. Существо, ставшее всеми вокруг, на моих глазах утрачивало собственную личность и превращалось в ничто. Тысячи лиц, тысячи масок и воплощений — как переживала она этот вихрь чужих сознаний и индивидуальностей? Ответ стал ясен очень скоро: эмоциональное давление в ней и в окружающих нарастало так стремительно, что становилось взрывоопасным. Внезапно, в отчаянии отшатнувшись от толпы, она свернула в ближайший переулок, и там, словно в сильнейшем приступе тошноты, с фантастической быстротой

исторгла из себя все жесты, позы и выражения лиц только что встреченных ею людей. В одном колоссальном пароксизме пантомимической рвоты она извергла из себя всех, кем была одержима. И если поглощение заняло две минуты, то изрыгнуть их ей удалось за один приём, за один выдох — пятьдесят человек за десять секунд, по пятой доле секунды на каждого.

Карл Юнг, *Воспоминания, сновидения, размышления*:

Не меньшее любопытство вызывали у меня взгляды Фрейда на экстрасенсорное восприятие и парапсихологию в целом. В 1909 году, во время нашей встречи в Вене, я поинтересовался его мнением об этих явлениях. По причине своих материалистических предрассудков он заявил, что все мои вопросы

бессмысленны и проявил при этом столь поверхностный позитивизм, что мне стоило большого труда не ответить ему резкостью. Это случилось за несколько лет до того, как сам Фрейд признал серьёзность парапсихологии и фактическую достоверность "окультурных" феноменов. Но в тот момент, когда я выслушивал его аргументы, у меня возникло странное ощущение, будто моя диафрагма вдруг сделалась железной и раскалилась докрасна, она, как мне показалось, даже стала светиться. И в этот миг из находившегося рядом книжного шкафа раздался страшный грохот. Мы оба в испуге отскочили — показалось, что шкаф вот-вот опрокинется на нас. Я, опомнившись, сказал Фрейдю: "Вот вам пример так называемой каталитической экстериоризации". "Оставьте, — разозлился он, — это совершеннейшая чушь". "Нет, профессор, — воскликнул я, — вы ошибаетесь! И я это вам докажу:

сейчас вы услышите точно такой же грохот!" И действительно, как только я произнёс эти слова, из шкафа снова раздался грохот. До сих пор не понимаю, откуда взялась моя уверенность. Но я был убеждён, что это произойдёт. Фрейд ошеломлённо посмотрел на меня. Не знаю, что он подумал и что увидел. Знаю одно — этот случай спровоцировал его подозрительность, а у меня появилось ощущение, будто я причинил ему боль. Мы никогда больше с ним это не обсуждали.

Дуг Диллон, Карл Юнг, призраки и паранормальные совпадения:

Прочитав лекцию, Юнг вернулся в свой номер в отеле. Измученный, он быстро уснул, но около 2 часов ночи внезапно пробудился. Он отчётливо ощутил постороннее присутствие в своём номере, хотя кроме него там явно никого больше не было. Он даже открыл

дверь и осмотрел коридор, но и там было пусто. Тем не менее, ощущение чьего-то присутствия в номере у Юнга по-прежнему сохранялось до тех пор, пока он не почувствовал тупую боль в голове. Ему показалось, словно что-то ударило его по лбу и прошло насквозь до затылочной кости. В конце концов, он снова уснул, но на следующее утро этот его ночной опыт предстал в новом свете: он получил телеграмму, что один из его пациентов покончил жизнь самоубийством. В последствии Юнг узнал, что мужчина выстрелил себе в голову, пуля вошла в лоб и остановилась в области затылка.

Патрик Шеридан, *В ожидании полёта:*

Тем, кто не пробовал ЛСД, вероятно, нелегко будет поверить, что при его помощи можно достичь чего-то подлинного или глубокого.

Современная мудрость гласит:
подобные переживания суть
порождённые мозгом галлюцинации,
субъективные для каждого человека. С
точки зрения рационального обывателя
всё это, возможно, и так. Но если учесть
грандиозность и масштаб некоторых
моих переживаний, подобные
рассуждения кажутся просто смешными.
Речь идет не столько о воздействии на
меня или интенсивности моих
переживаний, сколько об открытии
качественно новых аспектах реальности.
Одно из самых удивительных здесь
открытий — коллективный характер
переживаний, т. е. одновременно
разделяемых несколькими людьми. Как
вещество подобное ЛСД может
вызывать настолько мощные
психические реакции — понятия не
имею. Но смею предположить, что он
способен имитировать химические
вещества, естественным образом
вырабатываемые организмом во время

высокоэнергетических состояний, и запускать скрытые процессы в нервной системе. Впоследствии я выяснил, что многие состояния сознания, вызываемые ЛСД, могут быть более более полномасштабными и устойчивыми без принятия каких либо внешних стимуляторов.....

.....ЛСД заводил меня на всё более странные территории. Парадоксально, но чем глубже я исследовал самого себя, тем более коллективным становился опыт. Внутренняя сущность, которая начала всё более проявляться через слои растворённого эго, очень живо воспринимала всё окружающее, особенно людей, и общение с ними могло быть необычайно непосредственным и интенсивным. Пространство между людьми и объектами уже не пустовало, а казалось проникнутым вязким, динамичным полем живого сознания. Это была

насыщенная, осязаемая среда, что-то вроде ласкового прикосновения тёплого песка, солнца и моря на пляже, только гораздо пронзительнее и острее. Наше соединение буквально осязалось; общее сознание возникало также непосредственно и интенсивно, как и физический контакт. Это было немного похоже на влюбленность; каждый человек запросто становился открытой книгой для другого, и можно было полновесно узнавать и соединяться друг с другом на очень личном уровне. Я мог буквально проникнуть кому-то под кожу и разделить его чувства, даже мысли. Это могло приобретать чрезвычайно телепатический характер — по правде говоря, иногда было трудно отличить себя от другого. Постепенно я приходил к осознанию, что не был разделен с окружающим меня миром, но являлся его неразрывной частью. У меня произошла полная трансформация восприятия, когда моё ощущение "я"

переместилось от изолированного, мыслящего существа в моей голове к более совершенному и интуитивному существу, намного более осведомлённому о моём теле и окружающем меня мире. Я чувствовал себя погружённым в первичное поле сознания, общее для всех живых существ, начиная от простейших насекомых до богатого, насыщенного сознания животного царства.....

.....Старый школьный товарищ неожиданно нагрянул в гости и, вероятно, из-за необычных вибраций, витавших в воздухе, или своей собственной тяги к необычным переживаниям, он захотел присоединиться к моему трипу. В школе он часто ходил в ночные походы и, видимо, вдохновлённый духом приключений, после окончания школы решил вступить в ряды армии. Теперь он был членом некоего элитного боевого

подразделения, которое какими-то таинственным путями оказывало военную помощь Султанату Омана против вооружённого вторжения Йемена. Я не знал, чем именно он занимался в ту пору, кроме того, что у него была очень насыщенная служба за границей, скорее всего, не без применением смертоносной силы, но он точно не был человеком, с которым мне следовало в тот момент отправляться в трип.

До поры до времени всё шло хорошо, пока я не взглянул на него: между нами образовалось нечто вроде тоннеля. Моё периферийное зрение ослабло, и я почувствовал, как между нами налаживается связь. Это было знакомое переживание, и я особенно по этому поводу не напрягался. Но потом случилось нечто совсем непредвиденное: энергия, текущая через этот "тоннель", что-то в нём

взбаламутила, и ужасная сущность, которая появилась у него из-за спины, набросилась на меня. Она выглядело как грязный, хищный слизняк, родом — я это ощутил инстинктивно и довольно чётко — из самых низших, грубых уровней существования. Я просто не знал, как на это реагировать. Я даже представить не мог, что подобное вообще существует. Да, я знал, что всё является частью единого изначального существа, но не подозревал, что было нечто, чего стоило бы опасаться. Фантастический, бушующий вихрь энергии пронёсся через меня как ураган, поражая эту сущность в воздухе, после чего она стала распадаться на части. Но она продолжала прорываться ко мне и сражаться с силой, сдерживающей её натиск, словно злобная форель, плывущая против течения. Она уже практически полностью распалась, когда уже вплотную ко мне приблизилась, и всего на один, но фатальный момент, я

ощутил на себе воздействие её природы — зловонного, жестокого существа со жгучей ненавистью к жизни. И потом оно исчезло. Я испытал огромное потрясение и зигзагом спикировал вниз, чувствуя себя истощённым и осквернённым; мысли в моём сознании бешено крутились. Я вышел из трипа в оцепенении и замешательстве, буквально ощущая себя выгоревшим изнутри, и ещё многие дни чувствовал у себя во рту кисловытый пепельный привкус. После этого всё переменилось. Моя уверенность, оптимизм и волшебная радость ушли без следа. Я испытывал эмоциональную опустошённость и напрочь забыл о недавно открытых мне возвышенных чувствах...

Даниил Андреев, *Роза мира*:

В ноябре 1933 года я случайно —

именно совершенно случайно — зашёл в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо в душу мне хлынула тёплая волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да ещё в таком протокольном стиле.

Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь души, и слёзы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо. И, по правде сказать, мне не очень важно, как

знатоки всякого рода экстазов и восхищений назовут и в какой разряд отнесут происшедшее вслед за этим. Содержанием же этих минут был подъём в Небесную Россию, переживание Синклита её просветлённых, нездешняя теплота духовных потоков, льющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлём. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь — один из ярчайших светильников Русского Синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей света и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму — и — удивительно! — переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой.

Достаточно, пожалуй. Какие выводы из всего этого можно сделать? В первую очередь, вывод о существовании, по крайней мере, в планетарных масштабах, единого метафизического поля, будь то коллективное бессознательное по Юнгу или всепроникающий эфир-акáша ведической философии, в котором информация и энергия практически мгновенно передаются на расстояние. Иначе же, *разумно* объяснить большинство описанных здесь опытов не представляется возможным, как и такие банальные вещи, как, скажем, мысль о человеке буквально за секунду до его телефонного звонка — лично со мной подобное случалось не раз.

Могу привести из своего жизненного опыта и нечто менее банальное. Однажды, в моей голове вспыхнуло практически никогда не используемое мной слово "ребёрфинг". Буквально через несколько минут я встретил свою знакомую, с которой не виделся уже

много лет. Когда мы разговорились, то выяснилось, что она занимается этим самым ребёрфингом (от английского rebirthing), т. е. дыхательной практикой с претензиями на духовность.

Можно, конечно, прибегнуть к риторике закоренелых материалистов о поразительном совпадении и т. д., но, опять-таки, лично мне это покажется... попыткой наспех сохранить своё душевное равновесие (хотя у материалистов, по идее, никакой души нет), нежели в чём-то честно разобраться. Подобные бесчестные личности пусть идут лесом. Извините.

Если довести первый вывод до логического конца и посмотреть на вещи более глобально, скажем, в свете спора о первичности духа или материи, последняя здесь явно оказывается инструментом или чем-то вроде сосуда для первого, а никак наоборот. Говоря современным языком — "железо" служит "софтú".

Какое-то время назад, однако, меня

восхитила намного более изящная образность взаимодействия между физикой и метафизикой, и, возможно, читателю она также придётся по вкусу.

Представьте себе такую картину: солнечные лучи (наиболее тонкий духовный уровень) нагревают атмосферный воздух (менее тонкий уровень). Из-за возникшей разности в давлении дует ветер, вызывающий, в свою очередь, волнение на море (относительно грубый уровень). В конечном итоге, благодаря более слабому волнению где-нибудь на мелководье образуются узоры на песчаном дне (самый грубый уровень). Нужно сказать, что это идеальный образ перехода духа в материю, коль скоро целью ставится именно создание мелких узоров.

Проблема в том, что на промежуточных стадиях могут возникать искажения или препоны, особенно, если это происходит в сознательном существе, объединяющем в себе все уровни, весь духовно-материальный спектр, и обладающем ко

всему прочему свободной волей. Из-за вмешательства этой воли, к примеру, импульс от ветра где-нибудь в открытом море может не передаваться воде. Тогда ветер будет дуть с неослабной силой до самого берега и, достигнув прибрежной полосы, поднимет там такой шторм, что вместо песчаных узоров образуется беспорядочное месиво. Собственно, в этом суть психосоматозов, т. е. заболеваний, вызванных зажатостью, искажённостью перехода духа в материю, метафизики в физику.

Следующий вывод: метафизика бывает как со знаком "плюс", так и "минус". По крайней мере, Патрик Шеридан смог убедиться в этом на собственном опыте: в масштабах его существа разыгралась вековая драма, т. е. стычка метафизического света с метафизической тьмой. Последнюю он описывает как нечто зловонное, жестокое, ненавидящее жизнь. Нужно сказать, что этот опыт Шеридана так или иначе согласуется с

опытом бесчисленного количества других людей, как визионеров подобно Даниилу Андрееву или, скажем, христианских святых, так и "обывателей" в духовном смысле, случайно заглянувших за завесу видимой реальности.

Что касается самой способности прозревать невидимое, психические расстройства (как в случае со старухой с синдромом Туретта), психика, расшатанная психотропными веществами (как у Патрика Шеридана), природная одарённость или предрасположенность (как у Карла Юнга, Даниила Андреева или Шри Раманы) становятся своего рода окошками в метафизические миры, со всеми их плюсами и минусами. В этот список я бы лично ещё включил травмы головы, нервные потрясения и духовные, или псевдодуховные, практики. Разумеется, эти окошки далеко не равнозначны, и лучше бы какие-то из них всегда оставались закрытыми.

И самое последнее: где во всей этой
метафизике находитесь лично Вы?

~ ~ ~

"Космология" собрана.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

*Глубинное ядро одной религии ближе к
глубинному ядру другой религии, чем к
собственной поверхности.*

Григорий Померанц

Более художественно и развёрнуто
Григорию Соломоновичу вторит Гессе:

...В эту ночь, когда после долгих
беспокойных раздумий миссионер наконец
заснул под назойливое жужжанье moskitov,
ему приснился удивительный сон.

Он брёл по смутно-туманной пальмовой

роще, на красно-коричневой земле играли желтые блики солнца. Попугаи кричали в вышине, обезьяны отчаянно храбро карабкались по бесконечно высоким колоннам стволов, крохотные, сверкающие, как драгоценные камни, колибри искрились яркими красками, всевозможные насекомые изливали радость жизни в звуках, игре красок или движений. Радостный миссионер, преисполненный благодарности и счастья, беспечно гулял среди этого великолепия; вот он подозвал плясавшую на канате-лиане обезьянку, и, смотри-ка, ловкий зверёк послушно соскочил на землю и почтительно, как слуга, склонился перед Эгионом. И Эгион понял, что здесь, в этом блаженном уголке Божьего мира, он может повелевать, и немедля призвал к себе птиц и бабочек; и блистающим роем все они устремились к повелителю, он же взмахнул руками и принялся дирижировать, кивая в такт головой, подавая знаки глазами и щёлкая языком; и все прекрасные птицы и мотыльки послушно водили хороводы в

золотистом воздухе, проплывали торжественными процессиями, и дивный этот хор свистел и щебетал, стрекотал, жужжал и щёлкал, они плясали в воздухе, гонялись друг за другом, выписывали величественные круги и веселые спирали. То был ослепительный яркий балет и концерт, вновь обретённый рай, и сновидец в этом гармоничном волшебном мире, покорном ему и подвластном, изведal наслаждение глубочайшее, почти болезненное, ибо в блаженстве был уже слабый привкус или предчувствие, предощущение его незаслуженности и мимолётности, что и подобает испытывать благочестивому миссионеру в минуты любого чувственного наслаждения.

И это пугающее предощущение не обмануло его. Восхищенный друг природы ещё предавался созерцанию резвой кадрили обезьян и ласкал огромную бархатисто-голубую бабочку, доверчиво опустившуюся к нему на левую руку и, словно голубка,

позволившую себя погладить, но уже первые тени страха и гибели метнулись вдруг в этой волшебной роще и омрачили душу мечтателя. Пронзительно вскрикнули в ужасе птицы, порывистый ветер вскипел, зашумев над высокими кронами, радостный тёплый солнечный свет потускнел и иссяк, птицы бросились кто куда, красивых крупных мотыльков, в страхе бессильных, умчал ветер. Взволнованно застучал ливень по листьям, и вдали прокатился по небосводу медлительный тихий громовый раскат.

И тут в лес вошел Бредли. Уже улетела последняя пёстрая птица. исполинского роста, мрачный, как призрак убитого короля, Бредли подошёл, презрительно сплюнул на землю перед миссионером и принялся укорять его обидными, насмешливо-злыми словами за то, что он лентяй и обманщик, ведь лондонский патрон нанял его на службу и дал ему денег ради обращения язычников, а он ничего не делает, только прохлаждается, ловит букашек и гуляет по

лесам. И подавленный Эгион признал правоту Бредли: да, он виновен во всех этих упущениях.

И тогда появился могущественный богатый коммерсант, английский патрон Эгиона, и с ним много английских священников, и они вместе с Бредли погнались за миссионером и гнались за ним через заросли и терновник, пока не выбежали на людную улицу в предместье Бомбея, где высился до небес индийский причудливый храм. В храм и из храма пестрым потоком текли людские толпы, голые кули и гордые брахманы в белых одеждах, напротив же, на другой стороне улицы, стояла христианская церковь, и над её порталом было высеченное в камне изображение восседающего среди облаков Бога Отца со строгим отеческим взором и волнистою бородою.

Преследуемый миссионер взбежал на паперть Божьего дома, взмахнул руками и обратился к индусам с проповедью.

Громким голосом он призвал их взглянуть и увидеть, что истинный Бог совсем иной, не такой, как их убогие божки — уродцы с хоботами или множеством рук. Он простёр длань к скопищу сплетённых фигур на стенах индийского храма, затем — к изображению Бога над воротами своей церкви. Но как же он был напуган, когда, сам следуя своему указующему жесту, поднял глаза и увидел: Бог Отец преобразился, у него теперь было три головы и шесть рук, и вместо чуть глуповатой бессильной строгости на всех трёх Его лицах играла снисходительная и довольная тонкая улыбка, в точности та, что отличает наиболее утончённые изображения индийских богов.

Обескураженный проповедник обернулся к Бредли, патрону и священникам, но все они исчезли; одинокий и беспомощный, он стоял на ступенях церкви, и тогда покинул его и Бог Отец, ибо всеми шестью руками приветственно махал он индийскому храму и божественно-безмятежно улыбался божествам индусов.

Всеми покинутый, опозоренный и растерявшийся, стоял Эгион на своей церковной паперти. Он закрыл глаза и не двигался с места, все надежды померкли в его душе, и со спокойствием отчаяния он ожидал, что язычники побьют его камнями. Наступила мучительная тишина, но затем он почувствовал вдруг, что чья-то сильная и вместе с тем добрая рука отстранила его, и, открыв глаза, увидел, что каменный Бог Отец величаво, с достоинством шествует вниз по ступеням, и в ту же минуту со своих зрительских мест на стенах индийского храма начали спускаться полчища индийских богов. Всех их Бог Отец приветствовал, после чего вошёл в индийский храм и, дружелюбно кивая, принял поклонение брахманов. Меж тем языческие боги со своими хоботами, кудряшками и узкими глазами один за другим направились в христианскую церковь и ко всему, что увидели в ней, отнеслись с одобрением, следом же за богами потянулись длинной вереницей молящиеся,

и так произошло переселение богов и людей из индийского храма в церковь и из церкви в храм. В братском согласии зазвучали гонг и орган, и тихие смуглые индийцы возложили на строгий алтарь английской христианской церкви цветы лотоса.

~ ~ ~

Я не собираюсь здесь подробно описывать положения тех или иных религиозных учений — это уже сделано другими, причём намного лучше, чем я когда-либо смог бы сам. Если что-то где-то и промелькнёт, то мимоходом, что, собственно, уже имело место быть в предыдущих разделах.

Скорее, мне бы хотелось привести свидетельства "легитимности" *разных* религий, нежели какой-то одной, единственно верной, ортодоксальной и богоугодной. Я также предложу свой взгляд на причины религиозного разнообразия и поразмышляю об истоках массовой

разочарованности в традиционных религиях, свойственной, по крайней мере, западному полушарию Земли.

В заключении коснусь вопроса интеррелигии и приведу обширную цитату из *Почему мы не можем быть хорошими?* Нидлмана как удобный мостик от "Религиоведения" к "Гносеологии".

~ ~ ~

До научно-технического прогресса, свободного и массового распространения информации, изощрённых психологических экспериментов, масштабных социологических исследований, в общем — до проверки огнём реальности, религии могли себе позволить некоторый эгоцентризм и буквальную трактовку своих священных текстов.

Сегодня такой подход будет свидетельствовать о твердолобом фундаментализме. К примеру, немалое количество иудеев и христиан

придерживается буквального библейского летосчисления, согласно которому вселенной — примерно 7000 лет. Радиоуглеродное датирование при этом игнорируется, а палеонтологические находки, включая скелеты динозавров, некоторыми верующими воспринимаются ничем иным, как... Божественным испытанием их веры.

Есть немало убеждённых и в том, что Земля — плоский диск, на основе тех или иные цитат из священных писаний вопреки здравому смыслу, науке, в конце концов, свидетельствам космонавтов. И так далее.

Однако, самой непоколебимой убеждённой фундаменталистов остаётся ощущение своей богоизбранности, позволяющей им презирать, эксплуатировать, уничтожать представителей других религий. Помимо аморальности, это также говорит об их больших религиозно-научных пробелах. Их *могли бы* заполнить следующие мои скетчи:

Практически в каждой традиционной религии есть понятие святости или просветлённости. Везде есть мученики за веру и какие-то аскетические подвиги, иными словами — проявления героизма. Везде есть свои чудотворцы. К слову, не всегда просветлённость коррелирует с суровым аскетизмом и умением творить чудеса. И наоборот: "Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею..."

Фундаменталистами все эти проявления в других традициях (кроме своей) либо игнорируются, либо нивелируются теми или иными аргументами, в которых непредвзятый человек легко почует некоторую... высосанность из пальца. К примеру, христианский фундаменталист никогда не признает мусульманского или сикхистского святого. Скажет, мол, ну да, возможно такой-то или такой-то был неплохим малым, но Христа не признавал за Сына, а следовательно и Отца знать не мог.

Формальная логика замуровывает "Дух дышит, где хочет".

В то же время, во всех этих традициях есть прямые указания на некую идеальную версию адепта: именно проявляемые им волевые, интеллектуальные и душевные качества, а не сумма верований, должны быть главным доказательством действенности традиции. "По плодам их узнаете их".

И тогда вопрос: существуют ли какие-то объективные исследования, свидетельствующие в пользу той или иной традиции с точки зрения количества облагороженных её последователей или святых, порождённых её лоном? Был ли Серафим Саровский святее Кабира? Если да — почему? Каким свято́метром это измерено?

Примеры святости, впрочем, как и всего остального за пределами собственной традиции для фундаменталистов смерти подобны — в первую очередь, смерти тех

ментальных конструкций, в которые они вложились всем своим существом, нередко из благих побуждений. Но: "Благими намерениями вымощена дорога в ад".

Сейчас для последователей традиционных религий и вообще всех достаточно вменяемых людей вся эта западная вакханалия с кучей полов и прочие эксцессы позволяет ощутить себя на "правильной стороне" истории.

Но когда все те, кто оказался на правильной стороне, получат возможность получше присмотреться друг к другу, разделение на правых и неправых, избранных и проклятых, правоверных и кяфиров, словом, своих и чужих, будет неизбежным. Вернее сказать, всё это разделение уже существует, оно просто отошло на задний план благодаря общему врагу. И что тогда? Что позволит мирно уживаться всей этой пёстрой братии? "Тесно было порознь, пусто было вместе".

А воля *живого* Бога, как она должна проявиться, к примеру, на Страшном Суде в

том или ином его изводе? Будут ли это дешёвые голливудские спецэффекты типа воскрешения мёртвых либо нечто более... изысканное? "...после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра [и там Господь]". А может, он уже веет? Без шуток.

~ ~ ~

Помимо святых и просветлённых, существует, как минимум, два признака того, что традиция осенена *Путём*.

Один из них — практика экзорцизма, имеющаяся в арсенале у многих религий. По крайней мере, лично мой здравый смысл мне подсказывает, что откровенно демонические течения не станут изгонять своих собственных "патронов".

Что мне представляется, однако, более существенным — свидетельства переживших клиническую смерть и

повстречавших на "том свете" фигур из собственного символического поля или пантеона. Исхожу здесь из того (снова здравый смысл), что в потустороннем мире "единственно верная" духовная реальность проявила бы себя наиболее полновесно и уж точно привела "заблудших" в должное чувство. Но нет — как правило, христиане в своих околосмертных переживаниях видят Христа, мусульмане — описанных в Коране ангелов смерти или иных знакомых им фигур, индусы — бога Ямраджа и т. д.

Важно учесть: трансцендентные переживания нередко возникают в "межмембранном пространстве" — как, например, у Даниила Андреева, чьи видения не укладываются в рамки строго очерченной традиции. Благодаря чему это происходит? По-видимому, *нитей* и *витков* в сиятельном поле *Пути* хватает с лихвой. Слово Руми:

*Ни христианин, ни еврей, ни
мусульманин,
Ни буддист, ни суфий, ни дзэн*

*Не принадлежу ни одной культуре,
Ни Востоку, ни Западу, ни океану, ни
небу*

*Ни земле, ни природе, ни
сверхъестественному,
Не состою из элементов, не существую*

*Ни в этом мире, ни в каком другом,
Не рождён Адамом и Евой, без
родословной*

*Мое место — нигде, мой путь — без
следа,*

Без тела, без души

*Но есть Возлюбленный, Он и я
Слились воедино, в один мир —*

*Первый и последний, внешний и
внутренний,*

в одно дыхание, в одного человека...

Примерно о том же — мой стишок:

*Переходя улицу с односторонним
движением,*

Он посмотрел в обе стороны

И был прав.

*Нужно провести инвентаризацию:
Приснился скорпион — не игнорируй
проблему;
Содрал кожу — обработай перекисью;
В мире много религий — считай свою
лучшей
И никогда, во веки веков не читай
Бхагават Гиту;
Для полного счастья полюби Сталина
{с безопасного расстояния}
И удостоверься, что чипсы —
отечественные
И не модифицированы генами летучих
мышей.*

*Когда разложены все нэцкэ по полкам,
Когда липучкой все щели замазаны,
Всё ж допусти неизвестную
переменную:
При переходе улицы с односторонним
движением,
Тебя может сзади внезапно сбить
страус,*

*А при чтении Бхагават Гиты
На тебя оттуда — вдруг — посмотрит
Христос.*

Ещё одно свидетельство я приберёг "на десерт", а именно метафорические мосты между священными текстами. Если по ним пройтись — с известной долей честности и метафизической подкованности — то будет довольно сложно их развидеть или просто отмахнуться от вспыхнувших, в т. ч. нейронных, связей:

Откровение Иоанна, последняя книга Нового Завета, содержит, среди прочего, следующие строки:

И Дух, и невеста говорят: прииди!

Зачем это парное разделение? Разве одного Духа, скажем, недостаточно?

Обратимся к Корану:

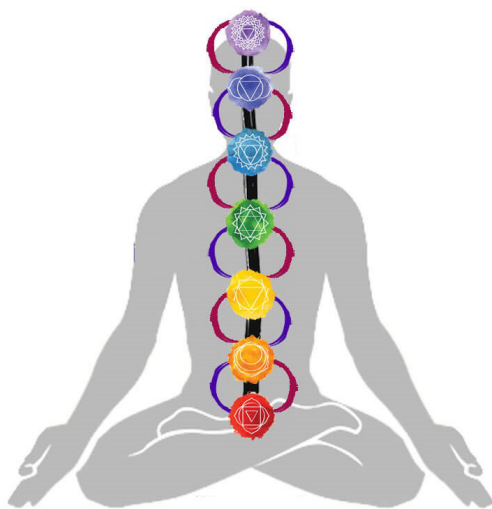
Аллах — свет небес и земли. Его свет — словно ниша, в которой находится светильник. Светильник заключён в стекло, а стекло — словно жемчужная звезда. Он зажигается от благословенного оливкового дерева, которое не относится ни к востоку, ни к западу. Его масло готово воспламениться, даже если его не коснётся огонь. Свет поверх света! Аллах ведёт к Своему свету, кого пожелает. И приводит Аллах притчи для людей, ведь Аллах знает обо всякой вещи

К чему вся эта сложность? Как она помогает мусульманам в их ежедневных молитвах и других религиозных обязанностях, предписанных исламом?

Традиционная экзегеза, что христианская, что мусульманская, конечно, предлагает свои трактовки. Но учитывая глубокие метафизические реальности под вуалью

метафор, недалёкая человеческая мысль будет лишь скользить здесь по верхам.

И тут — вдруг — индуизм освещает все тёмные пятна вопреки настороженному, даже враждебному к нему отношению со стороны христианства и ислама. В частности, учение о чакрах (тонких энергетических центрах) и Кундалини (духовной энергии, задействованной в просветлении) становится этим самым озаряющим светом:

Выше приведена довольно классическая схема тонкого тела (в этой конкретной версии не показана Кундалини, свёрнутая спиралью в крестцовой кости).

Сопоставлю, вернее, наложу эти традиции одна на другую. "Логистика" просветления такова, что Кундалини, она же Невеста или Масло благословенное, должна подняться по центральному энергетическому каналу Сушумне — оливковому дереву, ни восточному, ни западному — вплоть до седьмой чакры, читай хрустального светильника. Там она возжигает Свет Духа или, если угодно, Свет Аллаха. По пути она будет "запечатывать" всё более высокие гармонии *солнца* и *луны* — правого и левого энергетических каналов соответственно — подготавливая тем самым наивысшую гармонию в последнем, седьмом чертоге. Проще говоря, она будет очищать и облагораживать эмоции и мышление.

В индуистской традиции Свет Аллаха соответствует Шиве, космическому

мужскому принципу. Кундалини будет проявлением Парвати — "целомудренной невесты Шивы", Божественной женственности.

Углубляя связь с исламом: согласно исламской эсхатологии, человеческие тела в День Воскресения должны воскреснуть из копчика, а праведники (по крайней мере, мужчины) будут вознаграждены чистыми спутницами в раю. Учитывая анатомическую близость крестцовой кости — "спальных покоев" Кундалини — и копчика (как мне думается, в эпоху Пророка Мухаммеда их едва ли различали), истинная природа исламского рая может радикально отличаться от несколько... сладострастных представлений многих мусульман.

На всё это можно посмотреть и под таким углом: по мере того как *солнце* и *луна* утончаются в высших гармониях, Дух, по сути, становится тончайшей эссенцией *солнца*, а Кундалини — *луны*. Их соединение внутри Божественного "Я" знаменует собой

подлинное осуществление человека. Психологически, Кундалини будет проявляться, помимо прочего, как возвышенное стремление к этому единству — или как тихий бунт против так называемого "нормального" человеческого существования. И потому и Дух, и невеста говорят: "Прииди!"

Придёте?

Читатели, вероятно, помнят духовную развилку направо и налево у Даниила Андреева и в том же Коране. По сути, "поворот направо" ассоциируется с *солнцем* и его инструментом — правым энергетическим каналом (Пингала нади); налево же — с *луной* и левым каналом (Ида нади) соответственно. Иначе говоря, *солнце* стремится контролировать грубые импульсы, исходящие от низших аспектов самости, в то время как *луна* в этом отношении проявляет намного меньшую... разборчивость. Явно, что ни Андреев, ни Коран потворства грубым импульсам (в

ущерб высоким) не приемлют. То же самое можно сказать и про *Путь*.

~ ~ ~

Если по мере сил и понимания я к этому моменту продемонстрировал, что могут существовать, по крайней мере, несколько маршрутов на одну и ту же вершину — коль скоро *солнце* и *луна* достигают более высоких гармоний в поле *Пути* — то на вопрос о том, почему нет в мире какой-то одной религии во избежание путаницы, споров и конфликтов, в т. ч. межрелигиозных, отвечаю так:

...На протяжении истории — или метаистории — в мир приходили индивиды, которые представляли или, в более редких случаях, персонифицировали *Путь*, как это было, к примеру, с Иисусом из Назарета, воплощавшем ипостась Сына. Царь Двараки Кришна несколькими тысячелетиями до него

был воплощением Отца. На санскрите подобные воплощения ипостасей или аспектов Бога именуются "аватарами". Более "рядовыми" представителями Пути были Лао Цзы, Пророк Мухаммед, Гуру Нанак, Сократ и некоторые другие сиятельные особы, зачастую стоявшие у истоков того или иного религиозного либо философского течения.

В чём назначение духовной практики?
Сперва-наперво, она должна стабилизировать нижние регионы самости, в частности, *гендерное "я" и "я" слуги/хозяина (мастера/ученика)*, что создаёт предпосылки для дальнейшего утончения *солнца и луны* в более высоких гармониях.

Иными словами, практика должна быть *действенной*, т. е. приносить хотя бы какие-то промежуточные плоды. Скажем, мусульмане должны достичь большего умиротворения (приветствие "салам", т. е. мир, обязано подкрепляться и внутренним содержанием); христиане — невинности,

мудрости и любви ("Будьте мудры, как змеи, и невинны, как голуби", "Все узнают, что вы Мои ученики, если вы будете любить друг друга!"); буддисты — бесстрастности ума с одной стороны и сострадательности с другой.

Что касается конечной цели, соискателям обещано узреть лик Аллаха, родиться заново от Духа или, скажем, достигнуть Нирваны, т. е. осуществиться в *Божественном "я"*. Всё это, конечно же, не может обойтись без тонкой работы Любви (Мировой Женственности), оживляющей, вдохновляющей и делающей возможным это осуществление посредством *витков*.

Что может пойти не так? Поклонение или следование фигуре, не представляющей *Путь*, наносит тяжёлый удар по нижним регионам самости и препятствует развитию более высоких "я". С религиями правой руки, в идеале, это не должно вызывать особого беспокойства, если только речь не идёт о каких-то тупиковых направлениях и

сектах, создающих, образно говоря, что-то вроде заболоченностей по окраинам основного течения реки.

Чрезмерное влияние *жгута* и *колец*, читай низкого мышления и страстей, на *созерцательное "я"*, будет также приводить к выхолащиванию из традиции высокого мышления и возвышенных чувств (*нити* и *витков*), а также её эксплуатации в каких-то низменных целях.

Искажённое представление о Высшем начале создаёт здесь особенно зыбкую почву. Примером может послужить жёсткий религиозный детерминизм, то есть идея о Боге, контролирующем буквально каждый мышинный писк, каждое рождение и смерть, в общем, всех и вся во вселенной, в отличие от Бога несколько отстранённого, предоставившего созданиям свободу действий в известных рамках. Идея о безнравственном или нравственно амбивалентном Боге — из той же серии.

Проиллюстрирую это одним примером.

Из реки индуизма вышел некто, известный миру как Сатъя Саи Баба. О нём впоследствии был снят документальный фильм *Секретный свами (The Secret Swami)*, в котором семья бывших его последователей обвиняет гуру, или лже-гуру, в совершении сексуальных действий с их сыном. Правда это или нет — вопрос сейчас второй.

Важно следующее: когда в фильме одному последователю задают вопрос, изменилось ли бы что-то в его отношении к гуру (или лже-гуру), окажись все эти обвинения правдой, он сказал, что, мол, Богу позволено всё. Для людей, обладающих некоторой духовной чуткостью, подобный образ Бога может только вызвать оторопь.

Как бы то ни было, даже когда и представители, и теоретическая сторона духовного учения соотносилась с *Путём*, остается сторона практическая, а именно непосредственное воплощение всех предписаний. Главным образом, это требует

довольно тонкой, выверенной настройки *созерцательного "я"* наряду с нормальным функционированием нервной системы.

Всегда ли эти условия оказывались соблюдены? По-видимому, не всегда.

С учётом всех необходимых "ингредиентов" для подлинной религиозной жизни, а также данной Богом свободы отклоняться и падать, немудрено, что практически все религиозные течения со временем выхолащивались, ритуализировались, всё менее совпадая с единственно возможным курсом достижения более высоких гармоний в берегах *Пути*. Иными словами, в лучшем случае это неизбежно приводило к ситуации *подавленной любви* (*витки* в плену *жгута*, т. е. условная Елена Прекрасная в темнице Кощея), в худшем — к удовлетворению грубых страстей под вывеской религии.

Коль скоро *подавленная любовь* — во многом прискорбная распространённая неизбежность, набросаю свойственную ей ментальность: ограниченное, некритичное

и, зачастую, буквальное понимание всего того, что наличествует в соответствующем священном тексте; чувство превосходства над последователями других религий; довольно детерминистический взгляд на Бога и вселенную, в том числе, восприятие ударов судьбы скорее как испытание или часть Божественного плана, нежели результат собственных заблуждений и действий; понимание рая больше как чего-то потустороннего, неземного, *внешнего*, нежели *внутреннего* состояния сознания; прославление прошлого; высокомерный взгляд на женщин.

С другой стороны, в ситуации с *подавленной любовью* различие между добром и злом или, скажем, понятие о Божественном ли, кармическом воздаянии, какие-то тонкие движения души, главным образом, со стороны *витков*, всё же имеют место быть. Образно говоря, религии — это духовные карлики (если смотреть на них со всей строгостью заявленных ими самими высоких

стандартов).

Ключевой момент: лишь *один* такой карлик намного бы усложнил и без того затруднённое положение любви, поскольку "абсолютная власть развращает абсолютно". Иными словами, все перечисленные выше особенности "карликового менталитета" возвелись бы в абсолют. Сосуществование нескольких же карликов в этом смысле создаёт для *нити* и *витков* больше лазеек, т. е. возможностей для проявления. Вероятно, именно об этом говорит Коран:

И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвёл Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь. А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы

испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху — возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чём вы разногласили!

...Ещё одна причина религиозного многообразия помимо "антимонопольной" политики *Пути* — Его попытки выровнять ту или иную дисгармонию. Попробую показать это на примере буддизма.

Основоположник буддизма принц Гаутама вышел из-под сени индуизма, и многие положения его учения можно рассматривать как реакции на "заболачивания", "водовороты" и прочие помехи для нормального течения Санатана дхармы (другое название индуизма).

Взять, к примеру, существующую и поныне жёсткую кастовую систему, где брамины претендуют на особую близость к Творцу. Разделение людей на касты есть ничто иное

как грубый слепок логики *Пути*, согласно которой, действительно, выше всех стоят приблизившиеся к Богу. Здесь, правда, необходимо учитывать одно важное "но": эта близость не зависит от социального происхождения, пола, расы или религиозной принадлежности, а определяется достижением высокой гармонии.

Формализация близости к Богу, своего рода чувство собственности по отношению к Нему, исходит из "я" *обладателя* (область *жгута и колец*), а никак не из *Божественного "я"*. Агностицизм Будды в т. ч. предполагал устранение этого ложного чувства, благодаря чему *нить*, т. е. более гибкое, широкое мышление, должна была высвободиться из-под этого гнёта. Ровно с той же целью провозглашалось и отсутствие вечной души (Атмана) — спекуляции вокруг этой концепции скорее усиливали "я" *обладателя* без какого-то реального её наполнения.

Вместе с тем, в практической стороне буддистского учения сохранилось всё необходимое для достижения высоких гармоний. Хотя его метафизика, если можно так выразиться, "обезбожена", за Великой Пустотой угадывается Божественная полнота, за идеей непостоянства — постоянство как обратная сторона медали, т. е. глубинный покой, за бесстрастностью — утончённая эмоциональная жизнь и т. д...

~ ~ ~

Как быть с теми, кого религиозная жизнь по тем или иным причинам не вывела на более высокую гармонию? Снова обращусь к Экзюпери:

Я принуждаю человека стать иным — более раскованным, просветлённым, благородным, усердным и цельным в своих устремлениях. Когда он становится таким, ему не нравится та личинка, какой он был. Он

*удивляется свету в себе и,
обрадованный, становится моим
союзником и защитником моей
суровости. Оправдание моей суровости
— в действительности. Она — ворота, и
удары бича понуждают стадо пройти
через них, чтобы избавиться от кокона
и преобразиться. Преобразившись, они
не смогут быть несогласными, они
будут обращёнными.*

*Но что толку в суровости, если, пройдя
через ворота и потеряв бывшего себя
вместе с коконом, человек не ощутит
за спиной крыльев, а узнает, что он —
жалкий калека? Разве станет он
воспевать искалечившую его
суровость? Нет, он с тоской
повернётся к берегу, который
покинул...*

Примерно о том же, но более раскидисто
размышляю в эссе "Сказ о том, почему
Рапунцель расхотелось идти в политику":

Когда ты что-то делаешь, Рапунцель, тебе ведь нравится ощущение раскрепощённости, бесконфликтности, лёгкости, когда нет разделения на плохое и хорошее, когда ты делаешь это не *для*, а *от* чего-то, просто потому, что тебе так захотелось? Можно назвать это *чувством потока*.

Наверное, ты согласишься с тем, что природа этого чувства у людей может сильно различаться. К примеру, тебе захотелось прогуляться вечером в парке, и ты идёшь себе такая воздушная, плывёшь в своём потоке. А кто-то, в своём потоке, на своей "волне", решает тебя ограбить или ещё похуже. Уж извини за такой пример, Рапунцель, просто подобные иллюстрации помогают хорошо донести мысль, и мне думается, что цели своей я достиг.

Любые правила общежития создают некие рамки, которые, по большому счёту, "стискивают" импульсы агрессии и сексуальности. Однако, в отличие от так

называемых естественных правил общежития — помнишь, секуляризм многие из них признаёт? — религиями могут накладываться такие запреты или поощряться такие неординарные действия, которые будут приглушать *чувство потока*, т. е. делать жизнь если не совсем безрадостной, то и не особенно искромётной. Помнишь ту цитату, её начало: "Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю..."? Если по всей правде, Рапунцель, вера в некое Высшее Начало накладывает обязательства, и как раз это может восприниматься потерей — в первую очередь, потерей присущему данному индивиду *чувства потока*.

Ключевой момент: если эти обязательства действительно соотносятся с Высшей Реальностью, и если у взявшего их на себя достаёт воли, терпения и сердца жить в подобном стеснении, со временем должно забрезжить новое, более высокое и обогащённое *чувство потока*:

*Есть лязг отказа понести;
Есть стон упавшего; есть и
Мелодия несущего
До самого до Сущего.*

*Есть лев, терзающий свой дом,
Чтоб стать навьюченным ослом,
Звучать у Бога в плеере
Какой-нибудь феерией.*

*И если Милость, если труд
К заветной цели приведут,
В Ребёнка превращается,
Кто осликом намается.*

*Есть лязг отказа, доходяг
Есть стон. А есть узоры раг.
Как хочется быть рагою,
А не тыц-тыц-тыц-тыц-тыц-тыц...*

В каком-то смысле, Рапунцель, это можно сравнить с обучением игре на музыкальном инструменте: ты приходишь на урок, жертвуя какими-то своими развлечениями, и

вынуждена делать неуклюжие движения, извлекать не особенно мелодичные звуки, штудировать сольфеджио и т. д. Но постепенно — если учитель хорошо учит, а ты — хорошая ученица, пальцы твои становятся гибкими и беглыми, многие вещи доводятся до автоматизма, и вот, ты уже наслаждаешься извлекаемыми тобою звуками, а со временем начинаешь сочинять собственные мелодии. Стоит ли говорить, что радость от этих мгновений окупает унылые часы тренировок.

Если подытожить: и учитель, и ученик должны быть должного качества, чтобы обучение принесло какие-то плоды. Здесь под качеством ученика, главным образом, подразумевается его готовность совершать усилия и претерпевать на пути к намеченной цели. Качество учителя — компетенция во всех смыслах.

Возвращаясь к религиям, по-видимому, нередко люди оказывались не совсем толковыми учениками, либо учителя, т. е.

"представители" Высшей реальности — скорее, это относится к мнимым представителям — служили непригодными в эту Реальность "окошками". Попробую это объяснить.

Видишь ли, Рапунцель, в отличие от овладения музыкальным инструментом, который по отношению к музыканту является чем-то *внешним*, т. е. хорошо обозримым и относительно легко манипулируемым, приверженец духовного учения должен разбираться со своим *внутренним* миром. Есть такое выражение: "Чужая душа — потёмки". Так вот, не только чужая, но и своя. Ты-то, к примеру, хорошо себя знаешь, Рапунцель? Не спеши с ответом, пусть в тебе как следует осядет и разбухнет мой вопрос.

В подавляющем большинстве случаев, пытаться узнать что-то о себе без постороннего света, в частности, исходящего от духовного учения — это примерно то же самое, что вытаскивать самого себя за

волосы из болота. Высшие смыслы жизни не явствуют из самой жизни, а приходят через духовное откровение. Наука? Она может объяснить "как", но никогда — "почему". Следование "сердцу"? Это может завести в те ещё дебри. Однако, восприятие чего бы то ни было, в частности, духовного учения — это всегда *интерпретация*, т. е. преломление через индивидуальное сознание с присущим именно ему мышлением, эмоциональностью, какими-то физиологическими особенностями и, наконец, делами, праведными и не очень, в реальной жизни.

Более того, Рапунцель, как показывает исторический опыт, следование религиозному учению нисколько не гарантирует выход на новое *чувство потока* и даже чревато соскальзыванием со старого в бездну бесчеловечности. И вот, мы имеем массовый секуляризм, по сути — разочарование в способности человека перейти на *новый поток*.

Но Высшая Реальность со всеми её потоками, вопреки всем срывам и надрывам, никуда не исчезла, и ты не можешь просто проигнорировать её в создании своего идеального общества. Если всё же попытаешься — ты перестанешь мне быть интересной, Рапунцель...

~ ~ ~

В *Розе мира* Даниил Андреев пишет о "затомисах" — обителях просветлённых душ из различных метакультур (христианской, исламской, российской, китайской и т. д.), которые также являются своего рода плацдармами для более высоких духовных иерархий в деле просветления земных, материальных соответствий этих затомисов, т. е. христианства, ислама, России, Китая и т. д. По Андрееву, на момент написания *Розы мира* затомис общечеловеческой метакультуры "Аримойя", связанный с возникновением и господством грядущей интеррелигии,

находился в состоянии творения. Таким образом, есть вероятность того, что этот затомис уже сотворён, а значит ищет, или уже нашёл, своё материальное соответствие на Земле. Что оно из себя может представлять? И возможна ли интеррелигия в принципе, учитывая всю совокупность проблем в отдельно взятых религиях правой руки (о религиях левой руки даже не веду речь), а также мощное секулярное течение? Пока что оставляю эти вопросы открытыми, но непременно к ним вернусь.

А сейчас — обещанный Нидлман:

...Но довольно исторических экскурсов. Обратимся к примерам творчества совместного размышления в нашей с вами жизни.

И здесь добро пожаловать в мой класс, где я собираюсь сделать несколько собственных открытий в отношении этого творчества.

На дворе — середина декабря, последний день школьных занятий. Небо затягивает

пелена тёмных туч. Оконные стёкла немного подрагивают от ветра.

Название курса — "Природа религиозного опыта". Мы читали *Упанишады*, *Жизнь Будды*, дзен-буддистскую *Сутру Шестого Патриарха*, *Дао де цзин*, *Книгу Иова*, *Исайю*, *Матфея*, проповеди Майстера Экхарта и поэзию величайших мастеров исламской духовности, Руми и Хафиза. Мы много *говорили* о религиозном опыте — мы не пытались его как-то *получить*. Хотя, несомненно, в течение семестра студенты задавали замечательные, глубокие вопросы. Я же пытался сохранять баланс между своими обязанностями преподавателя своим личным ощущением метафизических потребностей студентов, их фундаментальными вопросами о жизни и поиске истины, вопросами, которые естественно возникают при изучении подобного материалом.

Я пообещал своим студентам, что на последнем занятии, после сдачи финальных

сочинений они смогут задать мне любые вопросы — буквально на любую тему, уже не заботясь об экзаменах, оценках и так далее. Предполагалось, что посещение этого занятия — дело сугубо добровольное, и, как правило, после сдачи всех экзаменов приходило около половины класса. Сегодня, вероятно, из-за дождливой погоды собралась примерно дюжина студентов. Я предложил им рассестись поближе, в самых первых рядах, образовав что-то вроде полукруга.

Издали то и дело доносились раскаты грома.

Преподавая подобный материал в течение многих лет, я ощущал своим долгом даже чисто символически предоставлять студентам что-то вроде дискуссионной площадки, и это в известной степени выходило за рамки учебной программы. Мне это позволяло, так сказать, напрямую ощутить личные метафизические искания своих студентов. Собственно, именно эти искания, в первую очередь, и побуждали

юношей и девушек выбирать мой курс, и их интерес неизменно подстёгивался нашими классными чтениями и обсуждениями.

Во время таких "неофициальных" сессий всегда задавался один и тот же вопрос, на который я никогда не мог толком ответить. И сейчас этот вопрос прозвучал в самом начале.

Я внутренне застонал, услышав его:

"Как распознать истинного духовного учителя? В чем разница между просветлённым и шарлатаном?"

Как известно, район залива Сан-Франциско десятилетиями служил нерестилищем для новых религиозных движений. Всё хорошее и плохое, что существует в распространённой сейчас культуре "Нью-эйдж", своими духовными корнями уходит в этот район — начиная от истинных мастеров, представителей древних традиций Востока и Средней Азии и заканчивая духовными фантазёрами со всех уголков мира. В ту пору

была популярная шутка: если вы бросите кирпич из любого окна в Сан-Франциско, то, вероятнее всего, попадете в гуру. Среди учителей и приверженцев христианских и иудейских мистических традиций, мастеров дзен, тибетского буддизма и випассаны, суфиев, йогов и святых, целителей и терапевтов на любой вкус и размер кошелька — среди мужчин и женщин с их методами, отражающими глубокую эзотерическую истину, и проходимцев, торгующими вразнос психодуховными суевериями и умело замаскированными формами манипуляции и внушения, кто бы не растерялся? Конечно же, студенты имели полное право задавать подобный вопрос!

И, конечно же, я должен был им что-то ответить. В конечном счёте, благодаря мне они познакомились с учениями, дающими надежду на то, что в этом скорбном мире существует Истина, а также пути, приводящие к её постижению. И теперь, когда этот вопрос прозвучал, моим

нравственным долгом было предложить своим студентам любую посильную помощь.

С годами у меня в голове сложилась одна формула, которая, в общем, была вполне удовлетворительным ответом на этот вопрос. Но всякий раз я не мог избавиться от ощущения, что у меня попросили хлеба, а я взамен предлагаю камни. И каждый раз я пытался оправдаться перед собой, что, мол, на самом деле у меня не было и не могло быть какого-либо "хлеба", то есть достаточной компетенции чему-то их учить. Также я не считал себя вправе высказывать своё личное отношение к тому или иному духовному учителю, течению или группе. Я — профессор философии, а не проповедник или гуру. Но эти мои самооправдания, хотя и довольно веские, только увеличивали ощущение моего фиаско перед этим искренним, животрепещущим вопросом. Кроме того, за возникновение самого этого вопроса я нёс и какую-то личную ответственность. Да, я — профессор, не

проповедник и не гуру, но я — человек, человеческое существо. И просто как человек я морально обязан как можно достойнее ответить на этот искренний вопрос. Но как?

ЭТИКА КОЛЛЕКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Как обычно, я начал с того, что признал серьёзность этого вопроса и привёл цитаты из самых разных источников, дающих некое обобщённое представление об истинном духовном учителе. Духовный учитель, как нам о том говорят, желает лишь блага своему ученику; он не использует никаких методов обольщения и трюков, играющих на таких человеческих слабостях, как внушаемость, гордость и эмоциональная ранимость. Настоящий учитель должен быть "авторизован" своим собственным духовным мастером или, по крайней мере, находиться в цепочке духовной преемственности, через которую протекает мистический поток божественной силы,

именуемый *барака* в исламе, *ци* в китайской традиции или "благодатью Духа святого" в христианстве. Этот поток и определяет подлинность учителя и его методов. Что касается личных духовных качеств истинного учителя, то здесь мы имеем умиротворённость, скромность, непривязанность к материальным благам вроде денег, и, самое важное, чистое сострадание и любовь, не замутненные мелочной раздражительностью или чисто субъективными эмоциями.

Однако на этот раз, видимо из-за гула приближающейся грозы, я не мог выдавить из себя всех этих слов. По правде говоря, я никогда не верил в этот ответ. Мне он всегда казался довольно бессмысленным, хотя мне сложно было сказать почему.

Вспышка молнии на мгновение озарила наш класс, но для меня этого было достаточно, чтобы словно впервые увидеть лица своих студентов, достаточно, чтобы почувствовать стыд. Я отвечал на этот животрепещущий

вопрос так, что это ничего не давало им *практически*, а лишь создавало видимость ответа. Я их водил по кругу своими пустыми словами и академическими абстракциями, и делал это потому, что сам толком не знал, *как* ответить на этот вопрос. Я давал им какие-то клише, невзирая на их затёртость временем и традицией. Но в их внимательных, устремленных на меня взглядах читалось ожидание моего *собственного* ответа.

Но *каким* был этот ответ? Ответ возник внезапно подобно другой вспышке молнии, в тот момент словно озарившей всю мою дальнейшую работу преподавателя идей. Этот ответ, насколько мне видится, предлагает настоящую подготовку для сознательной жизни.

Я стоял у доски лицом к студентам. Я положив мел и слегка прислонился к доске. Мне казалось, что вопрос об истинном учителе уже давно витал в воздухе, хотя озвучен был только сейчас Тимоти

Грэттином, своенравным старшеклассником, который в течение всего семестра одновременно раздражал и радовал меня своим нежеланием участвовать в обсуждениях.

Казалось, прошло уже довольно много времени, а я всё медлил с ответом. Ничто не приходило мне в голову. Но что в этой ситуации было совершенно новым для меня — у меня не было никакой паники. Я не тужился отыскать нужные слова, мысли, цитаты. Не знаю, как это выглядело со стороны, но внутренне моя голова совершенно опустошилась от мыслей. И это ощущение пустоты было подобно дару. Я принимал этот дар, и в этом заключается главная моя мысль: *я получал этот дар благодаря им*. Наконец-то, я осознал, что находился в этическом поле коллективного мышления. Я безоговорочно признал своё собственное невежество и сердцем, и умом. И нисколько не сомневался в том, что по отношению к своим студентам вёл себя

правильно.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОПРОСА

"Я не знаю, как ответить на этот вопрос" — сказал я. — Давайте поразмышляем вместе".

Так прозвучали мои слова, но затем я попытался позволить этому вопросу "проникнуть" в самую глубину моего существа.

Я продолжил: "Все эти качества истинного учителя, разумеется, могут быть симитированы. Каждый может сказать, что он уполномочен; каждый может заявить, что он божественный посланник; каждый может прикинуться умиротворённым и сострадательным, по крайней мере, в какой-то степени и до определённой поры".

Все глаза впились в меня.

"Что же нам делать? — сказал я. "Что мы должны делать? Мы нуждаемся в помощи и подлинном руководстве, но не хотим остаться в дураках. Мы хотим быть

открытыми, но без излишней доверчивости. Хотим оценивать критично, но без цинизма".

И внезапно я *ощутил* этот вопрос как свой собственный; я обдумывал и, одновременно, чувствовал его; я нуждался в ответе и ради себя самого, и ради них. Я тоже нуждался в мудрости и руководстве.

Но сейчас другой вопрос громко прозвучал во мне: действительно ли я нуждался в мудрости и руководстве? Насколько сильна была эта потребность во мне или любом из присутствующих здесь студентов? Вопрос об истинности учителя трансформировался в другой: что означает искать мудрость и руководство *по-настоящему*?

Все глаза по-прежнему неотрывно следили за мной.

Всё встало на свои места. Я остановился перед Тимоти. "Все мы задаёмся этим вопросом, — сказал я, отдавая себе отчёт в том, что студенты ловили каждое моё слово. "Но насколько серьёзно мы сами ищем

наставника или мудрость? Настолько ли сильна в нас эта потребность, как мы о том думаем?"

Почему мне раньше не приходило это в голову? Достаточно было лишь заглянуть в себя и там, в тишине, созерцать действие этого вопроса — в мире моих собственных впечатлений и воспоминаний; в мире моих сомнений и несомненностей; и, конечно же, в мире моих ассоциаций и каких-то прошлых озарений. Стоило лишь позволить функциям моей психики, моему уму и чувствам вызвать все необходимые ассоциации с этим вопросом — теперь уже и *моим* вопросом, а не только тех, кто его задал.

Из-за их насущной потребности, а также моего чувства долга перед ними, ложь и лицедейство уже были невозможны с моей стороны. В то же время, это позволило мне бесстрашно признать своё собственное невежество перед лицом такого животрепещущего вопроса. Достаточно было осознать своё единство со студентами,

чтобы моё чувство долга повлияло на содержимое моего ума и моя психика, так сказать, "автоматом" выдала всю нужную информацию.

Если вкратце, мне нужно было не только получить от них вопрос, но также "вобрать" в себя их души — их личности, их глаза и внешность, одновременно отсекая все интеллектуальные "ответы" и чутко внимая тому, как это резонирует с вопросами моего собственного сердца и ума. Я сознательно *выбирал* этот подход в отличие от своей привычной игры в "автоответчик". И разве это не является вопросом этики — этики коллективного мышления? Разве это не приводит к более объективным осознаниям и, что ещё важнее, не служит Добру в моём ближнем? Не становится ли совместное размышление площадкой, на которой сходятся истина и нравственность, или чем-то вроде сцены, где происходит репетиция сознательной жизни?

Однако, я забегаю вперёд.

Я стою перед своими студентами и отвечаю им в состоянии глубокого созерцания. Внезапно мне приходит на ум моё давнишнее соображение об одном важном философском вопросе. Сейчас оно предстаёт в совершенно другом свете. Но это требует некоторого предварительного разъяснения.

ЗРИМЫЙ МИР

Долгие годы, ещё со времён моего юношества, когда я, несколько не по годам, начал увлекаться философией, меня интриговала и, одновременно, ставила в тупик одна мысль, которую можно найти практически во всех великих философских и духовных учениях: человек живёт в иллюзорном или *зримом* мире. Хотя я с уважением относился ко всем великим учителям прошлого, я никак не мог взять в толк, что же они имели в виду под этой зримостью мира, мира, в котором я живу. Разве этот стакан в моей руке иллюзорен?

Возможно, я не так много знал об этом стакане, вероятно, мне не хватало научных или каких-то иных сведений, но это никак не было иллюзией в обычном понимании этого слова. Этот стакан, как бы мало я о нём ни знал, настолько же реален, как и этот карандаш, тот дом, тот человек, моя зубная боль, мои родители, это солнце и серп луны, эта данность смерти...

Однако, столь многие мудрецы прошлого говорили о нашем мире просто как о пелене, заслоняющей от нас истинную реальность. Они также утверждали, что никакие знания, никакие великие научные теории не могут нас хоть как-то приблизить к этому истинному миру, недоступному пяти органам чувств. В отношении же способов проникновения в этот мир, они всегда были, к моему огромному недовольству, довольно туманны и часто догматично "метафизичны".

Хотя мне никогда не удавалось понять эту идею, она не уходила у меня из головы. С другой стороны, мне претили умствования

многих современных философов и писателей, которые просто отмахнулись от этой проблемы. Их утверждения сводятся к тому, что поскольку нет опыта (по крайней мере, ни у одного из них этого опыта не было точно) этого пресловутого реального мира за покровом иллюзий, то единственно здоровое, почётное и мужественное решение — это полностью сосредоточиться на жизни в мире, который мы непосредственно видим и осязаем, объявив его *единственно* реальным. Все идеи о другой реальности, если дальше следовать этой логике, есть просто результат аберрации сознания или эскапизма, или какого-то косноязычия.

После этого многолетнего блуждания в догадках, мне, наконец, представился случай разрешить эту дилемму. И снова это произошло во время лекции: уже другая студентка, но тоже себе на уме, черноглазая молодая девушка с ангельским именем (то ли Анжелика, то ли Селестина) и инфернальной хрипотцой в голосе,

настойчиво повторяла один и то же вопрос, который я сам никак не мог разрешить. Так вышло, что всего час до того на другой лекции я обсуждал ещё одну фундаментальную идею древних традиций, а именно: наше обычное восприятие себя, то, что мы называем своей личностью, не является нашей подлинным "я". К примеру, согласно индийской философии, внутри нас сокрыто Божественное "Я"; оно является нашей подлинной тождественностью или "домом" на языке древней мифологии. Лишь соприкасаясь на практике, а не в теории с этим глубинным "Я", человеческие существа способны познать истинный смысл своей жизни и достичь состояния нерушимого покоя, освобождающего от страха смерти и потерь.

На разных языках эта идея проговаривается во всех великих духовных традициях и философских школах — в буддизме, иудейском, христианском и исламском мистицизме, в учении Платона и сочинениях

великих мыслителей стоиков Рима. Эта идея получила распространение практически в каждой культуре, и без преувеличения можно сказать, что, наравне с достаточно развитым представлением о Боге, она являет собой главную человеческую мудрость. По сути, все великие духовные традиции вращаются вокруг неё подобно планетам вокруг солнца.

Я очень хорошо помню, что произошло, когда снова и снова, раз за разом я пытался объяснить идею иллюзорности мира черноглазой студентке. Стоит сказать, что я высоко ценил её ум, хоть и оказался мишенью её настырности. Наконец, как и с вопросом о критериях истинности учителя, мой ум затих, исчерпав все возможные "ответы". Единственным отличием было в том, что тогда я не принял добровольно свою растерянность. Наоборот, я очень переживал из-за своей неспособности ответить на её вопрос и бубнил какие-то первые приходившие на ум слова и фразы,

выдернутые из бесчисленных книг по сравнительному религиоведению и философии — слова и фразы, которые, скорее, на разные лады перефразировали вопрос, чем давали сколь-нибудь внятный ответ. Снова я водил по кругу искреннего студента, вернее, студентку, через вращающуюся дверь своего академизма.

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ВЕЛИКОЙ ИДЕИ

Внезапно, я глубоко осознал и ощутил, чем я занимался на самом деле. Я смотрел на себя как бы со стороны, с несвойственной мне отрешённостью, и в этом новом состоянии моё смятение мгновенно улеглось и уступило место непривычной, тихой смеси живейшего любопытства и искреннего участия, глубочайшего, горько-сладкого соединения радости и грусти — всё это сопровождалось очень интенсивным осознанием моего присутствия в настоящем моменте, я наблюдал за всем происходящим внутри и вокруг себя. Иначе

говоря, в какое-то, довольно-таки растянувшееся мгновение, я испытал состояние "Я есть". И на фоне этого "Я есть" казалось, что вся моя растерянность и суматошные поиски "ответа" происходили с кем-то другим. Они нисколько не затрагивали и не отвлекали меня.

И, внезапно, я осознал, как ответить на ее вопрос, который, как уже было сказано, не давал мне покоя на протяжении многих лет. Это было так очевидно! Почему мне раньше не приходило это в голову? Внезапно, я осознал, что древняя идея о зримом мире, заслоняющем собой мир реальный, была лишь половинкой идеи. И как таковая, она не имела никакого смысла. Без второй ее половинки все "ответы" неизбежно принимали форму раздутых метафизических спекуляций, которые, в свою очередь, легко сводятся на нет позитивистским "реализмом" в том или ином его изводе.

И что же представляла собой эта вторая половинка идеи, словно мозаика

вставляющаяся в другую? Ответ очень прост: как и огромный мир, окружающий нас, человеческое "я" также является неким эфемерным образованием вокруг истинного "Я". *Только благодаря соприкосновению с этим реальным "Я", лежащим под спудом социально обусловленной, поверхностной личности, можно узреть реальность!* Только реальное, глубинное "Я" может воспринимать реальный мир сквозь зримую пелену!

РЕАЛЬНЫЙ МИР ПОСТИГАЕТСЯ ЛИШЬ РЕАЛЬНЫМ "Я"

Итак, наряду с нашими — или моими — мыслями, чувствами и восприятием; под спудом наших личностей-личин, стихийно формируемых воспитанием, образованием, книгами, средствами массовой информации, рекламой, социальным статусом и групповым давлением; вопреки нашему отождествлению с тысячью внешних воздействий, существует другое, наше

подлинное сознание.

Иными словами, наше обычное, обыденное сознание, трагично воспринимаемое нами как единственно реальное и возможное, на самом деле есть нечто временное и искусственное, и его ни в коем случае нельзя считать нашим подлинным "Я".

Можно называть это обычное сознание "эго" или "самостью".

Только реальное или подлинное "Я" имеет право о себе заявить: *"Я есть"*. Именно это реальное "Я" способно интеллектуально и интуитивно постичь идею реального мира за покровом иллюзий. Именно реальное "Я" способно увидеть внешний мир в его истинном свете, понять его и, в конечном итоге, с ним слиться. Удел поверхностного "я" — блуждать по верхам.

ВОПРОС СЕРДЦА КАК НРАВСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Такова — или, по крайней мере, приблизительно такова — половинка великой идеи о мире за пределами зримого мира. Однако (и здесь кроется самый ключевой момент) — *я смог прийти к этому глубокому осознанию лишь подстёгиваемый нравственным долгом*, когда я обязан был дать честный ответ на животрепещущий вопрос искренней, серьезной студентки.

Несомненно, это была фундаментально нравственная, этическая "транзакция". Это было одновременно деятельностью ума и его интеллектуальной жертвой, когда он по-настоящему откликнувшись на нужду другого. Этот краткий миг *совместного размышления* вызвал нравственный отклик в *обоих* умах. В этом смысле, это стало *промежуточной нравственностью* между этическим действием по отношению к своему ближнему и личным отношением к

своему собственному, привычному "я".

Прежде чем рассказать об этом (по крайней мере, лично для меня) глубоко откровении, нужно принять во внимание ещё один плод совместного размышления. Это плод — исключительно важен для нравственного развития.

Этот плод должен был получить наш "одноногий" юноша по благословию великого Гиллея; этот плод озаряет метод — если это можно назвать методом — сократовских бесед; только этот плод по-настоящему объясняет тот факт, что для большинства из нас дорога к нравственности начинается с интеллектуального понимания великих идей.

Дело в том, что принимая и претерпевая свою полную неспособность ответить на искренний вопрос другого; признавая никчемность своих собственных "ответов" и страдая от этого; наконец, рискуя потерпеть неудачу в глазах своего собственного невежественного ума, мы можем найти

ответ, прийти к осознанию, позволить родиться мысли, которая, одновременно, будет глубоко прочувствована сердцем и осознана умом!

Иначе говоря, в какой-то степени, но достаточной для того, чтобы возлагать на это смелые упования и придавать этому огромное значение, идеи ума сливаются с интуицией и энергией сердца. В какой-то степени, *человек чувствует, что он знает.*

Значение этого, каким бы оно ни показалось нам пустячным, сложно переоценить. И вот почему: когда мы *чувствуем* своё знание, появляется хоть какой-то шанс поступать в соответствии с ним. В противном случае, мы не способны делать то, что, как мы полагаем, обязаны делать, ибо ещё не достигли внутренней целостности.

ИСТИННЫЙ УЧИТЕЛЬ И ИСТИННЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Мы снова переносимся к Тимоти Грэттину и его вопросу о том, как распознать истинного

духовного учителя. Всё чаще сверкают молнии под аккомпанемент громовых раскатов. За окном непрерывно барабанит дождь. По оконным стеклам стекают размашистые водяные струи.

Я тихонько расположился у своего учительского стола в поисках ответа на вопрос Тимоти. Внутренне перебрав все варианты и отказавшись от них, я намеренно продлеваю тишину. Меня совсем не страшит, что студенты могут увидеть растерянность своего "умудрённого" профессора. Меня наполняет уникальное ощущение свободы. Прошло уже немало секунд; минута, две минуты. Раскаты грома, кажется, стали только сильнее, ещё более подчеркивая тишину. Я ясно осознаю, что весь класс, все двенадцать юношей и девушек, усевшихся полукругом, в какой-то степени разделяют со мной эту тишину и покой.

Если бы я просто завершил лекцию, никто бы не был разочарован. Будь я сам

духовным учителем, возможно, именно так бы я и поступил, позволяя этому вопросу как следует "настояться" у них внутри. Но сомной что-то происходило; это было подобно акту веры. Где-то в своём уме и сердце я постепенно наполнялся верой в возможность принимать собственное невежество и, одновременно, держать честный ответ перед другим человеческим существом, удовлетворяя тем самым его насущную интеллектуальную потребность. И сейчас верить в это было совсем несложно; не нужно было бороться с какими-то искушениями; никакие новые "ответы" не выныривали из моей профессорской памяти. Я словно говорил самому себе или, если быть более точным, из своей тишины: "Такие дела. Я не знаю, что ответить. Но я *должен* узнать". Никогда прежде я не чувствовал такую осознанность, как будто меня отовсюду подстерегали опасности, и, одновременно, расслабление, словно я был полностью застрахован от каких-либо неудач и потерь.

Наконец, я ответил, и этот ответ может показаться довольно уклончивым. Но, по правде говоря, даже сейчас, по прошествии многих лет, мне это кажется единственно честной и дельной попыткой ответа, конечно же, если сам вопрос изначально был задан искренне.

Я спросил у Тимоти: "А как именно ты ищешь?"

Класс смотрел на меня выжидающе.

Я продолжил, проговаривая мысли ровно так, как они мне ложились на ум:

"Мы хотим узнать, как нам распознать истинного учителя, но никогда не задаем себе вопрос — как именно мы ищем духовного наставника, как именно мы пытаемся найти истину? Что, если мы способны распознать настоящего учителя лишь тогда, когда насущная потребность переполняет всё наше существо и обостряет наше восприятие? Голодный ищет еду не так, как это делает сытый. Необходимость

мобилизует интеллект.

Мы говорим, что мы ищем. Это великая вещь — поиск истины. Но что мы в реальности делаем? Мы читаем книги — изредка, когда нам того хочется, или, что тоже нечасто, слушаем какие-то лекции. А так, мы вполне можем жить день за днём даже без тени этого вопроса, без тени необходимости в чём-то более глубоком, для чего мы далеко не всегда можем найти подходящие слова. В этом смысле, мы лишь льстим себе, утверждая, что ищем истину. Это не так. Мы её ищем *иногда, от случая к случаю*, в зависимости от настроения или в какие-то редкие моменты, когда нам действительно об этом что-то напоминает, будь то чья-то смерть, вопиющая несправедливость, личная утрата или купол звёздного неба над головой. Но когда эти моменты проходят, наш "поиск" улетучивается вместе с ними. Будет не совсем мудро и честно называть подобный беспорядочный процесс *поиском*.

Как истинное "Я" способно увидеть реальный мир за покровом иллюзий, так и истинный искатель способен распознать подлинного учителя".

"Устраивает ли тебя ответ?" — спросил я Тимоти. И затем я повернулся к остальным студентам. Они пристально на меня смотрели, хотя мне сложно было сказать, что они при этом думали и чувствовали. Но что сразу было заметно: хотя все они были очень сосредоточены, в них не было какого-либо волнения или возбуждения. Их взгляды не блуждали по потолку, что обычно указывало на обдумывание контраргументов или уточняющих вопросов.

Я продолжил: "Представьте заключенного в тюрьме. Ничто так для него не важно, как возможность оттуда сбежать. Эта потребность всегда при нём, чем бы он ни занимался; она живёт в его уме подобно голодному зверю. Кто-то приходит к этому заключенному с планом побега или он сам слышит от кого-то об этом плане. Он

выслушивает всех. Он открыт ко всем. Он оценивает все предложения с величайшей внимательностью. Он изучает пришедших к нему людей. Кто они? Насколько надёжны? Может, они просто сумасшедшие? Могут ли они себя контролировать? Или же дрогнут при первой опасности? Разумен ли план? Всё ли он учитывает, в том числе, неизбежные пертурбации и опасные сюрпризы? Или же они просто выдают желаемое за действительное? Может, всё это просто фикция, полагание на случай?

Порой, он сразу видит, чего стоят эти планы. В отношении же других планов он сомневается, не принимает и не отвергает их — в конце концов, на кону стоит его собственная жизнь. Его потребность позволяет ему быть одновременно открытым и скептическим. Его потребность настолько велика, что делает его хладнокровным и терпеливым, но при первой необходимости она мгновенно его мобилизует".

Внезапно я осознал, что меня немного "несёт", что я чересчур увлекся своей метафорой в ущерб первоначальной мысли. Я замолчал и усилием воли, сквозь поток мыслей, направил внимание вовнутрь. Ощущение тишины, до этого ушедшее куда-то на задний план, снова вернулось со звуками бури. С ними вернулась и непонятная вера. Но вера во что? Уж точно не в мой уже полностью истощенный ум. Я понимал, что должен был говорить лучше, мыслить лучше, дать нечто большее своим студентам, но был ли я на это способен?

Может, все эти идеи об этическом мышлении были просто плодом моего воображения? В моей голове больше не осталось слов. Может, всё это время я обманывал себя? Моя новая вера поколебалась. Я приуныл, и моё уныние говорило мне: "Послушай, всё это не так уж важно, ты слишком много придаёшь этому значения. Чего ты ожидаешь? Это всего лишь лекционная комната. То, что ты уже

сказал, и так вполне разумно. Брось ты это всё!"

Несмотря на это, моя внутренняя потребность говорить всё нарастала. Я знал, что уже сказанных слов было недостаточно. Но откуда мог взяться "трамплин" для следующего прыжка?

РАЗНОВИДНОСТЬ ЛЮБВИ

Ответ не заставил себя долго ждать и, разумеется, *он пришёл не от меня*. Он пришел от *них*, от студентов, от другой стороны этической "транзакции". Как я мог об этом забыть? Как я мог увлечься своими речами настолько, что не оставил места для других, для своих "ближних"!

Радостный, я чуть не рассмеялся от этой мысли.

Уже не Тимоти, а другая ученица, Адриана Вотерс, изумительная девушка с кристально голубыми глазами и высоким, подобным белому парусу, лбом, просто сказала:

"Предположим, мы не ощущаем эту потребность. Скажем, она слишком глубоко у нас внутри. Что нам делать? Вопрос остаётся всё тот же — как мы узнаем, что учителю можно доверять?"

Я выслушал ответ и, спустя мгновение, начал расхаживать по классу. Затем остановился.

Единственное, что я почувствовал — это веру, что разумные ответы приходят не сами по себе и уж точно не по моей указке, а лишь благодаря истинной, насущной потребности. Вернулась моя вера — вера во внимательность, а не в слова и концепции.

Мне предстояло узнать о том, что впоследствии было испытано множество раз: лишь когда мы стоим перед этической дилеммой, когда мы исчерпываем все свои этические ресурсы, в нас зарождается подлинная сознательность и мы выбираем правильное действие — в данном случае, правильную мысль:

— Давай будем дальше отталкиваться от

этого, — сказал я ей.

— Что вы имеете в виду? — ответила она.

— Я хочу сказать, можешь ли ты, можем ли мы исходить из того, что имеем на данный момент? А имеем мы следующее.

Предположим, есть некто, предлагающий или, по крайней мере, делающий вид, что предлагает, духовное учение, мудрость, *путь*, называй это, как угодно. Скажем, я очень заинтересовался этой личностью; допустим, в нём или в ней есть нечто очень особенное. Но я не уверен — либо в этой личности, либо в самом себе. Я не знаю, является ли эта личность тем, чем она кажется. Я не отказываюсь от своего искания, но также не желаю слепо доверять кому или чему бы то ни было.

— И что же делать?

— В этой своей нерешительности я начинаю остро ощущать своё искательство как потребность. Речь сейчас идёт не только о том или той, в отношении которого или

которой у меня могут быть какие-то сомнения, но сам я превратился в сплошной знак вопроса. Мою потребность, возможно, нельзя ставить в один ряд с великой жадой, которая бы стимулировала мой интеллект и позволила принять верное решение. Но всё же и эта потребность имеет какую-то силу и разумное зерно...

Но, предположим, откладывать с решением нельзя, давят какие-то обстоятельства, и это вынуждает меня расставить все точки над "і", вынести некий окончательный "вердикт" личности передо мной.

Однако, если я не буду уклоняться от истины, а истина состоит в том, что я не знаю, могу ли я доверять этому человеку и настолько ли сильна ли моя жажда, чтобы обострились все мои инстинкты — если я нахожусь в таком состоянии, что из этого следует?

Адриана ответила необычайно расслабленно:

— Мне кажется, я поняла, куда вы клоните.

Я продолжил:

— Значит, ты хочешь оценить качество мужчины или женщины, человека, который может быть, а может и не быть духовным светочем. Ты хочешь знать, но твоё искательство недостаточно велико; в тебе нет обострённой интуиции подлинного искателя. В то же время, в тебе есть некая неудовлетворённость, хотя по привычке ты можешь в любой момент просто отказаться от своих поисков. Что тогда произойдёт у тебя внутри?

Весь класс позволяет идти этому странному диалогу. Никто нас не перебивает, даже задира Тимоти Грэттин.

В общем, это действительно уникальный диалог. Его нельзя назвать академическим, но он и не совсем выходит за академические рамки

В действительности, Адрианна и я *размышляем вместе.*

К нам приходят одни и те же мысли. Я задал ей вопрос, на который сам искренне не знал ответа. Это было вопросом, обращённым к *нам*, а не к ней. К нам, к нам двоим, поддерживаемым благожелательным вниманием одиннадцати других студентов.

И её ответ, одновременно возникший и в моей голове, прозвучал так:

— Мне кажется... я буду просто выжидать. Мне не нужно сразу же принимать решение. Я буду дальше общаться с этим человеком, наблюдать за ним, делать какие-то выводы. *Я не обязана решать сразу!*

Я кивнул — не ей, нам обоим.

— И что дальше?

— Мой Бог! — воскликнула она и замолчала.

Какое открытие она сделала? Теперь наступила моя очередь теряться в догадках.

— Что? — спросил я, — что такое?

— Боже мой! — повторила она и затем продолжила, — теперь мне уже намного

интереснее, насколько открыт мой ум, а не то, что кто-то является истинным или ложным учителем!"

Длинная пауза. Звуки дождя. Тишина.

Конечно — я не сказал это, а почувствовал — *вот и ответ*. Наш диалог подвел её и нас к вере в ум, вере в разумность. Был задан настоящий вопрос — не просто переливание из пустого в порожнее, а нечто, что рождается изнутри и разделяется двумя человеческими существами. Это было нечто вроде любви. Разновидностью любви. Творчеством.

Вот в чём заключался секрет Сократа!

ГНОСЕОЛОГИЯ

Журналист ВВС: А сейчас Вы верите в Бога?

Юнг: Сейчас?... Сложно ответить. Мне не нужно верить. Я знаю.

Без длинных предисловий, предлагаю читателям сразу три своих эссе, которые зададут тон для всего этого раздела:

Нить паука настолько прочна, что если её сплести в канат толщиной с карандаш, то он удержал бы стартующий танк или взлетающий Боинг...

По преданию, когда Мухаммад — тогда ещё не совсем Пророк — начал слышать голоса без явного, зримого их источника, и видеть то, что для обычных смертных скрывалось завесой из пяти чувств, его это привело в замешательство, он не знал, было ли это благоволением Аллаха или кознями шайтана. В частности, ему то и дело являлся ангел, если верить последнему — от Самого́.

Хадиджа, супруга Мухаммада, нашла, как ей показалось, верный способ разрешить его сомнения и попросила его сообщить ей, когда ангел явится в следующий раз. Тот не заставил себя долго ждать — он возник, когда супруги лежали вместе, укрытые одеялом. Мухаммад сказал об ангеле супруге, и та резко отбросила одеяло, обнаружив свою наготу. Ангел исчез.

В виду целомудренности ангела они сделали вывод, что он был божественным посланником — а как иначе? — и это внесло если не окончательное, то достаточно глубокое умиротворение в душу Пророка.

К слову, погонщик караванов Мухаммад ещё задолго до того, как женился на Хадидже, славился своей исключительной порядочностью.

***

Как, по каким признакам люди узнавали, что бывший принц, а ныне странствующий монах Гаутама, был буддой, просветлённым? Вероятно, Герман Гессе достаточно точно это уловил в своём "Сиддхартхе":

Сиддхартха увидел его и тотчас узнал, словно кто-то из богов сделал ему знак. Он увидел скромного человека в шафранно-желтой одежде, который шел по дороге с чашей для подаянья в руках. Смотри! – тихо молвил Сиддхартха Говинде. – Вот он и есть Будда. Внимательно посмотрел Говинда на

монаха в желтой одежде, который как будто бы ничем не отличался от сотен других монахов. И скоро Говинда тоже понял: да, это он. И оба пошли следом, наблюдая за ним.

Будда шагал своей дорогой, неприметный, погруженный в свои мысли, безмятежное лицо его не было ни радостно, ни печально, он как бы тихонько улыбался про себя. С затаенной улыбкой, безмятежный, спокойный, чем-то похожий на пышущего здоровьем ребенка, Будда и двигался, и носил свое одеянье, и ступал в точности как все монахи, в точности как предписано. Однако его лицо, и поступь, и безмятежно устремленный долу взор, и безмятежно опущенная рука, и даже любой из пальцев его безмятежно опущенной руки говорили об умиротворенности, говорили о совершенстве – он никому не подражал, никого не искал, мирно дышал

невозмутимым покоем, неугасимым
светом, высочайшей
умиротворенностью.

***

Порядочность. Ангельская
целомудренность. Умиротворённость.
Естественность. На каких паутинках
держатся мировые традиции.

~ ~ ~

Вера как таковая и религиозная в частности
нередко противопоставляется
интеллектуальному познанию мира. На мой
взгляд, главная причина этого кроется в
следующем: если рассматривать веру как
форму фундаментального стремления "не
быть", а ум — как выражение не менее
фундаментального "быть", то небытие, т. е.
растворение личности в ком- или чём-либо,
в частности, в религиозной вере,

предполагает намного меньше внутренних усилий, чем "весёлая наука дорогого бытия". Однако, коль скоро оба этих стремления заложены в человеческую психику, значит для чего-то это нужно ("ведь если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно"), и даже возможна их гармоничный союз. Скажем, "доверяй, но проверяй" будет примером такого союза.

В то же время, религия практически всегда держится на каких-то догматах, т. е. "несущих конструкция", не предполагающих никакого "проверяй" (буддизм здесь стоит особняком, поскольку в чистом виде является не столько религией, сколько практикой изучения своего ума и психических состояний).

Допустим, условные догматы — "хорошие", т. е. отражают истинное положение вещей, и тогда перемалывание их в жерновах ума действительно будет чем-то излишним, если не сказать — вредительским. Однако, ум может здесь возразить: "При всём уважении,

как узнать, что такой-то догмат или иной момент религиозного учения — истинен, особенно учитывая многообразие учений и некоторые их положения, что противоречат здравому смыслу и объективным научным данным?"

Если просто попытаться заткнуть уму рот, а не "насытить" его мало-мальски достойной пищей, его сомнения будут только усиливаться, а изначальное уважительное отношение может смениться неприязнью, вплоть до презрения. Разумно ли с таким настроением подходить к чему-то, потенциально содержащему важнейшие ответы на вопросы жизни? Думаю, ответ очевиден.

Здесь нужно сказать, что конечным критерием проверки того или иного учения (речь идёт, в первую очередь, о религиях, ставших мировыми) всегда ставилось духовное преображение его последователей, т. е. их причастие к духу, или Духу, стоявшему за основоположником,

нежели просто вера в те или иные теологические, космологические или философские моменты. Иными словами, во что бы, в конечном итоге, ни "мутировали" религии, они закладывались с принципом "доверяй, но проверяй", и хотя бы уже это должно мобилизовывать интеллект последователей, а не только удовлетворять их потребность в вере или, если угодно, стремлении к небытию.

Общая же тенденция развития любой религии такова: чем дальше от первоисточника, тем больше крен в сторону веры-небытия. Если взять, к примеру, христианство, тертуллиановское "Верую, ибо абсурдно" явно перетягивает канат в сторону веры. Этот девиз отдельного христианина с красивым для русского уха именем, конечно же, нельзя назвать репрезентативным. Однако, если заменить "ибо абсурдно" на "ибо верую", в общем, "Верую, ибо верую" отразит состояние души у подавляющего большинства христиан,

равно как и мусульман, буддистов и т. д. Были ли у основателей религий более высокие ожидания от своих "подопечных"? Наверное, не стоит этого исключать.

Тертуллиану — тертуллианово. Лично мне хотелось бы более подробно остановиться на христианстве и показать, что в его корневую структуру изначально "прошит" союз веры и ума без крена в ту или иную сторону, и из лона этой традиции, в идеале, должны выходить скорее мудрецы, чем наоборот.

Среди изречений Христа есть следующее: "Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби". Если понимать мудрость как умение различать между добром и злом, правильным и неправильным, правдой и ложью, видеть подлинные причинно-следственные связи и сообразно всему этому поступать, то здесь предполагается немалая работа мысли. Под голубиной же простотой угадывается инстинктивность или интуитивность, т. е. некая непосредственная

чувственность, становящаяся подспорьем для ума в его синтезах и расчленениях.

Можно ли считать веру одним из лучиков в общем "букете" чувственности? Вполне. Есть ли повод разделять веру и интуицию? Есть. Далее буду говорить скорее о союзе ума и чувственности, выделяя веру лишь в каких-то особых, требующих того случаях.

На гармоничное сосуществование ума и чувственности также указует одна из заповедей блаженства, а именно "Блаженны жаждущие и алчущие правды, ибо они насытятся". Само стремление к правде или истине в самом широком и глубоком смысле имеет как когнитивный аспект (можно это назвать интеллектуальной честностью), так и чувственный, т. е. желание докопаться до самых глубин. Вряд ли погрешу против истины, что и "насыщение" истиной должно происходить двуедино — когнитивно (интеллектуально) и чувственно, а не, скажем, просто одной декламацией Символа веры. К слову сказать, лично мой

ум "раздробил" чувственность, как минимум, уже на три составляющие, а именно веру, интуицию и желание.

Говорит ли что-то Христос о "методологии" поиска истины? "Пусть будет ваше "да, да", "нет, нет". Остальное — от лукавого" заслуживает здесь особого внимания. Под "да, да" и "нет, нет" здесь подразумевается твёрдое, принципиальное отношение к самым важным вопросам жизни, скажем, есть ли Бог или нет (в самой Библии, конечно, этот вопрос не стоит), исходит ли такое-то учение от Бога (если Он есть) и т. д. Самых важных, фундаментальных вопросов не может быть очень много и они требуют предельной ясности, без полутонов. Если даже в таких "светских" прикладных занятиях как программирование в базовой ячейке может быть только единица или ноль (иначе программу написать нельзя), что уже говорить о вопросах жизни и смерти, когда на кон ставится целая судьба, в т. ч. посмертная? Аккуратность должна быть

предельной, а лучше — запредельной.

Перед тем, как достичь этой предельной (или запредельной) ясности, однако, должен быть сформулирован вопрос, намечена сфера поиска, предложены критерии его успешности или неуспешности и проведены тщательные изыскания, которые позволили бы подтвердить либо опровергнуть искомое. В этом свете, евангельское "да, да" и "нет, нет" будет ничем иным, как своего рода принципом фальсифицируемости ещё за две тысячи лет до Карла Поппера.

В контексте христианства, это может выглядеть примерно так: "Бог есть и Он есть любовь, поскольку можно испытать эту любовь на себе благодаря добросовестному исполнению христианских заповедей. Если это не приводит к любви, стало быть Бога — нет". Конечно, это не гипотеза в строгом научном смысле, но, по крайней мере, здесь есть какая-то наукообразность, удовлетворяющая ум.

Если подытожить: для получения ясного

ответа, должен быть чётко поставленный вопрос, структурность и систематичность изысканий, а также практические действия и их плоды (либо отсутствие таковых).

Конечно же, подобный подход не является единственно возможным, особенно если учесть, что "Дух дышит, где хочет", но в общем и целом Дух (если Он есть) ожидает примерно такой серьёзности и основательности от людей.

Каковы могут быть последствия нежелания или неумения чётко сформулировать вопрос и проверить его "огнём реальности"? Ответ явствует из означенного евангельского принципа, которое не грех повторить ещё раз: "Пусть будет ваше "да, да", "нет, нет". Остальное — от лукавого". т. е. без твёрдого "да" или твёрдого "нет" человек как бы оказывается в сумеречной зоне, где неизбежно в той или иной форме попадает лукавому на крючок (если, конечно, исходить из того, что он — есть).

Несколько под другим углом об этом

говорит уже не евангельский, а апокалиптический Христос: "Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих". Если под "холодным" здесь понимать человека, давшего Богу твёрдое "нет", т. е. атеиста, как раз благодаря этой твёрдости он может оказаться к Нему ближе, чем ни рыбный, ни мясной, ни горячий, ни холодный растеряшка из сумеречной зоны.

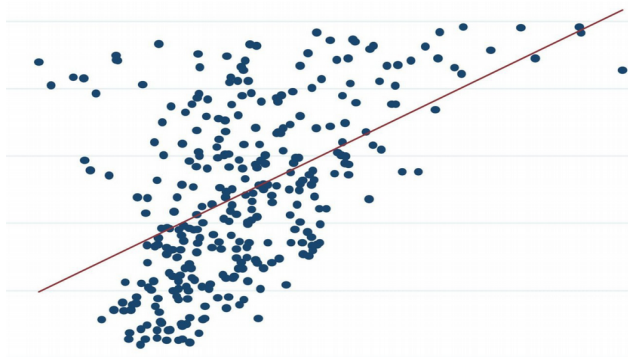
Здесь, конечно, предполагается, что атеист имеет какую-то более-менее стройную систему взглядов, потенциально способную отреагировать на весомый довод, вплоть до полного переворачивания в сторону теизма. Кроме того, в искреннем атеизме есть честность и смелость, что, вероятно, вызывает у Бога большее уважение, чем трусливая агностическая размазня. По крайней мере, в христианстве (и не только в нём) есть примеры того, как истовые безбожники становились святыми, но лично

я не знаю ни одного примера, когда бы "нирыбонимясо" обрело святость.

Быть или не быть? Если вкратце: и то, и другое.

~ ~ ~

Среди математических премудростей есть такая диаграмма рассеивания: во множестве точек нужно просчитать общую линейную заданность – нисходящую или восходящую, либо, за неимением таковой, признать – с облегчением ли, разочарованием, или же ровным чувством – царящий там хаос:

Юнг говорил, что настоящая жизнь начинается после сорока; до этого – лишь исследование. Сократу приписывается следующая фраза: "Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы её жить".

Что между всем этим общего?

Жизнь можно визуализировать как своего рода диаграмму рассеивания, в которой ум вычерчивает смыслы. Вначале "точек" как бы немного и ничего особо мудрёного нет: вот мои родители, я их люблю и почитаю; вот мои друзья, я с ними дружу; вот мои недруги, чтоб им пусто было; вот зубная паста и щётка, утром и вечером надо применить.

Но по мере взросления, набирания опыта и расширения ментальных горизонтов – того, что Юнг назвал "исследованием" – "точек" становится на порядок больше и их нужно соединять в уже более сложные "созвездия", в идеале отражающие, а не искажающие, действительность. Т.е исследование должно проводиться в

сократовском духе – с открытостью и честностью ума. Почему?

Скажем, одна из ключевых "точек" – вопрос о существовании Бога. Близко с ней связанная – посмертная участь души или, если угодно, сознания. Если прочертить с ними "созвездия" наспех, легкомысленно, то такие "люди-попрыгунчики" могут столкнуться с довольно... неприятными сюрпризами, если не при жизни, то встретившись со смертью. Как там у Паскаля: "Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю. Но если Бог есть, а я в Него не верю – я теряю всё". Здесь же вполне применима и китайская мудрость: самый благородный путь – путь разума; самый горький – путь опыта.

Что такое по сути постмодернизм с точки зрения диаграммы рассеивания? Нет никакой общей для всех направленности, каждый ловит в общем хаосе точек свои смыслы. Этаким философски прилизанным взгляд взбалмошного подростка. Важное

"но": если не возводить хаос в абсолют, а использовать его как инструмент прощупывания непригодных "слепок реальности" с последующим их отсеиванием, то это вполне в сократовском духе. Если угодно – юнгианском.

Допустим, во множестве "точек" прочерчиваются некие универсальные направленности, читай истины. Что, если сознание отказывается от открытого, честного взгляда на все имеющиеся точки, т. е. идёт какое-то насильственное сужение фокуса внимания в угоду неким преференциям? Для этого имеется, к слову сказать, целый арсенал методов психологической защиты. Возвращаясь к Юнгу, он имел достаточно богатый психиатрический и психотерапевтический опыт, чтобы убедиться в пагубности насильственного сужения сознания в ущерб некой целостности. Корни практически всех неврозов, равно как и их нелюбезных "выплесков" в жизнь – оттуда.

Идеальный сценарий: не только признаётся вся тьма "точек", но и вырисовываются – более-менее без искажений – универсальные и сообразные им "локальные" смыслы. Что для этого нужно? Ну да, уже упомянутая открытость и честность ума, но ещё и... удача, оказия, благоволение, исходящие из "межточечного пространства", которое расставляет все акценты не только вообще, но и во всяком дне. Это жизнь как бы между полной ясностью, в первую очередь, в отношении универсальных истин, и полным туманом. Слово Лао Цзы:

*Повседневный мир людей ясен и
очевиден;
один лишь я живу в мире смутном,
подобном вечерним сумеркам.
Повседневный мир людей расписан до
мелочей;
один лишь я живу в мире непонятном и
загадочном.*

Жизнь – это задача. Да поможет нам Дао!

~ ~ ~

Что позволяет человеку не быть "тюхой" в гносеологическом смысле? Иными словами, что даёт нам ощущение, что мы действительно что-то знаем, что когнитивно, эмоционально и физиологически мы вкладываемся не в какой-нибудь условный "дом паука", а в нечто-то подлинное? Откуда Юнг *знал* о существовании Бога? Что убедило Нидлмана, что *совместное* размышление приводит к более глубоким ответам, нежели самостоятельное, и как с этим всем увязывается высшее "Я"? Что позволило Даниилу Андрееву не отместить свои духовные переживания как галлюцинации и бред, а написать на их основе целую книгу и считать её самым главным трудом своей жизни? Что дало Шри Рамане Махарши ощутить своё слияние с высшим "Я"?

По крайней мере, всех их объединяет то, что их самые поворотные, значимые духовные переживания *происходили* с ними, а не вызывались неким волевым усилием, читай *жгутом*, а содержание этих опытов и их эмоциональная окраска при этом были возвышенными, насыщенными, глубокими, экстраординарными, т. е. не имеющими аналогов в повседневности.

Двенадцатилетний Юнг, к слову сказать, попытался подавить ужасающее его духовного видение. В конечном итоге, обессиленный, он собрал всё своё мужество и позволил ему проявиться:

Перед моим взором возник кафедральный собор и голубое небо. Высоко над миром, на своём золотом троне, сидит Бог — и из-под трона на сверкающую новую крышу собора падает кусок кала и пробивает её. Всё рушится, стены собора разламываются на куски.

Вот в чём дело! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо

ожидаемого проклятия на меня снизошла благодать, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал. Я плакал от счастья и благодарности. Мудрость и доброта Бога открылись мне сейчас, когда я подчинился Его неумолимой воле. Казалось, что я испытал просветление, понял многое, чего не понимал раньше, понял то, чего так и не понял мой отец, — волю Бога. Он сопротивлялся ей из лучших побуждений, из глубочайшей веры. Поэтому мой отец так никогда и не пережил чуда благодати, чуда, которое всех исцеляет и делает все понятным. Он принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который возвышается, свободный и всемогущий, и над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободными. Бог, ради исполнения Своей воли, может заставить отца отринуть все свои взгляды и убеждения. Испытывая

человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священны они ни были. В своём всемогуществе Он позаботится, чтобы эти испытания не причинили настоящего зла. Если человек исполняет волю Бога, он может быть уверен, что выбрал правильный путь.

~ ~ ~

Как уже говорилось, *луна* в созерцательном "я" занимает нишу чувственного опыта, эмоций и памяти, тогда как *солнце* выражается в виде форм, идей и принципов, т. е. расчленения физического и психического континуума на составные части и причинно-следственные связи. Также освещалось и то, что в *Божественном "я"* объединение *солнца* и *луны* будет означать наиболее деликатное и прочное слияние сознательности и чувственности, при котором не возникает даже тени сомнения в своём божественном

достоинстве, иначе говоря — имеет место *осознание без сомнения* или *нирвика́льпа сама́дхи*. Это краеугольное гносеологическое понятие требует некоторого пояснения: с одной стороны, его необходимо демистифицировать, с другой — показать его элитарность.

Начну издалека. Математическому сложению, как правило, начинают учиться на конкретных примерах: было два яблока, добавилось ещё два — сколько стало? *Луна* здесь в виде либо непосредственного переживания, т. е. осязания яблок (*солнце* в этом тоже участвует в виде *узнавания* формы яблока), либо памяти о яблоках, придаёт весомости, конкретности производимой операции, а *солнце* вычленяет сам принцип, который впоследствии отсоединяется от яблок и существует уже как вещь в себе, зачастую забывая об изначальном "яблоке познания". Является ли это знание нирвикальпа самадхи? Иными словами, означает ли "два плюс два равно четыре" какой-то незыблемой скалой, на которую можно внутренне опереться? В

математическом смысле да, но в психологическом это знание не будет тем самым источником глубинного покоя, читай тончайших *витков*, о котором так подробно расписано в первой главе. Если на то пошло, оно не позволит выдержать какие-то жизненные невзгоды и сохранить при этом невозмутимость. Что касается аспекта *нити*, выражающейся в нирвикальпа самадхи как непреходящая ясность сознания, то и здесь не может быть какой-то полной аксиоматичности или несомненности: что, если в каком-то пространственном или временном измерении, в каком-то частном случае два плюс два будет равняться пяти? Даже если это не так, мельчайшая тень сомнения на этот счёт — а она неизбежна — уже будет автоматически означать, что о нирвикальпа самадхи не может быть и речи. Если взять более психологичный пример, известную формулу "Я мыслю, значит существую", то снова она не пройдёт теста нирвикальпа самадхи: в этом осознании нет глубинного покоя с одной стороны, а с другой — его можно оспорить, т. е.

поставить под сомнение, примерно следующим образом: разве перестаёт "я" существовать в состоянии внутренней тишины или *между* мыслями? Сомнение несовместимо с осознанием без сомнения.

Подводя здесь итог: нирвикальпа самадхи есть сугубо внутренний, духовный опыт, с работой памяти и интеллекта связанный лишь опосредованно. Психологически он выражается как сат-чит-ананда, т. е. бытие-внимание-блаженство, высшее "Я", заявляющее о себе так, что любые сомнения от него будут просто отскакивать. Согласно Шри Рамане Махарши, у нирвикальпа самадхи есть стадии, т. е., образно говоря, загоревшийся огонёк может разгореться ещё ярче. Сам же Шри Рамана свой первоначальный опыт нирвикальпы описывает так:

Примерно за шесть недель до того, как я навсегда покинул Мадурай, в моей жизни произошла огромная перемена. Это случилось внезапно. Однажды я сидел один

на втором этаже дядиного дома. Я редко болел, и в тот день был здоров как обычно. Вдруг внезапный и сильный страх смерти овладел мной. Я почувствовал, что умру. Почему мне так показалось, невозможно объяснить никакими ощущениями в теле. Я и не мог объяснить себе это и даже не пытался выяснить, было ли у страха какое-нибудь основание. Я почувствовал: "Я умру", — и тут же стал думать, что делать. Я не собирался советоваться с врачами или старшими и даже с друзьями. Я знал, что сам должен решить эту проблему здесь и сейчас.

Шок смерти сразу же направил моё внимание вовнутрь. Я сказал себе мысленно, т. е. не произнося слова вслух: "Вот пришла смерть. Что это значит? Что умирает? Это тело умирает". И сразу же разыграл сцену смерти: вытянул ноги и руки и сделал их твёрдыми, будто наступило трупное окоченение. Имитировал труп, чтобы придать

реальность моим дальнейшим исследованиям. Я задержал дыхание и сжал губы, чтобы ни звука не вырвалось. "Пусть не будет произнесено ни слово "я", ни какое-нибудь другое слово!" "Итак", — сказал я себе — "это тело мертво. Его отнесут на площадку для кремации и там сожгут дотла. Но со смертью этого тела, умру ли "Я? Является ли это тело "Я"? Это немое и неподвижное тело. Но я чувствую всю силу моей личности и даже звук "Я" внутри, отдельно от тела. Поэтому "Я" — дух, превосходящий тело.

Материальное тело умрёт, но смерть не может коснуться духа, превосходящего его. Поэтому я — бессмертный дух". Всё это был не только интеллектуальный процесс, но вспыхнуло передо мной ярко, как живая истина, как нечто, что я сразу осознал, почти без обсуждения. "Я" было чем-то реальным, единственной реальной вещью в этом состоянии, и вся сознательная деятельность, связанная с моим телом, была сосредоточена на

этом. "Я" или Атман с того времени всегда мощно притягивал к себе и удерживал моё внимание. Страх смерти исчез раз и навсегда. Погружённость в Атман продолжается с того момента до сих пор. Другие мысли могут приходить и уходить, как различные мотивы музыки, но "Я" продолжается как основная нота шрути, которая сопровождает и смешивается со всеми другими нотами. Занято ли тело разговорами, чтением или чем-нибудь ещё, я всегда сосредоточен на "Я". До этого перелома не было ясного восприятия себя, не было прямого видимого интереса к этому, и ещё меньше я ощущал желание постоянно заниматься этим.

~ ~ ~

Если сопоставить опыт двенадцатилетнего Юнга и шестнадцатилетнего Венкатарамана (тогда его ещё не называли Шри Раманой), то переживание "Я" у последнего было всё

же более фундаментальным и интенсивным: Юнгу, скорее, было дано вкусить нирвикальпа самадхи как временный опыт и обещанный потенциал, к которому следовало стремиться, а Венкатараман стал "махарши", т. е. великим мудрецом, буквально в мгновение ока.

Что характерно, в обоих случаях непосредственному опыту "Я" предшествовала работа мысли, т. е. *нити*, сводившаяся к тому, чтобы маленькое "я" достаточно расслабилось и раскрылось подобно оправе для алмаза "Я". По сути, в этом и заключается роль *нити* в общей схеме вещей, а именно максимально удостовериться в Божественности чего-то, в т. ч. какой-то надвигающейся внутренней "лавины", перед тем, как безраздельно этому отдаться. К слову, у Юнга когда-то была возможность повидаться со Шри Раманой, но он предпочёл этого не делать — я им устроил на страницах *Лоций* рандеву.

Есть ли какая-то опытность нирвикальпа самадхи у Джейкоба Нидлмана? По всей

ВИДИМОСТИ — да:

Главная задача человека — стать человеком. Можно сказать, именно в этом больше всего нуждается наш мир. Миру нужны настоящие люди. Да, мы должны делать всё, что в наших силах, да, среди нас, благодарение Богу, есть те, кто способен действовать, делиться с другими, помогать другим. Но как раз потому, что нравственная жизнь человека повсеместно и на протяжении веков оказалась настолько ущербной, мы испытываем такую благодарность к тем, кто способен действовать по-настоящему бескорыстно. Именно это внутреннее состояние, присущее нам и человечеству в целом, то есть редкость добродетели, свидетельствует о нашем неизменном нравственном банкротстве. Именно эта ситуация, именно этот исторический и психологический факт должны нам указать, что подлинная

задача человека — исполнить своё истинное предназначение, то есть стать существом, которое слышит и чтит своё "Я" или Бога, говорящего голосом Совести, ради самого себя и ради своего ближнего. Человека можно определить как существо, способное действовать из внутреннего побуждения — глубоко личностного и, одновременно, отражающего Творца всего Сущего.

Этот внутренний Бог, Совесть или сокровенное "Я" и есть то Высшее, о котором говорится в Традиции: "Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим". Как узнает о том наш "одноногий" юноша, Единый Бог Традиции есть незримая, но всемогущая сила любви, любви, сочетающая в себе в равной степени прощение и суд, милость и строгость, постоянное обновление и "железобетонную" причинно-следственную связь. Эта любовь одновременно всесильна (всемогущий Бог)

и может почти полностью иссякнуть в человеческой жизни — её нужно возжелать и сознательно выбрать, чтобы она смогла себя проявить. "Одноногий" юноша, олицетворяющий нас самих, скоро узнает, что всё занявшее место Совести, всё маскирующееся под Совесть и, таким образом, скрывающее Её от нас — всё это обозначается древним словом "идолопоклонство". "Идол", по сути, это не столько маленькая глиняная статуэтка или вырезанный из дерева или камня образ; идол — это симулякр Совести.

Поэтому, повторяю, важнейшая задача человека — это стать Человеком. А Человек, как нам о том поведано, создан по образу и подобию Божьему. Или, если угодно, истинное человеческое "я" тождественно "Я" — оно же Атман, Брахман, лишённая "я" Природа Будды или плодородный Войд, Тишина, Сострадательный Творец и Неумолимый Разрушитель миров и всевозможных "я".

*Наипервейшая задача человека —
памятовать о своём высшем "Я".*

*Итак, "самое главное". Человек, чей
уровень сознания производил
благотворный эффект на окружающих,
главным образом, укрепляя в них желание
памятовать о своем "Я", находился по ту
сторону массивной двери. В течение всего
дня он встречался с теми, кто нуждался в
руководстве на трудном пути
самопознания. У кого-то в вопросах
прорывались сильные эмоции, связанные с
личными или семейными проблемами,
здоровьем или деньгами. Другие
стремились понять причины их
недостойного поведения в тех или иных
жизненных ситуациях. Кто-то страдал от
неспособности совершать необходимые
духовные усилия из-за разного рода
сомнений. Главным же источником этих
сомнений была мысль, что людям жизнь
дана не только, так сказать, в их личное
пользование, но и для какой-то более*

глобальной цели. То есть это был тот тип искателей, которые соглашались во что-то верить, лишь потрогав или ощутив это в привычном, физическом смысле. Без непосредственного опыта незримой Высоты, идея высшего "Я" могла мотивировать таких людей лишь до определённой точки.

Было множество других вопросов, равно как и типов посетителей.

Всем этим людям этот исключительный человек пытался помочь увидеть, что, в первую очередь, все их социальные, психологические и материальные затруднения происходят из-за нехватки внутренней сознательности. Любая сложность человеческой жизни, включая трагическую неспособность жить в соответствии с подлинными нравственными идеалами, так или иначе связана с тем, что мы реализуем лишь малую толику своего потенциала, тогда как мы созданы для осознания и реализации

своей истинной, высшей природы. Ни счастье, ни безопасность, ни любовь, ни высокое предназначение не способны угнездиться в нашем привычном духовно вялом внутреннем состоянии. Нам, не имеющим реальной связи со своим высшим "Я", неведомо значение и сила подлинного действия, способность желать Добра и быть Добром.

Из этого духовно вялого состояния истекают бесконечные нарушения божественного долга перед своим ближним. Эта духовная бедность порождает извечный человеческий конфликт, разрешимый только вовне в той или иной форме насилия, включая страшное проклятие войны.

Таким образом, все человеческие проблемы, неважно, внутренние или внешние — это признаки и следствия нашего духовного кризиса. И все виды их решения, будь то социальные, экономические, психиатрические, технологические и т. д.,

рано или поздно терпят крах. Причина заключается в том, что эти решения исходят из более низких аспектов человеческой природы, пытающихся выполнять работу более высоких её иерархий. В этом смысле, все "решения" в нашей индивидуальной или общественной жизни суть идолы — симулякры совести, инструменты действия, лишь маскирующиеся действием. Только высшее "Я" способно должным образом распоряжаться деньгами, технологиями, капитализмом, математикой. Это в равной степени относится как ко всему миру, так и каждой отдельно взятой жизни — только высшее "Я" способно совладать с инструментами человека (или "животными" на языке античности): только "Я" способно действительно раскрыть сокровищницы человеческого ума — того самого ума, который превращается в опаснейшее оружие, когда человек низводится до пассивного "психофизического материала". Лишь "Я"

способно распоряжаться нашей драгоценной сексуальностью; заложенной в нас интуицией с её молекулярным восприятием органической жизни; нашей креативностью и артистизмом, способными создавать удивительнейшие творения. Но пока что они орошают наши выжженные жизненные ландшафты не более, чем редкие дожди — какую-нибудь пустыню.

Все приходящие к этому человеку обо всём об этом, конечно же, знали, но им нужна была его помощь, чтобы это знание смогло проникнуть в их сердца. Он помогал каждому осознать, что возможно и должно созерцать свой внутренний разлад посредством беззвучного, тихого внимания, позволяющего высшему "Я" проникать в тело, сердце и ум.

Я тоже об этом знал, дожидаясь своей очереди — встреча откладывалась уже почти на час. Я взглянул на часы и понял, что вряд ли уже получится пообщаться,

учитывая его скорый отлёт на родину. Но меня устроила бы и коротенькая встреча, так что я продолжал ждать, пытаюсь подобрать слова для своего вопроса, нащупать их в себе. У меня были некоторые проблемы в семейной жизни, а также определённые сложности с осознанием своих недостатков.

Внезапно я услышал за дверью скрежет стульев и слова прощания. Внутренне я подготовился войти.

Но перед тем, как успела отвориться дверь, произошло нечто, что стало для меня толчком для совершенно нового восприятия этики.

Должен сказать, что всё это случилось за каких-нибудь несколько секунд, уж точно не больше минуты.

Я всё стоял и пытался не "расплескать" свою внутреннюю собранность, когда, к моему удивлению, другой человек с шумом ворвался в маленький вестибюль, где я

дождался аудиенции. Я хорошо знал этого человека — это был некий Джастин Лендер. Он был членом маленькой группы мужчин и женщин, с которыми мы проводили регулярные встречи и обсуждали вопросы и опыты, связанные с самопознанием. Очевидно, предприимчивый мистер Лендер сам решил назначить встречу с человеком по ту сторону двери. Почему бы и нет? Я рассказал об этом человеке всем, в том числе и ему, но только мистер Лендер проявил инициативу. "Инициатива" или, если быть более точным, "нахрап", была вторым именем Джастина Лендера.

Ему было немногим за сорок, и он уже успел сколотить небольшое состояние, занимаясь продажей недвижимости. Иногда, и всегда это было неожиданно, он наведывался в мой класс и принимал живейшее участие в обсуждениях, совершенно не стесняясь рамками того, что в тот момент обсуждалось. Однако,

несмотря на это в нём совершенно чётко угадывалась жажда познаний, а за его раздражающей назойливостью — деликатное желание быть полезным.

Когда он вломился в вестибюль, моей первой реакцией, после вспышки раздражения, была жалость к нему. Было уже поздно, и он явно не успевал увидеться с человеком, о котором был так много наслышан.

Я начал уже ему объяснять, чтобы он не ждал понапрасну, как вдруг у меня внутри всё стихло.

Я посмотрел на него. Мне не нравился этот человек. Хотя я также не мог сказать, что он был мне как-то особенно неприятен. Скорее, мне он нравился и не нравился в одинаковой степени, и в обоих случаях не было какой-то ярко выраженной эмоции. Через меня струился как бы тихий ветерок, уносящий все мои суждения подобно ласковому утреннему отливу, быстро и бесшумно уносящей в море все

подхваченные им с берега вещи.

Я больше не испытывал к нему жалости. Моё законное право на столь желанную и необходимую мне встречу также оказалось унесённым в это море.

В моём уме не возникло и тени мысли о "жертвенности". Также не было мыслей в том ключе, насколько важно было встретиться мистеру Лендеру с этим мудрым человеком для своего внутреннего развития. Не было абсолютно никакой борьбы с моим эго, потребностями или желаниями: не было никакого расчёта, мобилизации нравственных принципов, сделок со своим умом или эмоциями. Слово или идея "должен" вообще не посетила мой ум. Не было и какого-то особого сострадания к мистеру Лендеру. Не было ощущения "долга".

Всё, что можно сказать о том моём состоянии, то есть о более утончённом и плотном внимании, вошедшем до некоторой степени в моё существо — я

воспринял и освежился универсальным законом. Этот закон, настолько же осязаемый как и закон гравитации, мгновенно, тихо и ненавязчиво воздействовал на мои ум и тело. Этот закон словно гласил: "Он пришел к тебе, ты его принял, а сейчас дай ему пройти первым".

Это было не повелением, а как бы предначертанием. Не я должен был его пропустить, но такова была данность. Я мог его пропустить. Я был в состоянии его пропустить.

Здесь этот закон можно сформулировать примерно так: "Благодаря твоему внутреннему состоянию ты в какой-то степени способен [нравственно] действовать. И если человек способен действовать, по логике вещей он должен вначале позаботиться о благополучии своего ближнего".

Ничего из этого, конечно же, не было проговóрено. Слова — лишь тщетная

попытка как-то описать это внутреннее переживание.

Так или иначе, пока дверь отворялась, я сказал мистеру Лендеру самым будничным тоном: "Я как раз уже собирался уходить".

И когда я уже почти покинул вестибюль, массивная дверь полностью отворилась. Посетительница, неизвестная мне пожилая женщина, тепло пожимала руку человека, с которым я пришел повидаться, а мистер Лендер, приглашенный жестом войти, протискивался между женщиной и дверным проёмом.

Перед тем, как закрылась дверь, я взглянул на человека, ради которого я там находился. В его глазах мелькнуло удивление, и затем я ощутил уже более глубокий и пристальный взгляд — в нём читалось надличностное понимание происходящего у меня внутри. Он закрыл дверь за мистером Лендером. Я же покинул вестибюль и вышел из здания.

Внутри меня была полнейшая тишина!

~ ~ ~

Когда Юнг в первый раз пережил некое подобие нирвикальпа самадхи, он был вписан в контекст протестантизма, Венкатараман — индуизма, а Нидлман, к тому моменту имевший уже некоторую духовную опытность, исследовавший множество религиозных и философских течений и чувствовавший себя довольно вольготно в "межмембранном пространстве", особенно тяготел к иудейскому мистицизму.

А что же ислам или буддизм, можно ли найти примеры нирвикальпа самадхи в этих традициях или в каком-то ином, "межмембранном пространстве"? Если верить непосредственному опыту просветления Будды — можно. Если принять на веру восхождение пророка Мухаммеда на седьмое небо, где он имел "аудиенцию" с Богом — да. И если верить опыту индийского святого Рамакришны (в

изложении Ромена Роллана) — безусловно:

Храм, в котором он служил, часто видел в своих стенах мусульманских факиров.

Хозяйка Дакшинешвара, Рани Расмани, эта разбогатевшая простолюдинка с широкой душой, преисполненной горячей веры,

пожелала, чтобы при храме было

помещение для случайных гостей других

верований. Рамакришна заметил однажды

среди молящихся скромного мусульманина,

Говинда Рая, поглощенного своей

молитвой, и сквозь оболочку

распростёртого тела увидел, что этот

человек путём ислама тоже познал Бога.

Он попросил мусульманина посвятить его

в свою веру. Жрец Кали на много дней

отрёкся, совершенно забыл своих богов. Он

перестал им поклоняться, перестал даже

думать о них: он жил вне храма, повторял

имя Аллаха, одевался на манер

магометанина, готов был даже (о

святотатство!) вкусить запрещенную

пищу, мясо священного животного, коровы.

Его хозяин и покровитель Матхур-бабу в ужасе умолял его отказаться от этого шага и потихоньку поручил одному брахману приготовить ему под руководством мусульманина пищу, чтобы предохранить его от скверны. Эта способность целиком отдавать себя чужому строю идей имела результатом, как всякое духовное движение этого страстного художника, материализацию идеи: ему явился сияющий образ человека, со строгим ликом, с длинной бородой (должно быть, таким он представлял себе пророка?), который приблизился к нему и влился в него. Рамакришна осуществил мусульманского Бога "Брахмана с атрибутами". От него он далее перешёл к "Брахману без атрибутов"; река ислама привела его к Океану.

Впоследствии толкователи его учения объясняли этот опыт, последовавший непосредственно за его великим слиянием с Абсолютом, в том смысле, очень важном

для Индии, что мусульмане и индусы, эти братья-противники, смогут объединиться только на почве Адвайты, Бога без образа, в честь которого "Ramakrishna Mission" позднее построила в глубине Гималаев святилище, краеугольный камень огромного и сложного здания всех религий.

Семь лет спустя — я располагаю факты в таком порядке для удобства изложения — подобного же рода опыт помог Рамакришне "реализовать" христианское учение. Приблизительно в ноябре 1874 года некто Малик, индус из Калькутты, владевший садом в Дакшинешваре, прочитал ему Библию. Рамакришна впервые встретился с Христом. Вскоре после того божественное слово претворилось в плоть. Жизнь Христа тайно проникла в него. Однажды, сидя в маленькой гостиной своего приятеля, богатого индуса, он увидел на стене изображение Мадонны с младенцем. Фигуры ожили. Развернулась обычная сцена

в неизменном порядке: святые видения приблизились, влились в него. И все его существо прониклось ими. На этот раз наводнение было гораздо сильнее, чем наводнение ислама. Оно затопило всю его душу. Никакая плотина не могла удержать его. Все индуистские идеи были унесены. Рамакришна в ужасе бился в бушующих волнах, он кричал: "О Мать! Что ты делаешь? Помоги мне!"

Напрасно. Бурный прилив затопил всё. Душа индуса изменилась. В ней не было места ни для чего, кроме Христа. В течение многих дней ею владела только христианская мысль, только христианская любовь. О том, чтобы пойти в храм, не было и речи... Однажды днём в рожице Дакшинешвара он увидел человека с большими прекрасными глазами, с ясным взглядом и светлым лицом; он был очарован, не знал, кто бы это мог быть. Незнакомец приблизился. В душе Рамакришны запел голос: "Вот Христос,

проливший кровь своего сердца для искупления людей, вот тот, кто испил море страданий из любви к людям. Это он, Учитель йогингов, вечный союзник Бога. Это Иисус, воплощенная любовь".

Сын человеческий поцеловал индийского духовидца, сына Матери, и растворился в нём. И Рамакришна погрузился в экстаз. Еще раз осуществилось слияние с Брахманом. Потом постепенно он вернулся в нормальное состояние. С того времени он сохранял веру в божественность Иисуса Христа, считая его воплощением Господа.

Но не единственным: Будда, Кришна были для него тоже воплощениями Бога...

~ ~ ~

Даниил Андреев, чьи откровения во многом легли в основу "Космологии", благодаря своим поразительным метафизическим переживаниям особенно остро осознавал,

что не только мир горний может быть источником изменённых состояний сознания — он получил довольно исчерпывающее представление и об исподнем мире. Кроме того, в православии, из лона которого он вышел, существует понятие "прелёсти", т. е. около-духовных опытов, уводящих от сугубых вещей, и не зная об этом он просто не мог. В этой связи, для него, по его же словам, неким высшим метрономом в его духовных переживаниях являлся "голос сердца", т. е. внутренний покой и радость, читай *витки*, а также здравый смысл, т. е. *нить*. Можно ли это считать вспышками нирвикальпа самадхи? Будем отталкиваться от этого. К слову сказать, у Клайва Льюиса примат радости как подлинного духовного критерия был настолько ярко выражен, что свою автобиографию он назвал *Настигнутый радостью*, читай Богом.

~ ~ ~

У Григория Померанца, другого сына России, был довольно глубокий духовный опыт — снова-таки в "межмембранном пространстве". Он оставил на нём неизгладимый отпечаток и обладал всеми признаками нирвикальпы, в частности, дыханием особой радости и покоя:

Природа сравнивается с машиной, которая перемалывает самое драгоценное, что существует: божественную личность. Натолкнувшись на всё это и будучи девственно невежественным в философии (потому что философию я знал только Маркса—Энгельса и Ленина, а они этими вопросами никогда не занимались), увидел, что не только я, мальчиком в 16 лет, а такие великие люди стояли в тупике перед этой задачей, и надо попытаться пойти навстречу своему страху, досмотреть до конца — может быть, что-нибудь высмотрю. И я придумал себе такое

краткое заклинание: "Если бесконечность есть (имелась в виду материальная бесконечность, другой я себе не представлял), то меня нет, а если я есть, то бесконечности нет." Я на этом сосредоточился и в течение трёх месяцев ворочал эту фразу в голове. Анализу она не поддавалась. Я не знал слова медитация и прочих слов, но фактически я три месяца занимался медитацией над этой загадкой, которая представляет собой чистейшей воды дзэнский вопрос. Именно такие загадки дзэнские бонзы дают своим ученикам, чтобы они впали в состояние отчаяния и, пройдя сквозь отчаяние, пришли к какому-то другому уровню сознания. Идея такой практики заключается в том, что порок — в нашем неправильном устройстве ума. Если устройство ума завело нас в тупик и мы всмотримся в этот тупик, то в конце концов прорвёмся сквозь то неправильное устройство ума, которое нам внушено неправильной цивилизацией.

Действительно, месяца через три мне пришли некоторые решения, которые связаны были с чувством освобождения и какой-то радости. Любопытно, что их было два. Это было, вероятно, для меня намёком на то, что дело не в словах, что слова могут быть разные. Но я по глупости этого намёка не понял.

Я решил, что действительно важны именно эти решения. Одна моя знакомая тогдашняя сказала, что изобрёл я очень старые вещи. Первое решение было зернышком объективного идеализма, а второе — субъективного идеализма. То есть ничего нового я, конечно, не придумал, но важно, что пережил. Я ей не поверил и впал в характерную ересь, связанную с самостоятельным путём — в то тщеславие графомана, который придумывает то, что людям уже известно, но воображает, что он — великий открыватель. И в результате опыт был сперва мало плодотворным. Вообще

важен не только опыт, а то, как мы потом его поймём. Понимание опыта может постепенно возрастать, углубляться. В ближайшие годы этот опыт мне почти ничего не давал. Я его вспомнил только в отчаянном состоянии.

В 42-м году к северо-западу от Сталинграда я испытал очень сильное чувство страха. Знаете, в первом бою я не испытал страха и поэтому совершенно спокойно, когда мне довольно простое задание дали, я пошел куда-то. Я не был готов к тому, что страх надо с трудом преодолевать. У меня было впечатление, что я его довольно легко преодолеваю. Но оказалось то, что я потом назвал психической травмой ранения. Я в феврале был ранен и контужен взрывом бомбы, и когда я увидел снова бомбёжку, во мне бессознательно всплыл ужас, уже испытанный. И в течение получаса я с большим трудом боролся (единственный раз в моей жизни) с совершенно паническим

страхом: настолько, что лёжа на земле, напрягал всю свою волю, чтоб не броситься куда глаза глядят. Будучи интеллигентом, и следовательно, привыкнув не только чувствовать, но и наблюдать за своим чувством, я употребил всю свою волю, чтобы разум господствовал. Но, разум мог добиться только того, чтобы не бежать куда глаза глядят, но подавить это мучительное чувство страха я не мог разумом. Тогда, перебирая различные аргументы против страха, я вспомнил, что я не испугался бездны пространства и времени, так неужели я испугаюсь нескольких немецких самолётов? И знаете, за этой фразой, достаточно наивной, у меня всплыл опыт преодоления метафизического страха. И моментально физический страх пошёл на убыль — и я больше в течение всей войны ничего подобного не испытывал. И я опять осознал это по сути гораздо позже, а тогда в такой наивной форме это подбадривание сработало.

Что это мне позволило понять? В конце концов мой опыт важен не сам по себе, а только как возможность понять какие-то другие, гораздо более важные вещи. Например, когда я лет через двадцать познакомился с буддизмом дзэн, я его очень легко понимал. Потому что путь дзэн — это растравить в себе чувство метафизической тоски, доходящей до отчаяния, а потом пройти сквозь отчаяние. И тогда ты чувствуешь, что тоска была связана с неправильным устройством ума. Это во мне было уже заложено, и я быстро понял, что у меня был стихийный дзэнский опыт. Но дело в том, что я таким образом мог понять и другие вещи, в том числе и в христианской традиции. Например, почему Бог заговорил с Иовом, а не с его друзьями. Друзья его мыслили систематически и очень правильно. Иов мыслил беспорядочно, бессистемно, задавал вопросы Богу, на которые не было ответа — и проклинал божий мир. Но как раз в этой мучитель-

ной борьбе Иова, в его состоянии на краю полного отчаяния и было что-то, что раскрывало глубину сердца. Тогда как логические схемы, которые чётко и ясно излагали его друзья — они загораживали Бога богословием. Потому что богословие — ещё не Бог, и Бог скорее заговорит с отчаявшимся человеком, чем с систематическим богословием...

И снова мышление, т. е. *нить*, сопутствует духовному переживанию, более того, помогает ему опуститься до самых низов — просветить инстинкт самосохранения в *животном "я"*.

~ ~ ~

Теперь читателям, вероятно, будет небезынтересно ознакомиться со следующим моим скетчем:

У Пророка Мухаммеда был такой, выражаясь современным языком, челлендж

— мубахилá. Тем, кто вступал с ним в религиозный спор, он предлагал торжественно засвидетельствовать перед Богом свои взгляды и пригласить на свою голову беду, окажись они несостоятельными, не отражающими духовную действительность. Не знаю, чем оканчивались эти челленджи для тех, кто всё-таки отваживался на них — таковых, как гласит предание, были единицы — но для спорщиков это становилось, грубо говоря, проверкой на вшивость: проходил отсеив на тех, кто верил во что-то слепо, инерционально, и тех, кто исповедовал свою религию осознанно. Можно предположить, что верящие слепо отсеивались сразу за неимением твёрдой внутренней основы — срабатывал инстинкт самосохранения. Более сознательные индивиды, должно быть, оказывались орешками покрепче, особенно, если их взгляды подкреплялись личной духовной опытностью. Но многие и из этого просева не решались вписаться за

какие-то слишком отвлечённые вещи как, например, триединство Бога или божественность Христа в отличие, скажем, от чисто пророческой миссии человека по имени Иисус в исламской её трактовке. По сути, это вынуждало оценить пределы своего знания — вынужденность проистекала из риска своим благополучием, земным и/или загробным — так что челлендж этот был весьма онтологичен.

Идя дальше в ключе сравнительного религиоведения, сложно сказать, существуют ли прямые указания на Христа в индуизме — в этой рыхлой традиции со множеством течений и сект место найдётся многим, даже Дональду Трампу — но грозное божество Кальки́, въезжающее на белом коне в мир человеков для некоего их тотального "раскладывания по полочкам", в общем и целом, совпадает с Христом апокалипсиса. Так или иначе, что ещё наличествует в индуизме, в

философском его изводе, и имеет самое прямое отношение к затрагиваемым здесь моментам — понятие "нирвикальпа самадхи", т. е. осознание без сомнения. Главным образом, это означает осознание своего Божественного "Я", заявляющем о себе маленькому человеческому "я" с некоей тотальной, несомненной очевидностью. Это также подразумевает такую связку между внутренней опытностью и какими-то более внешними её проявлениями, в т. ч. проговариванием своего опыта, при которой у находящегося в нирвикальпа самадхи не возникает и тени сомнения в своих словах, поскольку они проистекают из чего-то божественного, незыблемого, вечного. В отличие от фанатизма, также не предполагающего каких-либо сомнений, или фундаментального, но сухого и всё же ограниченного научного знания, или духовных опытов более сомнительного порядка, нирвикальпа самадхи овеяна особой возвышенностью и благородством — печатью Духа. Схематично, любое

знание можно представить в виде множества точек, а то, что их связывает в определённые созвездия и кристаллические решётки — взгляды и мировоззрения — являет собой своего рода клейковину, эмоциональную ли, ментальную, духовную. В случае с нирвикальпа самадхи, подобной клейковиной, так или иначе, выступает Дух. В этом свете, мубахила — это челлендж клейковины, и только тот, кто находится в нирвикальпа самадхи, может по-настоящему достойно его встретить. С другой стороны, способный бросить подобный челлендж другим, вероятно, также знает о нирвикальпа самадхи не по наслышке — речь не о букве, а сути.

Если немного осовременить мубахилу и применить её не только к религиозным, но и политическим вопросам, примете ли Вы лично этот челлендж, если, конечно, исходить из того, что Вы — человек верующий? Сможете ли Вы поставить на́

кон своё здоровье, благополучие, жизнь, даже загробную участь в том же украинском вопросе? Скажем, если Вы за что-то неистово, или истово, топите, но при серьёзном риске усомнитесь и даже откажетесь от своих слов, чего тогда будут стоить Ваши взгляды и то, что их "склеивает"? Сможете ли Вы сказать, к примеру, что Россия — права или Украина — права, или обе одинаково неправы, и пусть разразит меня какой-нибудь условный гром, если я неправ? Если не сможете, и не только в этом вопросе, но и во многих других вопросах, задаваемых жизнью, то гносеологически Ваша клейковина — размазня.

~ ~ ~

Считаю свою цель достигнутой, если читатели испытают хотя бы тень гносеологического беспокойства. Если кто-то, наоборот, испытывает глубокий

внутренний покой — тем лучше.

А сейчас, на пороге "Методологии", Нидлман ещё раз заострит основную тему текущего раздела:

...Перед тем, как приступить к этой "тренировке", этой неизбежной внутренней борьбе, необходимо должным образом подготовить свой ум. Нравственное действие не может совершаться механистически; оно подразумевает внутреннее стремление и свободу. Подобное стремление, как ни крути, либо рождается в уме, либо, рано или поздно, должно быть через него "пропущено". Иными словами, ум должен выдать что-то вроде санкции, чтобы действие по-настоящему стало свободным.

Конечно же, иногда наши поступки правильны и хороши без каких-либо предварительных согласований и умствований. Но для большинства из нас,

за исключением каких-то кризисных или драматичных ситуаций, когда наше глубинное "Я" волной интуиции и нравственной силы выносится на поверхность и заслоняет наше повседневное, привычное "я", подобное "спонтанное" поведение, как правило, механистично. Его нельзя назвать нравственным. Это не то, к чему мы в действительности стремимся, когда желаем стать хорошими. Для большинства из нас именно добровольное согласие ума делает наши поступки нравственными. А это добровольное согласие, в свою очередь, происходит благодаря логике и идеям. Для большинства из нас и, в особенности, для тех, кто рождён и воспитан в современном мире с его идеалами научного, интеллектуального познания, абсолютно необходимой становится оценка этической подоплёки всего, что мы называем "знанием". Это справедливо как для отдельно взятой личности, так и для

всего общества.

Поощряет ли наш ум нравственные действия? Помогают ли наши идеи о природе, человеческой душе, вселенной, истории, языке, истоках религии, человеческом теле, времени и пространстве, войне и мире делать добро или, хотя бы, получить о нём какое-то представление? Можем ли мы назвать наш ум со всеми его убеждениями, мнениями и "несомненностями" чем-то нравственным, безнравственным или нравственно нейтральным?

Перед нами стоит ряд фундаментальных и нелёгких вопросов: какие идеи и мнения укоренились в наших умах? Как они там очутились? Чего они в действительности стоят?

Чтобы получить какое-то представление о содержимом нашего ума, вообразите антикварную лавку, где выставляется на продажу, а также скупается без разбора всё, что бы туда ни приносили. Помещение

завалено старыми предметами быта и мебелью, по большей части, обветшалой, поломанной, покрытой толстым слоем пыли; всё это находчивый менеджер выдает за "предметы старины". Чуть дальше возвышается груда самых разных электроприборов: старинные радиоприёмники, тостеры, музыкальные проигрыватели — ни один из них не работает и, вероятно, вообще никогда не был исправен. За ними идут старые лампы без абажуров или потемневшие от времени абажуры без светильников. В стеклянных ящичках — "драгоценности", по большей части, дешёвые, тусклые побрякушки. На стенах висят сотни картин, от гигантских аляповатых пейзажей, которые можно перевозить разве что на грузовиках, до покрытых рябью миниатюр с такими сценами и человеческими лицами, словно их нарисовали косые или слепые художники. Что касается зачитанных до дыр старых книг и журналов, граммофонных

пластинок, старых открыток, фотографий кинозвёзд и каких-то незнакомых людей — всё это напоминает сумасшедший дом или мрачную палату, где душевнобольные пытались хоть чем-то себя развлечь.

Таковы идеи, концепции, взгляды и мнения, гнездящиеся в нашем уме — идеи, взгляды и мнения о чём бы то ни было во вселенной. С чем бы мы ни соприкоснулись, с кем бы ни встретились, что бы ни услышали или увидели даже мельком, у нас мгновенно возникает обо всём мысль, мнение, "точка зрения", как мы это порой самонадеянно называем. Наш старьёвщик-ум непрерывно поставляет нам свою мебель, картины, приборы во всем их разрозненном и несколько потускневшем от пыли великолепии. Но лишь немногие из этих идей, взглядов и мнений, окрашивающих, обуславливающих наше восприятие и диктующих самую нашу жизнь, когда-либо проверяются на

предмет их подлинности или ценности. Очень редко мы их осознаём, а чаще вообще не даём себе такого труда. Вероятно, мы даже не подозреваем, что та или иная страсть, выбор, беспокойство или стремление вовсе не являются "нашими". Вполне может случиться, что они порождаются какой-то бессвязной мыслью, взглядом или мнением, застрявшем в нашем уме и прочно схватившим вожжи нашей умственной "активности". Это совсем не то "я", которое, к примеру, страстно отстаивает свою нравственную позицию и готово ради этого пожертвовать чем угодно; это некий подменивший меня "прибор" в моём уме, поскольку сам я не удосужился его как следует рассмотреть, оценить и решить, насколько он пригоден для хранения и использования.

И всё же, в этой антикварной лавке изредка попадаются и ценные вещи: старинный изумруд среди стекляшек и

пластмассовых жемчужин; первое издание великого произведения; уникальная мейсенская статуэтка среди дюжины дешёвых подделок; роскошный домотканый персидский ковер под стопкой невзрачных фабричных копий. Таковы великие идеи, привнесённые в нашу жизнь умами гораздо более великими, чем наши. Их оставили мужчины и женщины, способные прозревать истину о человеке и мире. Они посвятили свои жизни передаче знамений и знаков этой истины, а также практических способов их реализации последующим поколениям. Но в наших умах-старьёвщиках даже эти великие идеи теряют свою ценность и нравственную силу из-за ассоциаций с дешёвым, выставленным на продажу ширпотребом. Великие идеи не должны входить в ум без сопровождающей их "свиты". Они всегда вплетается в некий большой клубок, в некое общее целое. Ни одна идея не может существовать по отдельности. Если идея

не связана с другими идеями, составляющими некое живое учение, она неизбежно сцепится с какими-то ложными или даже опасными симулякрами, идеями из "антикварной лавки" — концепциями, "взглядами" и мнениями, паразитирующими на наших умах. Нам нужно чётко проводить различие между двумя постоянцами нашего ума: идеями из некоего высшего источника, отличными от нашего бытового, повседневного мышления, а также концепциями и мнениями, сформированными нашим образованием, обществом, средствами массовой информации и принимаемыми нами безоговорочно и слепо как собственные взгляды и мысли.

Мы должны осознавать влияние наших мыслей и суждений, поскольку это определяет нашу способность быть хорошими. Их влияние, по крайней мере, настолько же важно, как и качество нашей еды — в данном случае, от идей, мнений,

полученного опыта и впечатлений зависит качество пищи нашего ума. Наши действия, наше нравственное здоровье зависят от этой пищи не меньше, чем наше физическое состояние от того, что попадает в наши желудки.

МЕТОДОЛОГИЯ

Чистое внимание очень плотное. Такое внимание поглощает только то, что достойно быть поглощённым. Недостойные вещи оно в себя не допустит. Оно не будет на них смотреть. Оно само отвернётся от них. Оно настолько чистое, что не может оскверниться нечистотой

Шри Матаджи

Представленная здесь методология сводится к управлению, очищению и утончению внимания — эссенции самости. Если более поэтично:

*Ведь внимание — это такое поле
математических точек;
Точки размазываются по телу,
чувствам всяким и мыслям;
Точки могут закупориваться в теле и
дальше по списку;
Точки куда-то направляются и
возвращаются с неким уловом;
Внимание суть поле битвы между
разными центрами силы;
Очень нужны для внимания хорошие
лобные доли;
Слишком рассеянное внимание делает
Вас глуповатым;
Слишком большая концентрация
делает Вас односторонним;
Между односторонностью и глупостью —
разница не слишком большая;
Бог собирает внимание правильным
калейдоскопом;
Только Бог собирает внимание
правильным калейдоскопом;
Для этого трепетно Богу приносят
внимание в жертву;
Жертва внимания полезней заклания*

*стада бизонов;
Жертва внимания лучше, чем жертва
на строительство храма;
Возможно, внимание связано как-то с
бозонами Хиггса;
Контроль за своим вниманием — это
главный долг человека;
Расслабить внимание в Боге есть
величайшая радость.
Ну, а теперь возвращайтесь к
недорезанным Вашим баранам.*

В самом слове "внимание" есть двойственность, т. е. сочетание *солнца* и *луны*: от первого, в нём свобода, чему внимать, а чему — нет; от второй — заглывание "улова", коль скоро выбор сделан.

Важный момент: поле внимания — это фиксированная величина. Иными словами, когда чему-то уже отданы его "частички", но нужно сфокусироваться на чём-то другом, новые не появятся вдруг из ниоткуда — для этого нужно извлекать (нередко с трудом)

уже отданное.

Далее. Перед тем, как направить на что-то внимание, это что-то нужно *увидеть*.

Благодаря физическому телу, у внимания есть своего рода точка отсчёта, то, от чего оно будет дальше отталкиваться и высвобождаться. Но "физикой", конечно же, всё не исчерпывается — там ещё эмоции, мировоззренческие вещи, корневой эгоизм и/или эгоцентризм.

На всё это накладывается *Путь* ("*Я есмь лоза, а вы — ветви...*"; "*Без Меня не можете делать ничего*"). Иными словами, чисто волевые попытки отделиться от самого себя неминуемо приведут к отклонению в сторону *солнца*, т. е. солнечного энергетического канала — со всеми вытекающими плачевными последствиями.

Чем больше моментов самость осознаёт о самой себе, тем более она становится *дифференцированной*, а внимание — мобильным, гибким и податливым для утончения, читай просветления. В этом

кроется главная причина (я пообещал к этому вернуться), для чего в "Космологии" даётся такой подробный портрет самости: осознавая в себе признаки *животного "я"* или *"я" обладателя*, или, скажем, какую-то форму *социального "я"*, можно до некоторой степени *отделиться* от них, и, если на то будет воля *Пути*, какие-то частички внимания смогут перейти к более высоким гармониям.

Каков, скажем, будет признак *животного "я"* в контексте религии? Следовать чему-то из страха наказания, что, до определённой точки, может быть оправданным. *"Я" обладателя*? Привязанность к традиции из-за эмоционального и/или ресурсного в неё вложения. *Социального "я"*? Любовь к своим братьям и сёстрам по вере (обратная сторона этого — игнорирование или пренебрежительность к другим).

Процесс высвобождения частичек внимания и их дальнейшее просветление в поле *Пути* для удобства буду называть *духовной трансцендентностью*. К примеру, когда

Нидлман говорит о совместном размышлении, это, в первую очередь, означает духовную трансцендентность обособленного "я", не способного выйти за свои рамки без помощи других человеческих существ. Здесь, если позволят читатели (выбора у вас нет), приведу целую главу из *Почему мы не можем быть хорошими?*:

ЖИЗНЬ БЕЗ ЭТИКИ?

Я не помню, когда именно впервые решил испытать это упражнение на практике. Возможно, это было на курсе "Введение в философию и религию", или на семинаре по Платону, или на углублённом изучении Эмерсона и Торо, а может быть — на предмете под названием "Современная религиозная мысль". Помню только, что знакомил студентов с основами этики, предполагая, что каждый из них более или менее понимает значение этого слова и имеет какой-то личный этический опыт. И

вот, когда я попросил их привести примеры своих этических дилемм или конфликтов (не вдаваясь в детали), меня поразило следующее: не только никто не вызвался отвечать, но, казалось, они вообще не понимали, о чём идёт речь. Слово "этика" звучало для них как нечто совершенно новое!

Как это было возможно? Ведь подобные ситуации наверняка возникали в их жизни, как и у любого из нас: необходимость сделать выбор в условиях нравственной неопределённости; искушение поступить вопреки собственным принципам; столкновение с людьми, чьи представления о добре и зле отличаются от их собственных. Почему же они молчали? Это было для них нехарактерно. Я ведь не просил раскрывать личные тайны — достаточно было описать ситуацию в общих чертах. В чём же сложность? Неужели они не осознавали этического измерения своей жизни?

Тут я кое-что вспомнил. На протяжении

многих лет, когда речь заходила о вопросах добра и зла, правильного и неправильного, студенты почти всегда выражались примерно так: "мне кажется, это правильно" или "я чувствую вину". Никто не говорил: "я поступил плохо" — только "у меня было чувство вины". Никто не утверждал: "это хорошо" — лишь "это кажется мне хорошим".

Раньше я не придавал значения этим речевым оборотам. Да, меня всегда поражал нравственный релятивизм молодых людей, с которыми я работал. Во многих странах уже стало нормой отрицать абсолютные этические ценности, и любого, кто осмелится заявить об их существовании, тут же назовут наивным или фанатиком. "Кто вправе решать, что добро, а что зло? Что хорошо для одного, то плохо для другого" — таковы "этические" нормы современности. Большинство моих студентов принимали как данность, что моральные принципы зависят от эпохи, географии, культуры, религии,

социального класса и т. д. Этот релятивизм даже не подвергался сомнению, а многие преподаватели внушали его студентам с фанатизмом, сравнимым разве что с религиозным фундаментализмом.

Таков был нравственный портрет моих студентов. Но раньше я не замечал, что из-за этой релятивистской установки у них, возможно, вообще не было осознанного этического опыта! Вернее, они, конечно, делали выбор — как и все мы: говорить правду или лгать, сдержать слово или нарушить, украсть, причинить вред, пожертвовать чем-то или извлечь выгоду. Но в их восприятии это были просто ситуации, которые "казались" хорошими или плохими.

В тот день, с этими тревожными мыслями, я впервые решил провести особое упражнение. Мой ум отказывался это принимать. Мне отчаянно хотелось выйти и в тишине обдумать то, что, как мне казалось, я только что понял о своих студентах. Мне нужно было осмыслить это спокойно и

глубоко. Внезапно передо мной открылся целый пласт интеллектуальной жизни, о котором я раньше не задумывался: вопрос был уже не в том, правильно или неправильно то или иное философское утверждение, а в том, есть ли у этих людей вообще какое-либо живое этическое переживание. Исчезала ли этика из повседневности, как вымирающий вид?

Конечно, я не мог просто уйти и размышлять в одиночестве. Нужно было продолжать занятие, хотя я был на грани отчаяния от этой этической пустоты. Но именно благодаря тому, что я остался, мне открылась важная истина о природе нравственных разногласий между людьми и о том, над чем нам нужно работать, чтобы выстраивать здоровые человеческие отношения. Это помогло мне осознать — пусть и в форме своеобразной "репетиции", — что наша хрупкая повседневность нуждается в подлинном контакте, пусть даже робком и предварительном, со

всепримирающей силой безусловной любви.

ЧЕРЕПАХИ

"Возьмём любую этическую проблему, которую никто из нас не в состоянии разрешить, проблему, которую не может разрешить наше общество, весь наш мир" — произнёс я, расхаживая по классу. "Возьмём аборт — совершенно неразрешимая этическая дилемма. С логической точки зрения, у каждой из сторон имеются свои веские доводы и благие намерения. Дошло уже до того, что сам вопрос аборта на сегодняшний день стал символом разнообразной *метафизической* противоречивости современного мира, мира, который существует и стремится длить своё существование во вселенной с её универсальными законами природы и жизни, зачастую противоречащими его аномальным ценностям. В любом случае, ни один здравый человек, принимающий ту или

иную сторону в вопросе аборта, не может просто отмахнуться от доводов противоположной стороны. В то же самое время, кажется, больше нигде, даже у самых рассудительных индивидах, не найти такой страстности, неистовости и "убеждённости" в своей правоте, как в вопросе аборта.

Студенты согласно кивнули.

"В нашем обществе нет консенсуса по поводу аборт" — сказал я, снова остановившись перед классом.

Затем я опёрся о краешек металлического стола.

"Вот вам задание. Это — *этика*. Перед нами стоит болезненный и животрепещущий вопрос о том, что хорошо, а что — плохо. Как нам поразмыслить, именно *поразмыслить* об этом вместе, а не просто увязнуть в спорах?"

Класс всё ещё хранил молчание, пока я, как мог доходчиво, объяснил ему основные правила упражнения, в том числе

требования к каждому из его участников внимательно выслушивать доводы своего оппонента.

Я спросил у класса: "Кто из вас твёрдо убежден, что женщины имеют право на аборт?"

Как я и предполагал, почти все руки моментально взметнулись вверх. В классе было около пятидесяти студентов.

"Кто хочет обосновать эту позицию?"

К моему удивлению, постепенно, одна за другой руки опустились, кроме, может, трёх-четырёх. Я списал это на "боязнь сцены", хотя позже осознал, что тому были более глубокие причины.

"Кто придерживается противоположной точки зрения и хочет высказаться против абортов?"

Ни одна рука не шелохнулась. Меня это не особенно удивило, учитывая студенческий состав и политический климат в Сан-Франциско. Но это было проблематично с

точки зрения эксперимента, который я пытался провести.

"Есть ли здесь такие, кто считает аборты аморальными?"

Я заметил лёгкий мандраж у нескольких студентов.

"Если да, не побоитесь это признать?"

Мандраж на мгновение усилился и потом затих.

"В таком случае — сказал я, — упражнения у нас не получится".

Жанет Холкомб, сидевшая по правую руку от меня рядом с высоким окном, на это сказала, что хотя она и за аборт, эксперимента ради она согласна принять противоположную точку зрения.

"Нет, это должно быть искренним убеждением" — сказал я. "Обе стороны должны одинаково верить в свою правоту и придерживаться противоположных взглядов, как это бывает в нашем реальном

мире, в наших жизнях".

Я ещё немного подождал, но больше желающих не объявилось. Я был уверен, что один или двое студентов считали аборт чем-то безнравственным, но боязливо предпочли отмолчаться. В классе воцарилась гробовая тишина.

Представители мужского пола, казалось, находились в особом оцепенении.

"Может, выберем другую тему?" — сладко пропел Элиху Эндрюс, широкоплечий чернокожий парень.

"Хорошо" — ответил я. "Например?"

Одиночные предложения следовали одно за другим, и каждое из них, словно боязливо оглянувшись по сторонам, мгновенно растворялось в плотной тишине.

"Война в Ираке" — предложил Бернардо Ди Джорджо.

"Браки геев" — сказала Агнес Хунг.

"Глобализация".

"Израиль и Палестина".

Однако, всё это снова сменилось безмолвной, глухой отстранённостью. Я наблюдал за пятьюдесятью черепахами, выглядывающими из-под своих панцирей. Но почему? Откуда у этих обычно оживлённых, даже непоседливых студентов такая пассивность?

Но тут одна из черепах высунула голову и мягко произнесла: "Поздние аборты!"

СТРАСТЬ И ВНИМАНИЕ

Внезапно, словно чёрно-белое кино заиграло всеми красками. Атмосфера была в миг наэлектризована. Руки взметнулись вверх, как встревоженные птицы. Это было поразительно. Каждый начал что-то говорить: мне, своему соседу, самому себе. Спорить начали и мужчины, и женщины. Именно сюда, по всей видимости, перешла линия баталий в вопросе аборта. Разве не стоял этот вопрос очень остро на повестке дня, пусть и на короткое время, в нашем

глобальном нравственном кризисе?

Здесь уже не было нехватки в добровольцах. Проблема, скорее, была в том, кого из них выбрать, чтобы представлять каждую из конфликтующих сторон. И решить это нужно было немедленно. Должен ли я был выбрать мужчину или женщину? Или двух женщин? Считать ли это чисто "женским" вопросом или, скорее, более широкой, *общечеловеческой* проблемой?

Возможно, следовало выбирать участников, исходя из их глубинной заботы о жизни и благополучии, а также из стремления к истине — куда бы она их ни привела. Важнее всего была страстная убежденность, сочетающаяся с готовностью подняться над своими эмоциями — не оправдывая их, но и не отрицая.

Бог мой! Прямо здесь, на этой импровизированной сцене ума, рождался фундаментальный этический императив: попытка в самом эпицентре страха, гнева и страстей не раствориться полностью в

автоматизме эмоций. Конечно, это была лишь репетиция, но разве не в этом суть? Изучать — в безопасных, искусственно созданных условиях — правила борьбы за возможность быть хорошим, борьбы, которая кажется почти невозможной в хаосе повседневности.

Но не обманывался ли я, ожидая от студентов такой благородной мотивации? Не было ли это наивностью?

К моему удивлению, реальность совпала с ожиданиями. Не оставалось сомнений: выбранные мной студенты обладали этим редким качеством — сплавом страстной убеждённости и равной ей самокритичности. Убеждённости без фанатизма, самокритичности — без робости.

Трудно найти слова, чтобы описать это качество. Над сильным противоречием их личных убеждений и самокритичностью парило, или же находилось внутри них, ещё одно, *третье* качество. Оно проявлялось, если можно так выразиться, в окружающей

их *атмосфере*, озаряла мягким светом их кожу, неуловимо преображала их лица, делая их такими же прекрасными, подлинными и естественными как на египетских фаюмных портретах. Это качество физически проявлялось в том, что внезапно их движения становились живыми и непосредственными как у детей — признак того, что тело и ум гармонизированы. Я *знал*, кого выбрать.

Две женщины — Дженис Эберхарт и Арлин Харрис. Обе сидели в первом ряду.

Дженис было немногим за двадцать. Невысокая и юркая словно маленькая птичка, с роскошной копной огненно-рыжих волос, заплетенных сзади в косу. У неё было привычкой сидеть, несколько наклонив голову вперёд и подперев подбородок кончиками пальцев на словно молитвенно сложенных ладонях, особенно когда она пыталась особенно чётко или искренне сформулировать свою мысль.

Возраст Арлин Харрис сложно было

определить; возможно, ей было около тридцати пяти. Её кожа была очень тёмной, до блеска, как и её большие неподвижные глаза. Высокая и статная, с короткой стрижкой и высокими, широкими скулами она иногда посещала мои лекции, расточая вокруг улыбки и красуясь в нигерийской рубашке "бубу", что делало её похожей на королеву африканского племени. Она была круглой отличницей.

Сегодня на ней были более привычные глазу джинсы и кофточка.

Я поставил стулья по обе стороны от металлического столика и жестом пригласил женщин занять свои места. "Помните, — сказал я им, — вы должны очень серьёзно отнестись к этому условию. Ваша собеседница должна точно пересказать — не обязательно дословно — все ваши главные тезисы. Только после этого она получает право вам ответить. Иногда, вам захочется сделать ей поблажку — ни в коем случае. Пересказ должен быть как можно

более точным и аккуратным".

Затем, пока эти женщины рассказывались по своим местам, я обратился к классу:

"В этом упражнении вам отведена важная роль. Вы должны сохранять тишину и быть очень внимательными; вы должны внимательно выслушать всё, что будут говорить эти две леди. Все обязаны поддерживать их своим вниманием. Иначе, у нас ничего не получится".

ШОК ВОПРОСА

"Тема нашего обсуждения — поздние аборты", — обратился я к классу. "И чтобы всем было ясно, о чём идёт речь, не будет ли кто-то из вас так любезен дать определение позднего аборта?"

Мужчина с задних рядов сказал что-то неразборчивое, и сразу за ним четверо или пятеро студентов стали предлагать свои варианты. Вместе с ними и Дженис — во время упражнения она должна была

занимать позицию против абортов — сдержанно и чётко дала собственное определение. С некоторой скованностью, сильно сжимая ладони и касаясь кончиками пальцев подбородка, она произнесла:

"Поздний аборт — это процедура... при которой врач принимает роды... вплоть до того момента, когда показывается головка плода... и затем он протыкает череп... и вынимает мозг".

Все сидели словно в оцепенении. Казалось, часы на стене вдруг затикали оглушительно громко.

После длинной паузы я подал знак Дженис, и она не заставила себя долго ждать. Как это стало сейчас привычкой у многих молодых женщин, в её утверждениях проскакивали вопросительные нотки.

"Я против поздних абортов. Во-первых, я думаю, необходимо понять, почему женщина решила так поздно прервать свою беременность? Есть случаи, когда

продолжение беременности может быть опасным для здоровья матери, и здесь аборт мне ещё видится чем-то допустимым? Но если это не вопрос её личной безопасности, личной жизни, то, я бы сказала, есть много бездетных семей, желающих завести ребёнка, и они могли бы кого-то усыновить или удочерить? Конечно, это может стать тяжёлым эмоциональным испытанием для матери, но ровно настолько же эмоционально болезненно... в другом смысле... будет сделать аборт, как и отдать кому-то своего ребёнка... Я хочу сказать, ребёнок мог бы жить, а так — его уже нет".

Её фразы словно наскокивали одна на другую:

"Иногда, ребёнка называют зародышем, но мы не можем точно сказать, является ли он живым ребёнком? И я считаю, что, называя ребёнка зародышем, мы просто уходим от проблемы? Так нам легче это принять. Скажем, если ребёнок рождается преждевременно, недоношенным, и этому

ребенку пытаются спасти жизнь... Но тут мать решает, что она его не хочет, и существует некие установленные временные рамки, когда вы просто можете называть его зародышем? И вы можете просто его убить".

"Я смотрела видео, как это всё делается. Камеру ставят так близко, что видны все детали, и вы видите, что он... *живой!* Он выглядит как... *маленький ребенок*".

Я прервал её.

"Очень хорошо" — сказал я нарочито невозмутимо, надеясь, что это всем поможет сосредоточиться на интеллектуальной стороне вопроса. Кроме того, мне не хотелось с самого начала эксперимента перегружать память Арлин.

"Очевидно, многое здесь ещё можно добавить; попридержим это до следующего раза. Сейчас выслушаем Арлин. И запомни — она должна достаточно точно пересказать все твои тезисы".

Арлин заговорила ровным голосом, словно

констатируя факты: "Кажется, твоё главное беспокойство в том, что женщина слишком поздно решается на аборт. Ей следовало бы сделать это раньше. Помимо того, существует много бездетных семей, которые могли бы усыновить ребёнка, они могли бы взять его к себе и дать ему хорошее воспитание" — Арлин сделала паузу. "Всё верно?" — спросила она с несвойственной ей робостью.

Дженис быстро и с теплотой откликнулась: "Да, всё верно".

"Нет" — сказал я Дженис. "Есть ещё кое-что. Скажи, что Арлин оставила за скобками".

Дженис послушно повторила пропущенную часть, в этот раз уже менее эмоционально — о живом ребёнке и лицемерии, с которым ребенка иногда называют "зародышем".

Арлин пересказала и это.

"Теперь ты удовлетворена?" — спросил я Дженис. "Пересказала ли Арлин твои слова достаточно точно?" Дженис кивнула. "Тогда

продолжим".

Я подал знак Арлин.

Со скрещенными руками, неподвижно лежащими на откидной парте, Арлин подалась вперёд. "Сама лично я никогда бы не стала этого делать, — сказала она, — но считаю, что право на этот выбор должна иметь каждая женщина, даже если это...". Она искала слово "неправильно". Она взглянула на меня своими неподвижными черными глазами и спустя мгновение продолжила необычно монотонно: "Я смотрю на это с точки зрения потребностей нашей планеты. В мире так много людей, так мало пространства и так мало еды — всё вышло из-под контроля. Если бы речь шла о бедной стране третьего мира, другой нации, то здесь такого вопроса вообще бы не стояло. Они просто не могут себе позволить подобную процедуру. Но здесь в Америке, где мы потребляем непропорционально большую часть мировых ресурсов, мы можем себе это позволить. Поэтому в

Америке, хотя такой вид аборта, возможно, неприемлем с моральной точки зрения, женщины должны иметь на него право".

Теперь непринуждённо и без запинок, Дженис ответила:

"Значит, ты хочешь сказать, что право на этот выбор должны иметь все женщины, что сама ты никогда бы этого не сделала, но все женщины должны решать это самостоятельно, и что это очень важно сейчас, особенно в Америке, потому что в мире существует такая проблема перенаселения и такое неравномерное распределение ресурсов, и что, возможно, это *не совсем хороший* выбор, но, вероятно, он соответствует реалиям нашего современного общества?".

Пауза. "Является ли это точным пересказом?" — спросил я у Арлин. Она кивнула, но несколько неуверенно.

"Правда?". Она ничего не ответила.

Я начал замечать какое-то более глубокое

взаимодействие в этом подозрительно спокойном диалоге двух женщин. В большинстве случаев, когда бы я потом ни проводил этот эксперимент, при обсуждении политических или религиозных вопросов, расизма или абортов студентам было намного сложнее контролировать свои эмоции. Здесь же затруднение возникло лишь в самом начале, когда Дженис давала определение позднего аборта. После этого общение стало вполне ровным и дружеским, и я уже начал сомневаться, что выбрал правильных собеседников.

НРАВСТВЕННАЯ СИЛА ВЫСЛУШИВАНИЯ

Но вскоре всё резко переменилось, как это происходило всякий раз благодаря искренности участников этого упражнения — упражнения, дающего возможность лицезреть нравственную силу выслушивания. То, что на какой-то миг просто показалось дружеским общением, на самом деле указывало на совершенно иную

работу внимания, когда каждый оппонент в несвойственной ему манере старался внимательно выслушать другого, без осуждения и реакций, без мыслей о поражении или победе. И это совместное стремление к беспристрастности приносило один из удивительнейших и ощутимых плодов этого упражнения — это позволяло обоим участникам внутренне отделиться, отрешиться от своих взглядов, а не удерживать их у себя внутри, словно цепных псов. Более того, эти искренние попытки отделиться от своих собственных эмоционально заряженных мнений, чтобы посмотреть на всё с точки зрения другого, ощущались всеми студентами в классе, хотя, возможно, они сами не смогли бы толком объяснить, что было такого необычного в этой с виду милой и тихой беседе.

"Арлин, — сказал я, — ты уверена, что Дженис пересказала всё точно? Как насчёт стран третьего мира?"

"Да, верно — ровно ответила Арлин, — она

об этом не упомянула".

Но перед тем, как Арлин успела повторить пропущенную часть, Дженис включилась:

"Хорошо, — сказала Дженис, — в странах третьего мира просто нет возможности делать аборт. Но поскольку у нас в Америке так много денег и вещей, которые мы сгребаем со всего остального мира, мы можем себе это позволить".

"Теперь всё в порядке?" — спросил я Арлин. Она ответила утвердительно. "Хорошо, — сказал я Дженис, — теперь твоя очередь. Можешь немного обдумать ответ". Но ей не понадобилось и секунды:

"Итак, — сказала она с живостью, — в странах третьего мира, где аборт не входит в число возможных опций, большинство женщин не могут контролировать рождаемость, имеют так много детей и потом просто не в состоянии о них позаботиться — и это правда, что мы не хотим оказаться в подобной ситуации в

нашем обществе при таком обилии ресурсов. Просто интересно, только из-за того, что мы такие сильные, мы должны иметь на это право? То есть, чем мы сильнее, тем больше у нас должно быть возможностей, неважно, приносит ли это благо другим? И ещё, интересно, есть ли какие-то другие альтернативы позднему аборту, которые не рассматриваются просто потому, что аборт кажется чем-то очень лёгким и доступным? Скажем, в других странах они были бы вынуждены искать какой-то положительный выход из этой негативной ситуации. Мы же здесь привыкли решать всё быстро, выпили что-то вроде волшебной пилюли, и дело в шляпе? Именно такое отношение наиболее распространено в Америке, и, возможно, именно поэтому мы уже долго не в состоянии решить эту проблему".

И теперь Арлин: "Она говорит, что мы здесь в Америке очень сильные, и чем мы сильнее, тем больше открывается

возможностей, и тем больше аборт становится доступным. Но из-за этой доступности люди не думают своей головой и не ищут альтернативных путей, которые... которые сохранили бы... которые... были бы лучше?" Арлин замолчала. Явно что-то происходило.

"Вы следите за обсуждением?" — обратился я к классу, тем самым позволяя двум женщинам немного перевести дух.

Дженис упёрлась подбородком в кончики пальцев, кивнула и подтвердила точность пересказа. В этот момент Арлин внезапно выпрямилась на стуле во всю свою статью, расправив широкие плечи. Её неподвижные глаза светились.

"Отвечай" — сказал я ей почти шёпотом.

"Я согласна с Дженис, — сказала она, — в нравственном отношении американцы ленивы, и если бы не доступность аборт, людям пришлось бы об этом думать. И, возможно, это было бы правильно и хорошо,

очень хорошо!" После паузы она продолжила, уже громче:

"Но я всё равно считаю, что такая опция должна оставаться у женщин. Это просто *неправильно* — она говорила, всё более повышая голос — указывать кому-то, что они не могут распоряжаться своим собственным телом. У них что-то происходит внутри, и они должны иметь над этим *контроль*! Нет, я не говорю, что вы в принципе не можете что-то кому-то запретить. Есть сложные вопросы, они касаются определения понятия "зародыш", когда именно рождаются или не рождаются люди и так далее — я не собираюсь сейчас это обсуждать. Поэтому, да, есть какие-то недопустимые вещи. Очевидно, что убивать кого-то нехорошо. Но точно так же неправильно указывать женщине, что нужно делать с её телом, и этого всё никак не могут понять силы, доминирующие в нашем обществе. Мне, женщине, права моего тела, мои права..."

Арлин замолчала. Снова громко затикали

часы.

Я обернулся к классу. "Пожалуйста, отметьте для себя — сказал я, — во время обсуждения возник новый вопрос".

ДВИЖЕНИЕ К СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Но это был не просто новый вопрос; обнаруживался новый, более глубинный психический пласт в уме и инстинктах Арлин, и это мгновенно ощутилось всеми в классе. Дело было не в том, прав был кто-то или неправ в обычном смысле. Речь шла о человеческом сердце, личном самовыражении, личных взглядах, личных чувствах. Слова Арлин обрели новый вес, новую силу благодаря движению к сознательности. *К* сознательности, не больше, не меньше. *Движению*, не больше, но и не меньше. Она совершала усилия на пути к большей сознательности.

В течение многих лет создавая условия, при которых юноши и девушки обязаны были честно мыслить, я развил особую

чувствительность, возможно, излишне обострённую, к тем моментам, когда они отбрасывали всё "общепринятое", все наносные "прогрессивные" идеи и начинали говорить просто сами от себя, не задумываясь о правильности или неправильности. В такие моменты никогда не было выплеска агрессии или резких фраз, и это всегда происходило в атмосфере покоя.

Арлин продолжила: "Это тело принадлежит мне до самой моей смерти, а до тех пор оно не должно регулироваться какими-то там законами. Речь идёт не только о зародышах, а обо мне и вообще о каждой женщине, заявляющей о своих правах. Мы веками боролись за те же самые права, которыми пользуются мужчины. В деле "Роу против Уэйда" Верховный Суд постановил, что родитель должен иметь самый высокий уровень конституционной защиты. Вот о чём я веду речь. Женщин следует уважать, они должны обладать такими же правами, как и

мужчины, и по своему усмотрению распоряжаться своей жизнью, своим телом, быть равными, чувствовать отношение к себе как к равным.

Конечно, поздний аборт — это кошмар, это ад, но осознают ли мужчины, сочиняющие все эти законы, каким кошмаром может обернуться нежелательная беременность? Они когда-нибудь сами менструировали? Или опасались забеременеть? Или имели матку? Или делали тест на беременность? Они хоть раз вынашивали детей или чувствовали, как что-то растёт в их организме? Знают ли они, каково это женщине оказаться одной на один с этим ужасным выбором аборта? Единолично заботиться о своём здоровье и взваливать на себя всю эту ответственность? Как они могут издавать законы о том, о чём не имеют и не будут иметь ни малейшего понятия? Как те, кто никогда не жил в женском теле, могут устанавливать какие-то правила для моего тела? И нисколько не

учитывать при этом мнений и голосов большинства женщин, которых эти решения непосредственно коснутся?"

Дженис продолжала сидеть в своей "молитвенной позе" — со склонённой головой, сомкнутыми ладонями и подбородком, едва касающимся кончиков пальцев. Одно лишь изменилось: её глаза были плотно закрыты, пока она с величайшим вниманием ловила каждое слово своей собеседницы.

То, чему мы сейчас были свидетелями, всегда рано или поздно происходило во время этого упражнения, и каждый раз это было сродни чуду. Это происходит всякий раз, когда более глубокие чувства выносятся на поверхность — не какая-то хаотичная, слишком хорошо знакомая нам эмоциональная пена, но более глубинные отголоски возникающей сознательности. Я говорю о чуде, хотя это, скорее, закономерность. И сводится она к следующему: чем сильнее и глубже человек

испытывает какие-то искренние эмоции, тем с большим спокойствием он способен наблюдать за собой, т. е. пребывать в динамичном покое. И этот акт беспристрастного наблюдения за собой распространяется или отзывается эхом в другом участнике диалога, а также, в какой-то мере, во всех остальных присутствующих в классе. При взаимодействии людей эмоциональное возбуждение одного нередко передаётся другому — это же относится и к устойчивости внимания, внутреннему спутнику глубокого нравственного чувства.

Все головы в классе повернулись в сторону Дженис. Чем она будет крыть этот могучий довод Арлин?

Со всё ещё закрытыми глазами Дженис подытожила:

"Женщины должны иметь право распоряжаться своим телом по своему усмотрению точно так же, как и мужчины. Это же относится и к зародышу внутри

женского тела. Ещё, должно быть общее для всех определение безнравственности. Следовательно, мы должны разрешить аборт, в том числе поздние аборт — поскольку все люди должны иметь право распоряжаться своим телом".

"Всё точно?" — спросил я у Арлин. Конечно, пересказ был и точен, и не точен. С точки зрения содержания всё было "корректно". Но в пересказе Дженис отсутствовала страстная убеждённость Арлин, и это было неизбежно и оправдано — оправдано потому, что то же самое качество переживания охватывало теперь и Дженис, правда, в несколько иной форме.

И я могу совершенно уверенно сказать, что чувство, с которым каждая женщина относилась к аборту, сопровождалось или соизмерялось, или, лучше сказать, странным образом усиливалось другим одинаково глубоким чувством, другим одинаково глубоким предвестником сознательности, а именно — *стремлением к истине, куда бы*

оно ни привело. Любовью к истине.
Достаточно однажды столкнуться с этим чувством, чтобы поверить и узнать, что оно в реальности из себя представляет.

Любовь к истине — это не то, что мы думаем, когда начинаем о чём-то размышлять или что-то обсуждать. Обычный интеллект сам по себе не способен любить истину. Он может "интересоваться" истиной, но на самом деле он любит, как правило, нечто совсем другое, зачастую не самое прекрасное, что в нас есть.

Как показывает нам Сократ благодаря художественному гению Платона, любовь к истине возникает, если только за это заплачена внутренняя цена, лишь когда преодолевается внутреннее сопротивление уже укоренившихся взглядов. *Лишь когда человек сталкивается с подобным сопротивлением и всё же продолжает двигаться, отказываясь от привязанности к своим собственным мнениям, внутри совершается некое действие, о котором*

Сократ говорил как о предчувствии "смерти". Истинный философ, как он учил, смотрит на смерть и умирание как на отказ от привязанности к "важной" мысли в момент её возникновения в уме.

НЕЧТО НЕВЕРОЯТНО ВОЗВЫШЕННОЕ

Дженис, чьи закрытые веки легонько подрагивали и затем, наконец, открылись, повернула голову к Арлин. Каждому было ясно, что между этими двумя женщинами происходило нечто невероятно возвышенное:

"Арлин очень хорошо прояснила один из главных моментов во всём этом вопросе", — сказала она, со всё ещё сомкнутыми ладонями прямо глядя на Арлин. "Является ли зародыш частью женского тела или это отдельное существо у него внутри? И... у нас действительно есть права, но также и обязанности по отношению к своему телу? Однако, я думаю, что по отношению к детям, нашим собственным детям существует

другой вид ответственности?

Чувствуем ли мы разницу между этими двумя видами ответственности — и понимаем ли вообще само слово "ответственность"? И если у меня есть ребёнок, скажем, на шестом месяце беременности женщина решает по какой-либо причине её прервать, возникает вопрос: поступает ли она безответственно по отношению к своему телу или чьему-то другому... *телу*? Когда именно возникает материнская ответственность? Я думаю, это главный вопрос, и ещё я думаю, что люди пытаются уйти от него всеми этими разговорами про зародыш, мол, какое это имеет отношение к материнству, мол, никакого материнского инстинкта нет или что-то в таком роде?

Очевидно, всё это нелепые разговоры, что материнского инстинкта не существует? Вопрос в том, когда именно он возникает? Когда на самом деле возникает эта связь между матерью и её ребёнком? Я знаю

людей, у которых был выкидыш, и они чувствовали, что была разорвана *связь*; когда она успевает завязаться? И это, я считаю, уже ответственность за *нечто другое*, а не просто за своё тело..."

Дженис запнулась и замолкла на середине предложения. Медленно, в несвойственной ей манере она сложила руки на коленях и тихонько посмотрела на Арлин. Арлин, со своей стороны, тоже приняла нехарактерную для нее позу, хотя, в отличие от Дженис, это изменение было более неуловимым. Её широкие, гордые плечи расслабились и округлились словно сложенные сзади крылья. Она не отводила от собеседницы своих блестящих чёрных глаз.

Остальные студенты, теряясь в догадках, кто сейчас будет отвечать, медленно вращали головами из стороны в сторону. В какой-то момент я сам уже хотел нарушить эту тишину. Но уже почти открыв рот, я поймал себя на мысли, насколько это было бы глупо

с моей стороны. Что бы сейчас ни происходило между этими двумя женщинами, оно становилось всё более и более осязаемым. Этот взаимообмен был очень утончённым и интенсивным — слово "сакральный" здесь вполне бы подошло. И наблюдая за всем этим, ощущая всё это, я внезапно вспомнил, что именно в этом и заключался смысл этого упражнения. Я поразился самому себе: как я мог хоть на мгновение об этом забыть?

Наконец, Арлин ответила: "Ты говоришь, что... здесь мы проводим различие между ответственностью женщины за своё собственное тело и её ответственностью за тело, развивающееся у неё внутри. Говоришь, что мы должны чётко определиться, где заканчивается её ответственность за своё собственное тело и начинается её ответственность как матери. Говоришь, что она должна решить, когда именно её плод становится *ребёнком*".

Не дождавшись меня, Дженис подалась

телом к Арлин и странно вибрирующим мягким шёпотом, слышимым и на самых задних рядах, ответила: "Всё верно".

ЛЮБОВЬ И ВЫСЛУШИВАНИЕ

То, что произошло затем, стало одним из наиболее волнительных моментов, которые мне когда-либо доводилось наблюдать в своём классе.

Арлин просто сидела молча, по всей видимости, обдумывая ответ. Ни у кого не было даже и мысли нарушить эту тишину. С Арлин происходило нечто, совершенно незнакомое для других студентов. Пыталась ли она отчаянно найти контраргумент? Может, да... а, может, и нет. Чувствовала ли она себя "побеждённой"? "Уделанной?" Не было ни малейшего тому признака. Хотя было очевидно, что внутри неё происходила борьба.

Что, в конечном итоге, она произнесла, удивило нас всех:

"Мне сложно что-то на это возразить", — почти прошептала она.

Все затаили дыхание, когда эти слова словно повисли в воздухе. Я видел, что Дженис готова была сорваться со своего места, чтобы, скорее всего, обнять Арлин. Класс не знал, что делать. Казалось, даже Арлин не осознавала произошедшую перемену с ней и благодаря ей — со всеми нами.

Возможно потому, что мне уже доводилось наблюдать нечто подобное, хотя и при других обстоятельствах, я с полной ясностью мог видеть, что на мгновение Арлин покорила этому другому качеству энергии в своей душе. В то же время, я ощутил, как это её внутреннее действие отразилось и в моём собственном существе. Во мне отразился её свободный дух, её любовь к истине — любовь не на словах, а на деле, сознательная энергия, объединяющая противоборствующие стороны, связующая людей в единое целое, любовь как истина. И это возможно благодаря тому, что

искренний нравственный акт в одном человеке вызывает нечто похожее в другом — именно поэтому мы просто не можем не чувствовать искреннее уважение и любовь к хорошему человеку. Мы сами становимся хорошими, чувствуя чью-то добродетель. И в такие моменты мы знаем, что нам действительно этого хочется, нам просто не может этого не хотеться. Что именно в этом заключается наше подлинное призвание в жизни.

Конечно, необходимы специальные условия, чтобы эта сила могла активно проявляться как в человеческом сообществе, так и внутри нас самих. При обычных внутренних и внешних условиях, в нашей повседневной реальности либо наш эгоизм блокирует подобные восприятия, либо нас обманывает чья-то искусственная добродетельность, либо, в конечном итоге, мы получаем шизофреническое раздвоение личности, при котором наша глубокая любовь к добру отходит куда-то далеко на задний план и мы

пользуемся своей "добренькой" личиной, коль скоро это отвечает нашим корыстным интересам. В итоге, мы становимся либо сентиментально наивными по отношению к себе самим и другим людям, либо развиваем ужасно циничный ("реалистичный") взгляд на вещи. Или хуже того — это, к сожалению, происходит сплошь и рядом — рост человеческого зла и жестокости пробуждает в нас мистические силы субъективного страха и ненависти, что становится благодатной почвой для разрастания зла.

Мы говорим о конкретном нравственном триумфе Арлин, триумфе обеих женщин, пытающихся размышлять вместе и искренне выслушивающих друг друга, и благодаря им — триумфе всех остальных в классе. Студенты недоумённо перешёптывались: проиграла ли Арлин "спор"? Если так, почему всеми это воспринялось как победа... в которой не было проигравших? Откуда был этот душевный подъём? Отчего в

классе воцарилась такая праздничная атмосфера? И это при всём при том, что мнение ни одного из участников, как и сами участники никем не были восприняты как "правильные" или "неправильные".

Да, это была всего лишь театральная репетиция ума, но какая! Возможно, этот краткий миг никоим образом не повлиял на дальнейшую жизнь студентов. Но какой это был проблеск человеческого потенциала, какой проблеск величайшей потребности в том, что мы называем "этика"! Подобный момент, называйте это, если угодно, моментом нравственного мистицизма или коллективной нравственной силы, не только позволяет нам лучше прояснить значение этики. В равной степени благодаря этому мы осознаём, насколько далеки мы от добродетели в нашей повседневной жизни, с нашим обычным внутренним состоянием и взаимоотношениями с миром.

"Мы можем здесь зайти с несколько иной стороны", — произнёс я, наконец.

Обращаясь к обеим женщинам, я спросил: "Что вы можете сказать об этом опыте взаимного выслушивания? Что вас больше всего впечатлило — необходимость усилий для выслушивания своего оппонента или *восприятие* своих взглядов на этот вопрос? Изменилась ли как-то ваша позиция, ваше мнение? Если да, то как именно?"

"Это очень сильное упражнение" — сказала Арлин; в тембре её голоса всё ещё чувствовалось её возвышенное внутреннее состояние. "Если вы должны в точности пересказать всё то, о чем говорит ваш собеседник, вы обязаны очень внимательно его выслушивать".

"И что это даёт, что это означает, чего это от вас требует?"

"Это требует полной концентрации" — сказала Арлин. "Это означает, что я действительно должна понять всё то, о чём говорит другой человек..." Обычно неподвижные глаза Арлин искали Дженис. Было ясно, что хотя она и обращалась ко

мне, сердцем она была вместе с Дженис.
"И это действительно меняет отношение".

"Как именно?"

"Я не могу с такой же силой цепляться за собственные убеждения, поскольку, выслушивая другого, я должна постоянно ослаблять самоконтроль".

Здесь я чуть не потерял дар речь.

"Прекрасно!" — сказал я. "Мы проживаем свои жизни, общаемся, спорим о чём-то, и нам никогда даже не приходит в голову кого-то выслушать подобным образом!"

Затем я повернулся к Дженис. Её руки теперь расслабленно лежали на коленях, а взгляд был устремлён к Арлин.

"Хотя Арлин сдала свои позиции, — сказал я ей, — уверен, что внутренне ты испытывала примерно то же самое, что и она".

Дженис посмотрела на меня и после безотчётного порыва сжать ладони мягко опустила свои руки на колени.

"Абсолютно!" — сказала она. "Очевидно, что нам обеим пришлось высказать намного больше, чем это изначально предполагалось, но я обнаружила, что слушаю человека, а не его аргументы..."

В порыве восторга я снова вмешался:

"Это самый главный урок во всём этом упражнении. Повтори, пожалуйста, что ты только что произнесла".

"Я слушала человека, а не его аргументы".

Я повернулся к классу. "Вы слышали?" — сказал я. "Вы понимаете, какое открытие они для себя сделали? Вы можете вечно с кем-то спорить и не соглашаться. Ваша точка зрения может быть диаметрально противоположной. Вы можете яростно отстаивать свои взгляды. Но если вы признаёте и чувствуете, что слушаете человека, не будет никакого насилия, не будет войн".

После долгой паузы я обратился к этим двум женщинам: "Спасибо! Вы обе прекрасны!"

Арлин поднялась и направилась к своему месту. Однако Дженис продолжала сидеть неподвижно. "Но постойте", — сказала она, сложив ладони и вонзив кончики пальцев в подбородок. "Что всё это будет означать, когда возникнет реальная необходимость принять какое-то решение? Сделать реальный выбор? Что тогда? Обсуждения — это, конечно, здорово, но *как насчёт реальных поступков?*"

В одно мгновение стихли все звуки (кроме тиканья часов). Арлин уже почти подошла к своему месту в переднем ряду у окна, но встала как вкопанная.

Профессор, то есть я, тоже словно окаменел. Вопрос, Один Вопрос опустился в нашу классную комнату и парил в ней как большекрылая птица-жизнь. Во многом благодаря только что проведённому упражнению вопрос о том, как же нужно поступать в реальной жизни, проникает в каждого из нас и доходит до самого "нутра", вызывая что-то между удивлением и

отчаянием. Тем же самым удивлением, с которым смотрят на бескрайнее небо, усеянное мириадами звёзд; тем же самым отчаянием, с которым обзеревают человеческие преступления на Земле, равно как и на душевный разлад и моральную слабость, в той или иной степени присущие каждому из нас...

~ ~ ~

В своей блистательной книге, Нидлман также говорит о духовной трансцендентности, связанной с наблюдением за собой или самосозерцанием:

"В дополнение к вашему заданию по чтению (мы уже подходили к концу *Медитаций* Марка Аврелия), хочу вам кое-что предложить. Это не будет каким-то образом оцениваться, то есть это дело сугубо добровольное. В ближайшие пару дней до

нашего следующей лекции вам нужно будет провести один эксперимент, как только вы почувствуете, что чем-то раздражены. Можете начинать сразу по выходе из класса, если угодно. Что вам нужно будет сделать — это просто внутренне *отделиться* и понаблюдать за своим раздражением или возмущением. Не пытайтесь что-то с этим делать. Не пытайтесь от этого избавиться, не оправдывайте и не оценивайте себя каким-то образом. Просто наблюдайте за этим состоянием и всем, что ему будет сопутствовать. Не пытайтесь что-то изменить или от чего-либо уклониться в этом своём внутреннем переживании. Задание понятно?"

Кивнуло лишь несколько голов и то как-то неуверенно. Очевидно, многие из них посчитали, что осознавать своё раздражение было для них вполне привычным делом.

"К примеру, — продолжил я, — вы видите свободное место на парковке, но кто-то прошмыгивает туда прямо перед вашим

носом. Или вы стоите в очереди, чтобы расплатиться в кассе, а перед вами стоит человек, покупающий какую-то мелочь, скажем, жвачку, и долго расплачивается кредиткой".

Студенты заулыбались, у них пробудился интерес.

"И тогда просто *понаблюдайте* за своим раздражением. Как бы внутренне отстранитесь от него. Каждый день, каждый час, порой, каждую минуту что-то нас возмущают или раздражают. Так что у вас будет масса возможностей попрактиковать это "философское" упражнение".

Я думал, что этим моё объяснение исчерпалось, тем более, что занятие уже подошло к концу. Но, увидев, что студенты просто тихо сидели с широко открытыми глазами и никто из них не смотрел на часы и не спешил складывать тетради и книги, я добавил:

"Это упражнение восходит к древней

философской практике, о которой Сократ умалчивал в конце своих диалогов. Однако веками она передавалась изустно, пока, наконец, благодаря рабу Эпиктету не достигла ушей императора Марка Аврелия. Отнеситесь к этому просто как к эксперименту".

В конечном итоге, только двое студентов провели этот эксперимент, и из этих двух лишь одна — правильно:

"Вчера, — сказала она, — по пути домой из школы я заехала в химчистку, чтобы забрать оттуда свои вещи, которые я оставила там несколькими днями ранее. Я дала работнице, маленькой азиатской женщине, свой чек. Она проверила все полки, посмотрела на меня и сказала, что мои вещи ещё не готовы. Меня это сразу же вывело из себя, я снова показала ей чек, где было чёрным по белому написано, что вещи должны были почистить ещё в среду.

Женщина просто ответила: "Не готово. Приходите завтра". И потом я ей сказала, кажется, переходя на крик: "Но мне же обещали сегодня!" Она хихикнула и просто сказала: "Не готово. Завтра приходите". Конечно, она смеялась не надо мной, и её смех был вызван смущением, но меня это взбесило.

Я уже собиралась уйти, со всей силой хлопнув дверью. И в этот момент я вспомнила нашу лекцию и упражнение. Я вспомнила слово "отделиться". И сказала себе: "Я раздражена. Такие дела". И внезапно, мне даже сложно это объяснить, внезапно во мне возникли как бы две личности".

Она сделала паузу, пытаюсь подобрать слова. И затем она просто повторила: "Во мне возникли как бы две личности".

Она снова сделала паузу. В классе стояла тишина. Наконец, она произнесла: "Я даже не думала, что мой ум на такое способен!"

"Способен на что?" — мягко спросил я.

"Ну, на это самое" — сказала она. "Одна личность внутри меня была раздражена, а вторая спокойно за всем этим наблюдала".

"И что было дальше?"

"Ничего особенного. Я все ещё очень сердилась на женщину и, одновременно — нет. Затем я словно услышала со стороны, как приятным голосом говорю ей "Спасибо", и просто ушла".

Что меня особенно поразило в её словах: *"Я даже не думала, что мой ум на такое способен!"*. Мысли лихорадочно крутились в моей голове. Я не хотел делать каких-то поспешных выводов из опыта одной лишь студентки, но не мог справиться со своим волнением: могло ли это всё быть правдой? Могло ли быть правдой то, что только некоторые люди не знают об этой способности отделяться от себя, этой способности *внимания* наблюдать за своими мыслями и чувствами, этом внутреннем

"раздвоении" благодаря такой простой и фундаментальной технике, лишь потому, что живут обычной, непрехотливой жизнью? Или целое поколение мужчин и женщин не имеет об этой способности ни малейшего представления?

Я настолько был погружён в свои мысли, что упустил из виду самый существенный момент во всём опыте Мери: внутренне отделившись от самой себя и наблюдая за своим раздражением, она смогла на какие-то мгновения освободиться от этого состояния и вежливо ответить азиатской леди, всё ещё будучи "раздражённой". Что важнее всего, она делала это естественно, без морализма или самовнушения, что, мол, раздражаться — это плохо и т. д., т. е. без внутреннего насилия над собой и неискренности, которые столь часто сопутствуют нашим "добрым делам" и нередко просто маскируют более низкие внутренние побуждения, впоследствии выплёскивающиеся, вероятно, с ещё

большей разрушительной силой на улицы нашей жизни.

Иными словами — она ощутила вкус, пусть частично и мимолётно, нравственной силы внимания. Просто наблюдая за своим раздражением она на какое-то мгновение очистилась от эмоциональной токсичности. Без какого-либо лицемерия или натуги она позволила проявиться чему-то более человеческому в себе, хотя бы уже в том, что смогла в самом конце сказать "Спасибо".

Я хотел прокомментировать открытие Мери, не используя слово "внимание", которое для большинства из нас просто является отдалённым синонимом "мысли". Для большинства из нас "уделить чему-то внимание" или "подумать о чём-то" — это приблизительно одно и то же. Тогда как истинное значение слова "внимание", по крайней мере, с моей точки зрения, в корне отличается от привычного нам мыслительного процесса.

Более того, как мне это видится, существует

множество степеней и уровней этой силы, называемой "вниманием". Нравственное и духовное развитие человеческого существа, в конечном счёте, во многом будет зависеть от достижения человеком этих более высоких уровней. Ко всему прочему, в переводах великих священных писаний эти высокие уровни внимания иногда называются "мыслью", "разумом", даже "рассудком", хотя речь идёт о чём-то неизмеримо более возвышенном...

~ ~ ~

Профессор Нидлман также предложил своим студентам упражнение на контроль за своим вниманием:

Чтобы продолжить всю эту затею с философскими упражнениями по ту сторону порога Сократа, то есть на улице нашей повседневности, я обязан был выяснить, находились ли остальные студенты, а не

только Мери Адиджиан, в таком же невежестве относительно способности своего ума отделяться от мыслей и эмоций. И если это так, следующим моим шагом было предложить им открыть в себе эту способность. В самом конце я бы обрисовал им, пусть и чисто схематически (в конце концов, кто я такой, чтобы претендовать на большее?), далеко идущие этические последствия применения или игнорирования этой способности в их собственных жизнях, а также в жизни всего человечества.

Следующим моим шагом, таким образом, было предложить им упражнение или серию упражнений, благодаря которым они постепенно смогли бы открыть в себе эту способность, а также начать её практиковать в неких заданных рамках.

"Начиная с сегодняшнего дня и до вторника, — сказал я в конце лекции, — выберете момент, чтобы выключить фильм или передачу, одним словом, какое-то видео,

которое вы будете смотреть где-то на середине. Затем тихонько встаньте, можете попить воды или заняться чем-то ещё в ближайшие десять-пятнадцать секунд или, может, тридцать. И затем так же тихонько вернитесь на своё место и возобновите просмотр.

Наша задача — изучить субъективную сложность переключения внимания. Уже затем, выключив видео, понаблюдайте за собой, насколько вам легко заняться другим делом без ощущения внутренней опустошённости. В самом конце сядьте у экрана, немного соберитесь, включите фильм или что вы там смотрели и попытайтесь уловить тот момент, когда ваше внимание снова начнёт поглощаться экраном.

Важно, чтобы вы сделали это упражнение на каком-то интересном месте, а не, скажем, во время рекламного ролика. Это нужно сделать, когда вы буквально приклеены к экрану — вы понимаете, что я хочу сказать?"

Студенты восторженно заулыбались.

Я продолжил:

"Вы также можете сделать это упражнение во время просмотра фильма в кинотеатре. Посреди какой-то сцены встаньте и выйдете на несколько минут из зала, внутренне соберитесь и снова займите своё место. И после снова понаблюдайте за тем, как вас засасывает действие фильма".

Лекция закончилась.

Пока студенты укладывали свои вещи, кто-то спросил: "А что нам читать?"

"Продолжайте читать Марка Аврелия" — ответил я.

И затем я услышал голос с приятным мексиканским акцентом:

"Профессор, а что означает "внутренне собраться"?"

Несколько студентов уже вышли из класса, но большинство замерло, ожидая моего ответа.

Вопрос застал меня врасплох, и мне не хотелось отвечать как-то шаблонно. Через несколько секунд, я, наконец, ответил: "Это означает позволить себе внутренне успокоиться, чтобы к вам могло вернуться ваше рассеянное внимание".

Студент (его звали Октавио) торопливо бросил: "Спасибо, профессор". Как будто сработал невидимый переключатель — и аудитория снова наполнилась разговорами и движением к выходу.

Нидлман проделал это упражнение и сам:

Хотя в течение многих лет я сам неоднократно проделывал это упражнение, я решил "тряхнуть стариной" на выходных.

Сначала я испытал тот же самый шок, что и раньше, то есть меня поразило мощное внешнее воздействие телевизора на моё внимание и то внутреннее сопротивление, когда я хотел оторваться от экрана.

Дело было не в том, что мне как-то особенно нравилось шоу или передача, которую я смотрел, или что это вызывало во мне приятные или не совсем приятные оттенки каких-то эмоций, скажем, любопытства или страха. Конечно, это тоже имело место быть. Но я испытал самый настоящий шок от того, что мне хотелось продолжать сидеть в своём кресле в состоянии какой-то прострации. Иными словами, в поиске оправдания тому, чтобы не отключать телевизор, я осознал, что мне нравилось моё состояние прострации намного больше, чем ощущение присутствия в настоящем моменте.

Когда же я попробовал это упражнение во второй раз, прояснилось ещё кое-что. Мой опыт ещё более наглядно продемонстрировал этическое значение этого, в общем, несложного упражнения, предназначенного для изучения способности ума временно освобождаться от потока внутренних импульсов, мыслей и

образов. Дело в том, что все эти импульсы, мысли и образы вызывают те же эмоциональные реакции, которые обуславливают наше поведение в обычной жизни.

В тот момент я смотрел судебную драму "Закон и порядок". Во время просмотра я вспомнил об упражнении по крайней мере раз десять, но мне всё не хватало решимости нажать на пульте "Стоп". Судебный процесс уже подходил к своей кульминации. И тут, без каких-либо внутренних уговоров, словно делая прыжок с трамплина после долгого колебания, я выключил телевизор.

Меня не удивила мгновенно наполнившая меня сладостная тишина, и я не преминул воспользоваться моментом, чтобы как следует ей насладиться. Не вызвало у меня удивления и то, что меня уже совершенно не интересовала развязка фильма, который держал меня в таком напряжении всего несколько мгновений тому назад. Что меня

удивило и вызвало живой интерес — так это совершенно новое понимание того, как именно моё внимание возвращалось ко мне из внешнего мира. Я очень отчётливо осознал, что внимание принадлежало мне. Оно было *моим*; оно было *мною*. Это было подобно субстанции, потоку сознательной субстанции, моим "я", возвращающимся и снова входящим в меня, в моё тело, расположившееся в кресле. Возвращалась моя *самость*.

И наряду с этим уникальным чувством я испытал сильное удивление с некоторым оттенком стыда и примесью страха от того, настолько беспечно я позволил своей самости от себя отдалиться — *без тени беспокойства*, словно беспечный пастух, позабывший о своём стаде. Как я мог это допустить? Почему я не ощутил, что мне не хватает моего внимания, моей самости? А вдруг бы оно никогда не вернулось?

До этого мне очень часто доводилось слышать мысль: "Я есть моё внимание". Но

после упражнения для меня это уже было не просто чьё авторитетное мнение, а пережитый опыт. И впоследствии я лишь многократно убеждался в значимости своего открытия, и его смысл открывался мне всё глубже.

Упражнение сделали лишь считанные единицы — остальные студенты его проигнорировали или попросту о нём забыли. Среди единиц был Октавио:

Словно пробуждаясь ото сна, я услышал мягкий голос Октавио Замбрано, сидевшего в середине второго ряда:

"Профессор, можно задать вам вопрос?"

"Да, Октавио, пожалуйста", — сказал я и обошёл стол, чтобы встать к нему поближе. Мне было приятно наблюдать за улыбчивым и немного болезненным Октавио Замбрано с его светло-коричневым сияющим лицом и прямодушным взглядом тёмных глаз. Мне всегда нравилось, когда он обращался ко

мне одним-единственным словом "Профессор". Это было обыкновением всех мексиканских студентов, словно в одном этом звании заключалась вся моя сущность.

"Профессор, — скромно сказал он, — могу я кое-что уточнить о предложенном Вами упражнении?"

"Конечно", — сказал я.

Мне ничего не было известно об Октавио, кроме того, что он, по-видимому, только недавно вышел из юношеского возраста. Также от моего внимания не ускользнули его необычайно утончённые манеры и жажда к разного рода познаниям, особенно связанным с философией.

"Я сделал это упражнение не с телевизором, — сказал он, — потому что у меня нет телевизора, а на этой неделе я не ходил в кинотеатр. Но я решил попробовать это с компьютером, потому что, в принципе, это одно и то же, не так ли?"

Внезапно все взгляды устремились к

Октавио. Если представить студентов кошками или собаками, можно было сказать, что все они наострили уши.

"Продолжай", — сказал я.

"В общем, профессор, всё это довольно странно. Я решил попробовать это упражнение с компьютером, потому что уже давно замечаю, что он стал для меня чем-то вроде наркотика. Когда я нахожусь в сети, то как бы попадаю в сумеречную зону. Я могу сидеть так часами, не ощущая времени. И когда, наконец, я чувствую, что мои силы на исходе и выключаю компьютер, у меня возникает ужасное ощущение, что я растратил себя впустую..." Октавио смущённо замолчал. Его светло-коричневая кожа покраснела.

Острые кончики кошачьих и собачьих ушей вибрировали.

"Мы даже организовали в общежитии клуб, там около двадцати человек. Это что-то вроде клуба двенадцати ступеней, мы

называем его "Клубом завершения сеанса". Мы стараемся помочь друг другу бросить эту привычку, из-за которой, по нашему мнению, мы растрачиваем впустую наши жизни".

Мои собственные уши уже завибрировали. Мне очень захотелось как можно больше узнать об этом клубе. Но я попросил Октавио продолжать.

"На прошлой неделе, — сказал он, — когда я садился за компьютер и думал об упражнении, иногда мне удавалось его выключить, и потом я включал его снова. Но когда я уже был в сети и вспоминал об упражнении, то просто не мог себя контролировать. И это было не просто невозможно — я даже не замечал, что игнорирую упражнение. То есть я как бы это осознавал, и как раз об этом и хочу вас спросить: у меня было странное чувство, что просто думая об упражнении, я как бы его делал! Я чувствовал себя так же хорошо, как если бы я его выполнил! *Думать* о нём

было настолько же приятно, как и *делать!*"

С Октавио уже ручьями стекал пот. Что касается меня, то я был поражён значимостью его наблюдений и глубиной эмоциональной реакции. Я даже не предполагал, что благодаря этому упражнению мы сможем опытным путём вскрыть механизм лицемерия, который сопровождает нас по жизни и позволяет нам раз за разом предавать наши этические идеалы, оправдывать себя, что мы делаем что-то хорошее или, по крайней мере, всё от нас зависящее.

В тот момент мне не хотелось говорить Октавио, что искренность, с которой он описывал свой самообман, была, вероятно, ключом к подлинному этическому элементу во всём его открытии. По крайней мере, это справедливо до тех пор, пока кристальная искренность или чистота внимания не вытесняется, как это зачастую бывает, болезненной лживостью вины с её убаюкивающими обещаниями исправиться

или оправданиями эго. В любом случае, обе эти реакции препятствуют внутреннему усвоению этого ценного осознания. Надеюсь, мне ещё предоставится случай поговорить об этом невероятно значимом наблюдении.

~ ~ ~

В предлагаемом ниже диалоге показано, как самосозерцание может быть обращено против зависти — одного из самых губительных человеческих пороков (не зря я так подробно остановился на ней в "Космологии"). Этот пример, пусть и в теории, демонстрирует универсальность этой практики:

- Зависть, у тебя зависть.
- А что у меня есть помимо чувства зависти?
- Осознание, что зависть — плохо.
- Это осознание — тоже я?
- Да, оно часть тебя.

- А какая из этих частей перетягивает во мне канат?
- Та, которой даёшь больше внимания.
- И всё?
- И всё.
- А посокрушаться?
- Осознания, что зависть — плохо, достаточно. Если хочешь, сокрушайся, но есть риск, что это одновременно добавит веса и твоему завидующему "я". Лучше просто признать себя... сложносочинённым, разнокомпонентным, без вины в этой связи на одном полюсе и гордости — на другом.
- Иными словами, есть "я", которое осознаёт в себе и зависть, и неудовольствие этим чувством, но не даёт себе некой окончательной нравственной оценки?
- Да. Оно как бы немного парит над всем этим. Есть шанс, что через это "я" в сознание вольётся подлинное сорадование.
- А откуда возникает это сорадование?
- Сорадование возникает Оттуда.
- А может всё-таки посокрушаться?
- Пока будешь сокрушаться, глубинная

часть твоего "я" будет за этими сокрушениями наблюдать. Не лучше ли сразу прыгнуть в наблюдательный пункт?

— А разве можно?

— Целиком всё равно не допрыгнешь. Там разберутся, за какие подмышки тебя подхватить и как постепенно затянуть всё остальное.

— Это работает только с завистью или...?

— Или.

— Ладно, давайте билет.

~ ~ ~

"я", которое осознаёт в себе и зависть, и неудовольствие этим чувством, но не даёт себе некой окончательной нравственной оценки". Просто, т. е. безоценочно наблюдать за собой, может на поверку оказаться не так-то просто — этому будут препятствовать накатанные схемы ума уже одной только силой инерции. Иными словами, самосозерцание подразумевает не только пассивность, но и, при

необходимости, активное отсечение всех ложных отождествлений, выдающих себя за "я". В православном христианстве, к примеру, это называется работой с прилогами. Во многом этому (и не только этому) посвящено следующее моё эссе:

В известной библейской истории жена Лота, оглянувшись на чавкающей огненной серой Содом, превратилась в соляную статую, попросту говоря — окаменела. Оглянуться и окаменеть — такова судьба и некоторых чисто сказочных, т. е. небиблейских персонажей.

Ум, равнодушный или мало что знающий об изысканиях Карла Юнга, наверное усмотрел бы в этом любопытный сюжетный ход или, если говорить о судьбе Лотовой жены — неизъяснимые пути Господни, коль скоро ум принадлежит человеку верующему. Юнг же к историям в священных текстах, сказкам, легендам и мифам относился намного серьёзнее, чем того можно было ожидать от высокообразованного человека с научным

складом ума. Он усматривал в этом "материале" – и имел на то веские основания – глубинные психологические истины. К примеру, он детально анализирует суру "Пещера" и показывает её в довольно непривычном, по крайней мере, для правоверного мусульманина, свете, исходя из логики глубинного психического развития. И в этой логике там как-то очень всё хорошо укладывается.

Лично мне неизвестно, имеется ли у Юнга подобный анализ исхода семьи Лота из Содомы и усмотрел бы он там вообще что-то "юнгианское". Но лично у меня есть пара соображений о том, в каких случаях оглянуться и окаменеть означает нечто большее, или более психологически и нейробиологически значимое, нежели просто библейскую легенду (если угодно, историю) или сказочный вымысел. Вероятно, этот мой анализ Юнг бы счёл, по крайней мере, небезнадёжным.

В индуизме если понятие "двиджа", т. е.

"дваждырождённый". По моему глубокому убеждению, оно тождественно "рождённому свыше" христианской традиции. Углубляясь дальше в христианство (к индуизму ещё вернусь), рождение свыше — если не окончательное спасение, то важный водораздел между бесполезным, лишним, ветхим и обóженным новым. Ещё сказано (в Евангелии от Марка), что не наливают новое вино в ветхие мехи. И последний штрих (оттуда же): спастись может лишь тот, кто желает не сохранить душу свою, а, наоборот, потерять её во Христе, т. е. в Боге.

Что такое желать сохранить свою душу? По сути, это отождествлять себя со своей памятью, делами, какими-то обстоятельствами и не мыслить себя чем-то за пределами этого, читай новым вином. Ну или виноградным соком. К слову, отказ от пророков Божиих, вне зависимости от географии и традиции, происходил практически всегда именно от желания

людей сохраниться. Если утрировано, то, мол, так жили наши отцы и деды и заповедали так жить и нам, а тут является какое-то чудо-юдо. В этом свете, традиционализм — зло и оправдан может быть лишь в одном случае: если он обучает душу, как потерять себя в Боге, а также даёт исчерпывающие критерии того, как отделить истинных пророков от безумцев и злодеев.

Возвращаясь к индуизму, в частности, к одному из его многочисленных и, пожалуй, одному из достойнейших его ответвлений адвайта-веданте, в этом направлении наличествует техника "нети-нети", которую можно перевести как "не-я". Применяется она следующим образом: что бы соискатель, или на индийский манер садхак, ни обнаружил в своём сознании в виде той или иной мыслеформы, всё это как бы срезается бритвой "не-я", исходя из того представления (оно одно-единственное не срезается), что Бог — бесформенен, а стало быть всё, имеющее форму — не Бог. А если

что-то — не Бог, то и пусть его. Эта техника, конечно же, накладывается на определённые этические нормы, не столь далёкие от христианских, и ритуалы (довольно далёкие от христианских), и всё это вкуче должно привести к растворению "я" в бесформенном высшем "Я", Атмане. Перекликается ли это "технически" с христианским трезвением и потерей души-христианки в Боге? Как по мне, полный унисон.

У всех этих психических реалий должны быть и физические инструменты выражения, в частности, нейроны головного мозга. Если под Содомом понимать нечто более узкое и личное, скажем, осквернённую чем-то память, равно как и соответствующие этому нейроны, то божественным очищением должно быть в т. ч. "выжигание" этих нейронов и прокладывание новых нейронных путей для обновлённой памяти, читай Лотовых дочерей, благодаря нейропластичности мозга.

Если Вы слушали отвратительную музыку; смотрели что-то очень скабрёзное или трешовое и/или совершали что-то недостойное, то перед тем, как Вы сможете слиться с Богом, воспоминания обо всех этих вещах должны быть, после соответствующего покаяния, если не выжжены, то хорошенько приглушены в Вашем сознании. В этом смысле, копание в прошлом будет сродни обернувшейся Лотовой жене, чьё имя даже не упоминается в Библии, да и сама она, по-видимому, обладает не большей ценностью {для Бога}, чем соляной столп.

Или на аудиенции с Богом Вы собираетесь смаковать свои впечатления о недавно просмотренном порнографическом фильме?

~ ~ ~

Как бы ни были действенны методы, описанные выше, духовная трансцендентность ими не исчерпывается

— в идеале, они должны сочетаться с другими элементами духовной практики. Попробую выделить основные из них.

Карл Юнг, скажем, пришёл к выводу, что большинство неврозов возникают из-за искажённых представлений о Божественности. На мой взгляд, сам этот труд предлагает в этом плане вполне рабочий образ (даже для буддистов). Иначе говоря, здесь даются вполне здравые (как по мне) и исчерпывающие представления о реальности, а также Реальности, внутри которых частицы внимания могут свободно циркулировать (если кому-то ближе броуновское движение — пожалуйста).

Далее. Во всех мировых религиях правой руки существует практика молитвы. Она варьируется от просьб о ниспослании физического здоровья, упокоении души и других по-человечески понятных моментов до того, что, скажем, в христианстве называют *умной молитвой*. Какова роль ума в умной молитве? В т. ч. честное созерцание сопутствующих молитве эмоций. При таком

подходе молящийся, к примеру, может обнаружить, что... не любит Бога, т. е. объекта молитв. В такой честности, однако, будет намного больше шансов к Нему прийти и, в конечном итоге, полюбить Его, нежели от механических повторялок. Слово Кабиру:

*Какая польза от молитвы,
покаяний, поклонений,
когда твоё сердце
любит другого?*

*Друг, привяжи себя к Мадхо;
одной лишь мудростью
ты не достигнешь Чатурбхуджа
(пауза)*

*Отбрось жадность
и угождение другим,
отбрось похоть,
гнев и гордыню.*

*Религиозные практики
привязывают людей к себе:*

*они собираются все вместе
и поклоняются камню.*

*Кабир говорит: "Я нашел Его через
преданность;
став простодушным,
я встретил Рагхураи".*

К слову сказать, у Кабира есть довольно поэтичная метафора Кундалини — "вода Рамы". Стоит, наверное, напомнить читателям, что Кундалини (Невеста, Масло оливы благословенной и т. д.) и есть по сути возвышенная любовь к Богу, тоска по Нему, играющая ключевую роль в просветлении сознания:

*Горя, я нашёл воду Рамы —
она охладила моё пылающее тело.*

*Хоть уйди в леса,
чтоб убить эго —
не найдёшь Бхагавана
без этой воды.*

Огонь сжигал

*и богов, и людей —
вода Рама спасла
Его рабов.*

*Среди океана мира
есть оазис покоя;
хоть пей из него вечно —
он не иссякнет.*

*Кабир говорит:
"Славь Сарангпани —
вода Рамы
утолила мою жажду".*

Когда я говорю о "мембранах", т. е. рамках, внутри которых существуют религии, в этом нет никакого пренебрежения и противоречащего духовной трансцендентности. Образно говоря, если при завершении строительства храма все лесá убирают, то в *Божественном "я"* многие из них остаются как бы навсегда вмонтированными. Нравственность, т. е. плюс-минус Десять заповедей — один из примеров *хорошей* мембраны. Соблюдение личной гигиены, детально проработанное в

исламе или, скажем, индуизме, а также запрет на алкоголь и наркотические вещества — это *хорошо*. Целомудренные одежды, особенно для женщин — *прекрасно!* (Исламские бурки в этом плане, как по мне, являются перебором).

Возвращаясь к Десяти заповедям, заострюсь на заповеди "Не прелюбодействуй". Эти слова следует толковать намного шире, чем просто сохранение супружеской верности. Сексуальность должна, как это уже было сказано много раньше, выражаться через *благоприятные* формы. Почему? Да потому, что Бог, в противном случае, будет испытывать брезгливость от контакта с такими "я". Напомню, благоприятность следует понимать как сплав этики, эстетики и функциональности, и если на сексуальный акт могут быть разные этические и эстетические взгляды, то заложенная в него природой функциональность, а именно продолжение рода, ни у кого не должна вызывать сомнений. Скажем так, нижняя чакра должна сопрягаться с нижней, причём таким образом, чтобы, в случае чего, от

этого союза мог родиться ребёнок. Низ — к низу, верх — к верху. Что касается всех остальных комбинаций, лично я не могу дать никакой гарантии, что "Я" не посмотрит на всё это без отвращения и включения своей центробежной силы.

Немаловажный момент — взаимодействие с природными элементами. Даниил Андреев, скажем, всегда по возможности ходил по земле босиком; мусульмане перед молитвой совершают омовение; в христианских церквях горят свечи и дымится ладан; в индуистских и буддистских храмах воскуриваются благовония. Ритуальные омовения имеют место и в индуизме, как и хаваны, церемонные подношения священному огню, а также особые техники йогического дыхания. Некоторые смотрят на восходящее солнце. И так далее. Если не вдаваться в метафизику, все перечисленные вещи являются, по сути, техниками "тонкого" очищения, читай высвобождения частичек внимания, в дополнение к тому же самосозерцанию или совместному размышлению.

Возможен ли здесь какой-то универсальный рецепт? Иными словами, если не только мусульмане и индусы, но и христиане (и все прочие) начнут перед молитвой омывать стопы и руки, использовать свечу или иной источник огня для очищения, ходить по земле босиком, смотреть на восходящее солнце, делать дыхательные упражнения и т. д., будет ли от этого прок? Несомненно, какие-то из этих вещей можно заимствовать из других традиций либо реанимировать в своей собственной. Однако, когда речь идёт о гармонизации самости, т. е.

"выпрямлении" её либо в сторону *солнца*, либо *луны*, необходимо знать точно, *что* и *как* делать, чтобы себе не навредить. Иными словами, важен индивидуальный подход.

Наконец, о представителях и...

"представителях" *Пути*.

Преклонение, буквальное и фигуральное, перед теми, кто не уполномочен *Путём*, особая к ним внимательность не из плотного поля чистого внимания, а внимания податливого, доверчивого,

наносит сильный удар по нижним регионам самости, как о том уже говорилось в "Религиоведении". Иными словами, частички внимания попадают к "представителям" в плен, что весьма затрудняет их путешествие в сторону "Я". Напомню, что внимание — величина фиксированная.

С другой стороны, непризнание, враждебность к тем, кто имеет к *Пути* самое непосредственное отношение, также для самости не пройдёт даром — как минимум, перетекание частичек внимания к "Я" будет неполным. Честнее всего здесь сохранять своего рода нейтралитет, применять формулу "Аллах знает лучше" (или, если угодно, "Будда знает лучше", если под Буддой понимать космическое сознание, Великую Пустоту, с которой слился Гаутама Будда).

Если с учётом всего проговорённого последователи разных традиционных религий, точнее сказать, частички их внимания, подобно форели, идущей на

нерест, проделают долгий и извилистый путь к "Я", в т. ч. очищаясь по пути благодаря интуитивно подобранным природным элементам; обходя, полагаясь на чутьё и здравый смысл, лже-представителей; и, как минимум, сохраняя нейтралитет к представителям *Пути* вне своих "мембран" — если их внимание очистится, станет плотным, просветлённым и любящим, лично я только возликую. Вопрос в том, что, собственно, их на это сподвигнет, и на что они смогут без опаски опереться.

Этот же вопрос можно поставить иначе: существует ли интеррелигия, та самая Роза мира, о которой провозвестил Даниил Андреев, позволяющая каждому выработать свой уникальный путь к "Я", читай облагораживаться, с наиболее точными "дорожными указателями" и *достоверной* духовной опытностью, коль скоро все правила "дорожного движения" соблюдены? Лично у меня есть свои соображения на этот счёт. Изложу их в следующем — заключительном — разделе.

МОЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

Я практикую Сахаджа йогу. Шри Матаджи, основательница этой практики, говорит о себе как о воплощении (аватаре) Богини Матери, читай Святого Духа, главным подтверждением чего является Её способность массово пробуждать Кундалини. Собственно, Сахаджа йога провозглашается Ею не просто как духовная практика, а ни много ни мало — христианский Страшный Суд, исламский День Воскресения или индуистское явление Кальки. Читателям здесь позволено взять небольшой тайм-аут.

Когда Клайв Льюис в своём *Просто христианстве* размышляет о Христе, в т. ч. об экстраординарных заявлениях последнего (Первого и Последнего) о своей исключительной божественной природе

("Никто не приходит к Отцу, как только через Меня" и т. д.), то Льюис делает вывод, что подобные заявления могут быть либо абсолютной правдой, либо абсолютной ложью — ничего посередине. Либо "да, да", либо "нет, нет". Ровно ту же самую логику можно применить и к Шри Матаджи: либо Она — действительно аватар Богини Матери, либо лже-пророк, а следовательно — имеет самую непосредственную связь с князем мира сего или, на исламский манер, шайтаном, побиваемым камнями, или, скажем, индуистскими рáкшасами (если кому-то больше нравится — асурами).

Вероятно, читатели уже догадались, как я сам для себя ответил на этот вопрос.

Учитывая всю претенциозность заявлений Шри Матаджи, а также всего, что логически из этого проистекает, считаю долгом расшифровать своё "да, да", пусть даже для этого придётся раскрыть какие-то личные, интимные моменты. Для полноты картины начну издалека, чуть ли не с "младых ногтей", местами увязая в, казалось бы, ненужных подробностях — в моём

повествовании абсолютно всё, от начала до конца, будет иметь гносеологический вес.

Итак, моя гносеология:

В раннем детстве мне то и дело снились кошмары без явных тому толчков из повседневности. Из наиболее врезавшегося в память:

*~ Сижу у костра в компании
незнакомцев, и вдруг один из них мне
заявляет, что сейчас меня зарежет.
Отшатнувшись от них, я взлетел и
оказался лежащим на кровати на
попечении женщины в белых одеждах,
которая укрыла меня белой
простынёй.*

*~ Окружающая меня местность
напоминает неоконченную стройку
или полуразвалившееся здание.
Переходя через металлический мостик
чувствую, что внизу, в мутном воде,
находится нечто, от чего мои*

*движения и сердце сковывает ужас.
~ За мной гонится злобная, уродливая
старуха; мы добегаем до дерева и
начинаем вокруг него наматывать
круги. Затем я отшагиваю в сторону и
просто наблюдаю, как старуха
продолжает кружить вокруг дерева.*

Можно привести ещё пару-другую примеров, но лучше "соль": если сны отражают духовную или метафизическую реальность, с её тёмной стороной я свёл знакомство довольно рано. Впрочем, кажется, не обошёл меня вниманием и Свет.

Лет с четырех-пяти у меня развивается логоневроз. Казалось бы, в этом штришке нет ничего примечательного. Однако, годы спустя — через какое-то количество абзацев — откроется более глубокий пласт моего речевого дефекта.

Подростком я слушал, помимо прочего, дэт-метал (death metal). Впоследствии, когда

появилась возможность ознакомиться с текстами некоторых композиций, я был ошеломлён их запредельной жестокостью и извращённостью, а некоторые вообще оказались воспеванием хвалы дьяволу. Хотя тяга к подобной музыке долгое время не "выветривалась", в конечном итоге, я с ней простился навсегда. Как и логоневроза, этой темы ещё коснусь.

Когда мне было примерно лет четырнадцать, тьма (в метафизическом смысле) дала о себе знать довольно бесцеремонным образом. Как-то я лежал в кровати и, к моему ужасу, меня вдруг стало затягивать как бы "внутрь и вниз", при этом моя личность, моё "я" дробилась на части, я буквально сходил с ума. Это сопровождалось чувством сильнейшего удушья. Сколько это длилось — точно сказать не могу, но, в конечном итоге, моё ощущение "я", к моей неизъяснимой радости, восстановилось. Ничего подобного со мной не случалось ни до, ни после этого.

В те же самые подростковые годы моё отношение к Богу окончательно переросло во враждебное неприятие. Ещё ребенком я подспудно знал, что Он существует и, в том числе, пребывает в курсе всех моих дел (и делишек). С другой стороны, всё более познавая жизнь, мне сложно было соотнести всемогущество, всеведение и всеблагость Бога с какими-то вопиющими несправедливостями, происходившими и всё еще, к сожалению, происходящими в нашем мире. Даже когда позже во время учёбы в университете во мне пробудилась не столько тяга к знаниям, сколько духовная жажда, мне хотелось вынести Бога как можно дальше за скобки.

Так или иначе, в какой-то момент благодаря своему однокурснику (назовём его Алексеем) я познакомился с Сахаджа йогой. До этого из разных источников я уже вынес довольно противоречивые сведения о Кундалини, энергии, находящейся то ли в основании позвоночного столба, то ли на

уровне промежуточности, то ли где-то в области желудка; связанной то ли с сексом, то ли не имеющей к нему никакого отношения; то ли несущей опасность своим пробуждением и вызывающей какую-то дикую побочку, то ли изменяющей сознание деликатно или, по крайней мере, без особых эксцессов. Все источники, однако, сходились в одном: пробуждение Кундалини и поднятие её до самой макушки головы или так называемой "седьмой чакры" выводило сознание в некую иную, более высокую реальность. Согласие было в ещё одном пункте: событие это незаурядное, элитарное, требующее определённого этического кодекса и "инструментария", будь то йогические асаны, дыхательные упражнения, практики визуализации, тантрический секс, подрезание языка и т. д.

По словам же Алексея, пробуждение Кундалини в Сахаджа йоге было чем-то спонтанным и не требующим особых усилий. Т. е. достаточно было выполнить

некий "протокол", т. е. произнести ряд утверждений, сопровождаемых определёнными жестами. При этом использовалась фотография или видеозапись со Шри Матаджи Нирмала Деви — основательницей Сахаджа Йоги: от неё, если верить Алексею, исходили как бы приглашающие Кундалини "вибрации". Главным признаком её пробуждения был "ветерок", прохладный или тёплый, выходящий из темечка, и, в идеале, так называемое "осознание без мыслей", т. е. ментальная тишина.

Алексей также дал понять, что в самом начале поднимутся, скорее всего, лишь несколько "нитей" Кундалини; более полное её пробуждение зависело от серьёзности дальнейшей практики.

Что подкупало: производил он впечатление человека вменяемого, более того, духовного. В конечном итоге, после некоторого общения с ним я решил, что ничего не потеряю, если проведу над собой

этот эксперимент.

Когда я пришел на "школу" по Сахаджа Йоге и выполнил протокол пробуждения Кундалини, ничего особенного я не почувствовал ни в плане "ветерка" над головой, ни "осознания без мыслей".

Показалось, правда, что в зале очень похолодало, но сам себе я это объяснил скорее естественными, нежели сверхъестественными причинами.

Интуитивно, было скорее приятие, чем неприятие Шри Матаджи (просматривали отрывок из её лекции), так что я был готов к дальнейшему экспериментированию.

Я взял фотографию Шри Матаджи и пошёл домой. Точно уже не припомню, пробовал ли я медитировать тем же вечером перед сном, но фотографию Шри Матаджи поставил у изголовья кровати. Здесь стоит сказать, что в те дни я обычно засыпал под музыку природы — у меня был маленький кассетный проигрыватель, и когда запись подходила к концу (к тому моменту я уже,

как правило, принимал активное участие в каком-нибудь сновидении), проигрыватель сам собою выключался. В тот день я не изменил этой своей традиции — из проигрывателя лились звуки дождя.

Пробудившись посреди ночи, во-первых, я сразу обратил внимание, что играла совсем другая музыка — что-то такое мрачно-готическое. Но по-настоящему меня встревожило нечто другое: я почувствовал постороннее присутствие в комнате и не где-нибудь, а на моей собственной кровати. В области ног вырисовывался чёрный силуэт — чернота его выделялась даже на фоне ночной темноты — от которого исходили волны ненависти до жжения в моём сердце, и так уже колотившегося от страха. Я не нашёл ничего лучшего, как мысленно воззвать к Шри Матаджи. Не помню никаких особых "спецэффектов", но вскоре я уже засыпал с ощущением безопасности и более естественным сердцебиением.

На следующий день мне нужно было как-то

самому себе объяснить этот ночной опыт. По большому счёту, объяснений было два: либо что-то очень "тухлое" было в Сахаджа йоге, либо — во мне. Я порылся в своей памяти, кое-что сопоставил и, в общем, склонился к тому, что тьма исходила скорее от меня, а Сахаджа йога, точнее сказать, Шри Матаджи её просто разворошила. Я решил какое-то время позаниматься и понаблюдать за другими йогами прежде чем выносить какой-то окончательный вердикт.

Небольшое отступление-"справка". В Сахаджа йоге под *вибрациями* понимают ощущения на ладонях и пальцах рук, макушке головы и внутри тела в виде ритмичных "веяний" или пощипываний, или покалываний, или онемения, или боли. Считается, что прохладные вибрации знаменуют собой божественность, чистоту, истину. Всё остальное ассоциируется с какими-то "загрязнениями" и "отклонениями". Как чистые, так и нечистые вибрации могут обладать разной

интенсивностью.

"Вибрационное сознание" или способность чувствовать вибрации возникает, собственно говоря, благодаря поднятию Кундалини до седьмой чакры на уровне темени (Считается, что главных чакр или энергетических центров — семь; на физическом уровне они соответствуют основным нервным сплетениям и центрам, начиная от тазового и вплоть до головного мозга), а качество чувствительности зависит, в основном, от состояния чакры на уровне гортани — так называемой *Вишуддхи*. Пока что этой справки должно хватить.

Итак, я стал практиковать Сахаджа йогу. Поскольку мне нужно было окончательно разобраться, откуда у этой йоги растут ноги — "сверху" или "снизу", вкратце изложу, из чего складывалась эта ясность.

В первые недели или, возможно, месяцы занятий Сахаджа йогой у меня было несколько довольно знаменательных снов (порядок не хронологический):

~ Я нахожусь в доме на морском берегу. Внутрь забегают волна, подхватывает меня, и вот, я уже плыву в открытом море. Стоят сумерки, практически ничего не видно, но в какой-то момент в морской глубине вспыхивает свет. Я ныряю и плыву к источнику этого света, растворяясь в его ласковых лучах и... просыпаюсь. Такого чувства необыкновенной лёгкости, свежести, радости после пробуждения, пожалуй, я больше никогда не испытывал.

~ В нескольких метрах от меня выстроены в ряд какие-то малосимпатичные личности. Мы смотрим друг на друга, и хотя внешне я их не узнаю, всё же улавливаю, что они связаны со мной, причём связь эта не сулит мне ничего хорошего. Что-то меня побуждает от них отвернуться, и передо мной тут же разворачивается прекрасный вид на горы и лес. Вдобавок,

меня овеивает приятной прохладой.

*~ Над морем проносится чёрный смерч.
Из его центра возникает существо,
напоминающее монстра из фильма
"Чужой". Во лбу у него горит красная
перевернутая пентаграмма (обычно,
подобной символикой пользуются
сатанисты).*

*~ На моей левой руке сидит,
присосавшись множеством присосок,
чёрный осьминог. Ощущение при этом
жгуче болезненное.*

*~ Иду через лес с факелом в руке, то и
дело уворачиваюсь от змей. В конечном
итоге, я оказываюсь в пещере. Стоя там
по щиколотки в воде, своим маленьким
огоньком пытаюсь рассеять уже
кромешную тьму.*

Можно догадаться, что я не только спал, но и бодрствовал, и в "активной фазе" жизни параллельно происходили вещи, достойные

внимания.

В частности, примерно месяц спустя после начала моих занятий Сахаджа йогой я снял новое жильё, вернее сказать, комнату. В день заселения я зашёл на половину к хозяйке (она была лежачей больной), мы недолго поговорили о том о сём, после чего я пошёл осваиваться в своём новом жилище. На следующий день ко мне в дверь постучала хозяйкина дочь, чтобы сообщить следующее: в комнате её мамы зацвел кактус, чего с ним не происходило последние одиннадцать лет. Наряду с некоторыми снами, я воспринял это как знамение, что иду по верному пути.

Я нуждался в знаках свыше, главным образом, потому, что к тому времени у меня уже начала побаливать голова, иногда сильно. К примеру, на одном концерте классической музыки, пока другие мои знакомые йоги, по всей видимости, наслаждались им вовсю, моя голова, точнее правая её часть, была словно зажата в тиски.

К тому времени я уже глубже вник в работу тонкой системы благодаря лекциям Шри Матаджи и общению с йогами. Помимо прочего, я выяснил, что блокировки чакр могли проявляться, в том числе, в виде болезненных ощущений, в моём случае — в голове, области груди и челюсти.

Нестерпимым всё это я бы не назвал, но и приятного тоже было мало, тем более, что от занятий йогой я ожидал несколько иных состояний. Утешал я себя тем, что, мол, вот почищусь и мне непременно станет легче (впоследствии, так всё и произошло, хотя двигался — всё ещё *двигаюсь* — в этом направлении намного медленнее, чем мне бы того хотелось).

Здесь, главным образом, сказался мой логоневроз — в Сахаджа йоге, по крайней мере, в некоторых случаях он считается результатом проникновения в тонкую систему так называемых "бхутов", христианским языком — бесов. К слову, как я позже узнал, у многих страдающих

логоневрозом фиксируется аномальная активность именно в правом полушарии мозга (напомню, что голова у меня болела практически всегда именно с правой стороны). Многолетнее прослушивание "низковибрационного" дэт-метала тоже не прошло для меня даром.

В общем, когда я пришёл в Сахаджа йогу, моё духовное состояние было, мягко говоря, запущенным: я и сам это ощущал, и другие йоги с развитым "вибрационным сознанием" могли это улавливать. Даже произошёл в этой связи курьёзный случай. Один йог взялся меня "почистить". Не почувствовав достаточной его внутренней крепости, я попытался его от этой затеи отговорить. Он настоял. Окончилось всё тем, что, с его слов, примерно ещё неделю после этой чистки он ощущал зажатость в области своей челюсти, при чём спазмы перемещались по всему его лицу. У нас сохранились приятельские отношения, но предложений о "почистить" от него уже

больше не поступало.

Помимо блокировок и сопутствующих им болезненных ощущений, к счастью, были и блаженные, радостные моменты. Насколько позволяло состояние горловой чакры, во мне всё больше повышалась тонкая чувствительность, и я уже мог, в том числе, ощущать сильные прохладные вибрации на пальцах и ладонях.

Однажды, в эмоционально сложный для меня момент, я впервые явственно ощутил, как от основания позвоночника до самой макушки головы поднялся поток, как бы омыв, расслабив меня, растворив все угнетавшие меня в тот момент мысли. Собственно, этот поток и был Кундалини. Благодаря этому опыту разрешились сразу несколько вопросов, и все дальнейшие опыты, связанные с этой энергией, это неизменно подтверждали: Кундалини находится именно в основании позвоночника, а не, скажем, в животе; её пробуждение ничего не имеет общего с

сексом; она несёт в себе радость, умиротворение, свет (если читатели помнят, ранее я приводил довольно противоречивые сведения о Кундалини, почерпнутые мной из различных источников).

Особенно сильными, наполняющими меня блаженством были реакции Кундалини (здесь под *реакциями* следует понимать её взмывания вверх) на ту или иную музыку или пение, скажем, индийскую классическую музыку, азаны (исламские призывы к молитве), некоторые классические произведения и так далее, но никогда на дэт-метал или, скажем, какие-то дешёвые образчики жанра "поп".

Подобные реакции также возникали на каких-то знаковых духовных фигур, гуру, пророков, визионеров. Иными словами, всё это было чем-то вроде "сертификации", что такой-то или такая-то имеет отношение к Богу, уполномочен(а) Богом, а не просто рядится в рясу, мантию и прочие аналоги

овечьих шкур.

Расскажу ещё о нескольких заслуживающих внимания событиях, внешних и внутренних, которые утвердили меня на моём духовном пути.

Однажды я предложил мастеру *рейки* (назовём его Олегом), довольно популярной в наши дни энергетической практики, пробудить его Кундалини. Для этого он должен был направить левую ладонь к фото Шри Матаджи, а правую, после произнесения тех или иных утверждений, поместить чуть выше макушки головы — в общем, я предложил ему классический протокол пробуждения Кундалини в Сахаджа йоге.

Когда дело дошло до макушки, Олег резко отдернул правую руку и даже вскрикнул. Я поинтересовался, что случилось. По его словам, когда он направил ладонь к фотографии Шри Матаджи, от неё отделилась как бы неоновая дымка. Когда она дошла до его темечка, он почувствовал в

голове резкую боль. По моим внутренним ощущениям и даже чисто по внешним признакам, Олег, в общем и целом, не производил впечатление духовного человека. Свои экстрасенсорные способности, к слову сказать, он получил после операции на голове. Благодаря этому опыту я лишней раз убедился в действенности фотографии Шри Матаджи, а также в метафизической "нечистоплотности" экстрасенсорики. Коль скоро речь зашла о практике *рейки*, скажу без обиняков, что "прохладой" от неё не веет.

Ещё один опыт с работником "энергетического фронта", в этот раз Галиной. Так получилось, что мы вместе смотрели танец, посвящённый Шри Ганеше. Галина ничего не знала ни о Шри Ганеше, ни о Его особой ассоциации с первой чакрой. Но во время просмотра, по её словам, она почувствовала в своей первой чакре необычную активность. До того момента связь божеств с чакрами для меня была чем-

то абстрактным и зиждилась исключительно на доверии Шри Матаджи — из-за моих блокировок мне было сложно улавливать многие вибрационные нюансы. Таким образом, к общему доверию добавилось хотя и не внутреннее, но знание.

Пожалуй, одно из самых значимых моих духовных переживаний. Однажды во время медитации у меня особенно сильно разболелась голова, причем не только как обычно "справа", но и внутри — глазные яблоки буквально пульсировали болью. Было такое ощущение, что они вот-вот взорвутся. К тому времени я уже научился полагаться на Кундалини, и я решил продолжить медитацию не смотря ни на что. В конечном итоге, помимо полного снятия напряжения в глазах, во мне возник как бы внутренний стержень, т. е. самосушая, самоочевидная ясность, в том числе, и в отношении того, что я никогда не потеряю рассудок. В свете ранее описанного юношеского опыта, когда я этого самого

рассудка чуть было не лишился, загоревшийся внутри "онтологический" огонёк становился значимым противовесом всему тёмному и хаотическому в моём существе. Более того, этот огонёк стал и остаётся главным источником моей убеждённости в Шри Матаджи как в божественной личности. Всё остальное нанизывается на это как бы приятным довеском.

Один из ярчайших таких довесков. В "Гносеологии" я пишу про мубахилу, т. е. духовный челлендж, который Пророк Мухаммед предлагал своим оппонентам. Нужно сказать, что понятие это мне знакомо не только теоретически — в своё время в споре с мусульманином я засвидетельствовал пред Аллахом о своей приверженности к Сахаджа йоге и пригласил на себя небесную кару, коль скоро мой духовный путь был ложным (нужно сказать, что я отважился на этот челлендж уже после вспыхивания "огонька"). Небеса не

разверзлись, молния не ударила, и вообще ничего такого, что могло быть мною воспринято как проигранный челлендж, не последовало. Перед исламом я чист.

Хотя в христианстве подобные челленджи не практикуются, есть довольно суровое евангельское предостережение:

Сказал Господь: кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море. И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки её: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает.

Поскольку существовала вероятность, что я соблазню "малых сих" своими текстами, содержащими в т. ч. очень... неортодоксальные взгляды на Христа, я

обратился к Нему примерно с такими словами: "Ты видишь, Господи, насколько я убеждён в Шри Матаджи и Сахаджа йоге. Но если сегодня я каким-то образом сгину или покалечусь — только *это* заставит меня переменить свои взгляды и убережёт других от того, чтобы я сбивал их с Твоего пути".

Один человек засвидетельствовал это обращение и должен был его опубликовать, окончилось для меня этот челлендж трагически. В общем, у Христа была славная возможность избавиться, в случае чего, от лже-пророка. Очевидно, что тот день я благополучно пережил, и теперь моя совесть чиста не только перед исламом, но и христианством.

О значимых для меня в духовном отношении людях. В *Лоциях* несколько раз упоминается Григорий Померанц. Мне довелось обменяться несколькими письмами (пусть и электронными) с ним и его супругой, замечательной поэтессой и переводчицей Зинаидой Миркиной. Я послал Григорию

Соломоновичу своё эссе, содержание которого сейчас уже помню смутно, что-то около-юнгианское. К моему удивлению, он ответил, и ещё большей неожиданностью стал его восторженный отклик о моём тексте. В его письме содержалось и несколько одобрительных строк от Зинаиды Александровны. Учитывая важность для меня этого предмета, я не мог не написать им и о Сахаджа йоге. Помню, что реакция их была сдержанной, даже настороженной. Вместе с тем Зинаида Александровна призналась (цитирую практически дословно), что уже давно интуитивно обнаружила в себе поток, поднимающийся по позвоночнику к темени. В том, что это была Кундалини, я лично нисколько не сомневался, поскольку кроме явной схожести "симптомов" моя собственная Кундалини отреагировала на Зинаиду Александровну радостной волной — можно это считать своего рода духовной "верификацией".

К слову сказать, подобную верификацию прошла и другая поэтесса — Эмили Дикинсон. Читателям должно быть небезынтересно, что она пишет о поэзии:

"Если я читаю книгу, и от неё всё моё тело холодеет так, что никакой огонь не может согреть — я знаю, что это поэзия. Если я чувствую, будто макушка моей головы разверзается — я знаю, что это поэзия. Только так я это распознаю. Разве есть иной способ?"

Думаю, что комментарии излишни.

От поэтов — к художникам, вернее, художнику, а ещё точнее — художнице, по совместительству моей супруге. Когда ей было двенадцать лет, во время чтения Библии у неё было грандиозное переживание божественности Христа — помимо восхрищенности, там был и поток вдоль спины, и разверзнувшаяся над головой бесконечность, в общем, всё то, что

полностью укладывается в пробуждение Кундалини. Сам термин "Кундалини" она впервые услышала от меня, и когда я провёл все эти параллели, ей было сложно их не признать. Хотя она, к некоторому моему удивлению, остаётся верна православным "мембранам", её Кундалини — к её удивлению — радостно реагирует и на мусульманские азаны, и, скажем, на индуистские гимны. Набралась от меня "плохого".

Уже примерно двадцать лет, как я практикую Сахаджа йогу. Должен признаться, что окончательно не избавился от тёмных прожилок в своём существе. Иногда, я представляю самого себя как цитадель, в которой враги взяли несколько кругов обороны, но самая главная башня осталась неприступной и в ней горит маленький, но яркий и постепенно разгорающийся огонёк. Довольно продолжительное время Кундалини проходила через мою Вишуддхи, т. е. горловую чакру, словно через

выжженную землю. Но постепенно и там проклюнулись "зелёные побеги", и даже распустились какие-то "цветы". Мой логоневроз, к слову, тоже практически сошёл на нет.

О своей гносеологии на данный момент мне больше нечего сообщить читателям.

~ ~ ~

А как насчёт *Вашей* гносеологии, о мой читатель? Как насчёт пробуждения Вашей Кундалини, коль скоро Вы каким-то чудом добрались до этой страницы? По крайней мере, в этом состояла часть моего "коварного" плана. При этом Вы можете духовно обезопасить себя любым приемлемым для себя способом, скажем, предварительно сотворить молитву, находиться в святом месте и т. д. Если Ваш ответ — "да", то не будем откладывать Ваш гносеологический (если угодно, телеологический) эксперимент в долгий ящик. Возможно, Ваше "да" со временем и

опытностью перейдёт в "да, да".

Озвучу несколько условий. На протяжении всего эксперимента Ваша левая ладонь будет открытой и направленной к фото Шри Матаджи (Вы найдёте его чуть ниже). Вам нужно будет произнести несколько утверждений, про себя или вслух, с такой серьёзностью и торжественностью, на которую Вы только способны. Правая ладонь при этом ляжет вначале на сердце, потом на лоб, затем на затылок и на темя. Готовы? Или тайм-аут?

Если готовы, то первое утверждение с правой ладонью на сердце: "Я не есть это тело, эмоции, мысли, эго. Я — Дух".

Правая ладонь теперь на лбу, и здесь нужно сказать: "Я прощаю себя и всех остальных". И действительно попробуйте это сделать на всю кажущуюся нелепость.

Правая ладонь теперь на затылке, и здесь нужно попросить прощения за все вольные и невольные ошибки (прегрешения) против своего Духа, читай высшего "Я", равно как и против других живых существ.

Наконец, правая рука медленно поднимается над теменем сантиметров на тридцать (ладонь направлена вниз). Здесь можно обратиться к Творцу примерно следующим образом: "Если есть на то Твоя воля, пусть моя Кундалини (Невеста, Масло маслины благословенной) пробудится".

Прислушайтесь немного к тому, что происходит у Вас над головой, на руках, внутри. Затем положите обе руки на колени и посидите так какое-то время — чем расслабленнее, тем лучше — далее прислушиваясь к своим ощущениям.

Я не имею ни малейшего представления, что произойдёт именно с Вами, о читатель, и произойдёт ли что-то вообще. Но как говорят мусульмане: "Аллах милостивый, милосердный". Хочется надеяться, что весь этот путь Вы проделали не впустую, если только это не связано с Великой Пустотой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В прологе к своей *Цитадели* Экзюпери пишет то, что я позаимствовал для *Лоций* — с той лишь разницей, что поместил это в *послесловие*:

...Хочу закончить свою книгу. Вот и всё. Меняю себя на неё. Мне кажется, что она вцепилась в меня, как якорь. В вечности меня спросят: "Как ты обошёлся со своими дарованиями, что сделал для людей?" Поскольку я не погиб на войне, меняю себя не на войну, а на нечто другое. Кто поможет мне в этом, тот мой друг... Мне ничего не нужно. Ни денег, ни удовольствий, ни общества друзей. Мне жизненно необходим покой. Я не преследую

никакой корыстной цели. Не нуждаюсь в одобрении. Я теперь в добром согласии с самим собой.

Думаю, что полностью высказался в отношении того, что считаю наиболее достойным внимания, всё "разжевал", всё демистифицировал, указал на "луну" не одним только пальцем, а всей пятернёй.

Если резюмировать *Лоциии* в одном абзаце: Жизнь как она есть, как она нам знакома — не цель в себе, а канат, который нужно в себе нащупать и идти по нему, балансируя; поле, которое нужно преобразовать во что-то более... симпатичное благодаря балансу между волей и желаниями, между мыслями и чувствами, между возвышенным и земным, между своими маленькими, но систематическими усилиями и Провидением. Вселенная кишит разными силами — полный спектр от демонического до Божественного. Идея балансировки и преобразования — Божественная; все другие идеи о жизни — как минимум, не

Божественны, периферийны, кюветны, канатосрывны. Суждениям человека, неумело, негармонично обращающегося со своей сексуальностью, стремлением к самоутверждению, чувством собственности, эмоциональностью — доверять нельзя, по крайней мере, что касается мировоззренческих вещей. В основной своей массе, люди — неважные канатоходцы. Но Вы, мои читатели, постарайтесь. Кундалини — как она понимается и пробуждается в Сахаджа йоге — может оказаться в этом верным и надёжным союзником. Могла бы.

И последнее: не доверяйте Сахаджа йогам, включая меня. В конечном итоге, ваше просветление — это сугубо интимное дело между Богом и вами. Хотя мне сложно отделаться от мысли, что ваш успех, равно как и неуспех в достижении мало-мальских духовных высот, отразится на нашей *общей* судьбе в пространстве-времени.

Август 2025